

4

1971

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМВОКРУГ СВЕТА

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Богомил РАЙНОВ — Человек возвращается из прошлого	2
Уильям ТЕНН — Берни по кличке Фауст .	53
Александр КАЗАНЦЕВ — Фаэты (Гибель Фаэты)	76
Джулиан САЙМОНС — Благодаря Уильяму Шекспиру	153

№ **4** (64)

1971
ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

Повесть

ГЛАВА 1

Вы знакомы с Петром Антоновым? Нет? А с Иваном Медаровым? Тоже нет? Тогда, наверное, придется обо всем рассказать сначала. Не волнуйтесь: говоря «сначала», я не имею в виду — от Адама и Евы. Не люблю пустой болтовни.

С Петром Антоновым дело проще: это я. А вот Медарова я вам представить не могу. По чисто техническим причинам. Вчера около двух часов тридцати минут ночи вышеупомянутый гражданин был найден мертвым на улице Крайней.

Если бы об этом рассказали моей тетушке, она ответила бы по привычке: «Сидел бы он дома... Я вот сижу, со мной ничего никогда не случится». И на этом вопрос был бы исчерпан. Я, к сожалению, не могу исчерпать его

так же просто и быстро, ибо работаю в милиции и расследование этого дела возложили именно на меня.

Собственно, эту историю можно было бы счесть обыкновенным несчастным случаем: господин Медаров человек не первой молодости, точнее — ему было под шестьдесят. Сердце было не ахти, и к тому же его привлекал аромат и вкусовые качества мастики*. Чуть перебрал... Сделалось нехорошо... И вот он, конец, который венчает всякое дело.

При вскрытии тела не обнаружили ничего подозрительного: ни намека на физическое насилие, ни раны. Покойник лежал на тротуаре чуть ли не в идиллическом спокойствии, романтично овеваемый запахом своего любимого напитка.

Однако случилось так, что вашему новому знакомому Петру Антонову пришлось столкнуться с Иваном Медаровым, хотя этот последний и исчез с лица земли. Со мной всегда так. Большинство моих знакомых — люди, от которых мне здесь, на земле, ни грамма пользы. Зато у меня широкие связи на том свете. И вообще, если вам нужна протекция или есть просьбы к кому-нибудь на том свете, обращайтесь прямо ко мне.

Но не будем впадать в мистику. Обратимся прямо к фактам.

Итак, только я пришел в то утро на работу, как меня вызвал шеф. А если тебя вызывает шеф, то, как я не раз имел возможность убедиться, отнюдь не для того, чтобы подарить тебе розы. Хотя, по правде говоря, именно сегодня букет цветов был бы мне к стати. Надеюсь, вы уже догадались, что у преданного вам Петра Антонова есть кому их подарить, и не просто так, без причины. Но когда меня вызвал шеф, да еще в столь ранний час, я подумал о двух обстоятельствах: во-первых, что он поручит мне расследование какого-то нового дела, и, во-вторых, что это дело будет не из легких.

Оказалось, что в целом я был прав. Небрежным жестом шеф указал мне на кресло перед письменным столом и, се-

* Мастика — анисовая водка.

кунду поколебавшись, кивнул на деревянную коробочку с сигаретами, что должно было означать: «Можешь курить». Сам полковник не курил и, наверное, чувствовал отвращение к табачному дыму, но принадлежал к тем людям, которые понимают других.

Я сел, закурил и, прежде чем докурил сигарету до половины, был уже в курсе дела. Полковник тоже не любил долгих вступлений.

— Жаль, — закончил он, глядя куда-то в сторону, — жаль, что товарищи, нашедшие труп, были убеждены, что это несчастный случай. Они немедленно вызвали «Скорую помощь», и труп был отправлен в больницу. Это лишило нас всяких доказательств в деле и без того весьма темном.

— Хорошо, что вообще есть труп, — сказал я скромно, как человек, удовлетворяющийся и малым. — А что за люди нашли труп?

— Прохожие. Так что по этой линии тебе немного удастся достичь. Собственно, не исключено, что мы имеем дело с обыкновенным несчастным случаем. Но так или иначе нужно все тщательнейшим образом проверить. Ты слышал что-нибудь о «Комете»?

— Нет, и вообще я в астрономии не силен, — ответил я, с сожалением гася сигарету, зная, что полковник не укажет мне второй раз на деревянную коробку.

— Ничего общего с астрономией это не имеет, — сухо отрезал шеф.

Вот так он всегда обрывает меня, когда я пытаюсь пошутить, словно желая доказать, что в нашей профессии шутки неуместны. В общем, полковник прав, но я считаю, что если уж у тебя работа не из веселых, то хотя бы ты сам не должен вешать носа.

Шеф посмотрел на меня спокойными серыми глазами и проговорил ровным голосом:

— «Комета» — название торгового представительства, аферы которого рассматривались на специальном процессе после Девятого сентября. Именно после этого процесса Медаров почти двадцать лет просидел в тюрьме и только месяца три тому назад вышел. Это, конечно, дело давнее. Но некоторые его подробности требуют внимания к этому случаю. Впрочем, разбирайся сам. Просмотри материалы и берись за дело.

Шеф слабо улыбнулся мне, как бы говоря: «Не обращай внимания на служебный тон, ведь мы с тобой друзья, только, пожалуйста, иди теперь, потому что у меня еще много дел».

Как видите, полковник умеет выражать длинные мысли короткой улыбкой, я уже говорил, что многословие ему не по вкусу.

Я встал, кивнул ему и вышел.

Надел плащ, еще мокрый от утреннего осеннего дождя, и натянул шляпу на брови, а это означает, что я размышляю и настроение у меня не для твиста. «Итак, за дело, дружок», — приказал я сам себе, быстро спускаясь по лестнице. Новый день, новые дела, новые успехи. Ученик

склоняется над партой, чтобы узнать об особенностях Рило-Родопского массива. Архитектор чертит проект современного десятиэтажного здания. Бригада коммунистического труда приступает к производству новой модификации станка, а преданный вам Петр Антонов начинает новое небольшое расследование.

На улице, к моему удивлению, распогодилось. Туман рассеялся, по небу плывут белые тучки, и через просветы между ними на город падают солнечные лучи. Ветер сильный, но теплый. Если ко всему этому прибавить, что я иду встречаться со старинным приятелем, то следует признать мое сальдо не таким уж отрицательным.

Мой старинный приятель — очень интересный человек и, между прочим, прекрасный врач. Не делайте поспешных выводов, я вовсе не навязываю вам его в домашние врачи, но он и впрямь яркий талант, виртуоз, Паганини аутопсии и достаточно милый человек, если отвлечься от его привычки всегда курить чужие сигареты.

Недолгая поездка в трамвае, минуты три пешком, и вот мы с ним уже в зале для аутопсии. Тут, заботясь о деликатном читателе, я просто переверну две страницы технических подробностей, кивну врачу и выйду в коридор. Только мы вышли, как рука Паганини бесцеремонно потянулась к моим сигаретам и долго копалась в пачке, выискивая сигарету помягче, но не пустую.

— Ну рассказывай, — поторопил я, чтобы отвлечь его от любимого занятия.

Судебный врач не торопясь завершил аутопсию моей пачки, сжал сигарету в зубах и красноречиво взглянул на меня. Я вздохнул, зажег спичку и тоже закурил. Паганини с явным удовлетворением выпустил струйку дыма и вместо благодарности пробормотал:

— Испортите все дело, а потом «рассказывай». Было бы о чем. Не могли, что ли, вызвать меня ночью на место происшествия?

— Я не был там.

— Bravo! Откуда это новшество — обходиться без осмотра места происшествия?

— Какой там осмотр! Им показалось, что это несчастный случай, и пострадавшего сразу же отвезли в больницу.

— А что тебе мешает признать это несчастным случаем?

— Ничто не мешает. Разве что педантизм. Врожденный дефект, ничего не попишешь.

— Bravo! — повторил врач.

Это «браво», повторяемое к случаю и без него, — единственная острота в его лексиконе. Мой друг снова жадно затянулся сигаретой и прибавил:

— Но, друг мой, я тоже педант и не могу дать тебе точного ответа, не имея ни малейшего представления, как лежал покойник.

— Зато у тебя есть сам покойник.

— Бери его себе.

— Ладно уж, пусть остается у тебя! — великодушно запротестовал я. — Сколько ты сигарет перебрал у меня уже, а хочешь мне всучить этого... Мне нужны только данные аутопсии.

— Эти данные, друг мой, столь банальны, что я мог бы абсолютно точно квалифицировать эту историю, если бы не остатки педантизма...

— Ну хорошо, ближе к фактам.

— Из всего вытекает, что этот человек умер от разрыва сердца. Поскольку ты, как я понимаю, ищешь чего-то другого, то должен тебе сказать, что алкоголь вряд ли был причиной смерти: по рубашке и жилетке покойника разлилось гораздо больше мастики, чем было выпито...

— Итак? — нетерпеливо спросил я, ибо не люблю драматических пауз.

— Смерть могла наступить и без алкоголя, — равнодушно проговорил врач.

— Ну еще бы, — кивнул я. — Его встретил знакомый, рассказал страшную историю, и он со страху оочурился. Только зачем было обливаться его мастикой? Может быть, чтобы побыстрее пришел в себя?

— Кто его знает... Это уж тебе виднее.

— Продолжай.

— Это нетрудно. Плохо только то, что я не могу ничего доказать со всей определенностью.

Паганини в последний раз затянулся и ловко выбросил окуроч в окно.

— Ну, а все-таки? — поторопил его я.

Мне показалось, что он тянет не без причины, и действительно я не ошибся.

— Ты куда дел сигареты? — недовольно спросил Паганини, словно речь шла о его сигаретах, а не о моих.

Я вздохнул, достал пачку, угостил старого друга и снова поторопил его:

— Ну давай дальше.

— Некоторые детали заставляют меня думать, что смерть могла наступить в результате поражения электрическим током...

Паганини выпустил остренькую струю дыма и взглянул на меня, почти не скрывая удовлетворения. Это его сюрприз. Если уж он слишком затягивает беседу, то это не только для того, чтобы выкурить лишнюю сигарету, но и чтобы ошарашить тебя.

— Какие детали ты имеешь в виду? — спросил я. — Не нашел ли ты каких-нибудь следов? Если был удар током, должны быть какие-то следы.

— То-то и оно, что следов нет... Но это еще не исключает возможности... Особенно при такой тонкой коже, как у нашего пациента.

— Электрический ток... Посреди улицы... — вслух размышлял я.

— А что ты удивляешься? Вполне возможно, — проговорил Паганини. — Его встретил тот, что рассказал страш-

ную историю... Сказал «приветствую тебя» и в темноте вместо руки подал ему оголенный провод...

— Bravo! — воскликнул я в стиле моего собеседника и поскорее вышел из этого «миленького» заведения.

* * *

Я уверен, что те, кто меня знает, уже видят, как меня поглотил муравейник города, как я ищу доказательств и специалистов в стихии электричества. Вот вам, дудки! Инспектор, как самый ярый бюрократ, закрылся в своем кабинете, разложил перед собой кипы пожелтевших документов и углубился в чтение их.

Если хочешь проникнуть в жизнь какого-то человека, когда его уже нет в живых, единственный выход — обратиться к его мемуарам. Так случилось и с Медаровым, хотя как раз он не мог пожаловаться на отсутствие времени. Двадцать лет свободного времени — и никаких мемуаров нет, ну куда это годится!

А впрочем, если нет мемуаров, можно удовлетвориться протоколами судебного дела. Документов по делу «Кометы» полным-полно, но заметки, которые я сделал для себя, очень скромны: несколько имен, несколько исходных точек. Дальше след теряется в неизвестности, но важно, что мы на правильном пути. Еще немного чтения, несколько справок по телефону, и вот мы уже на старте. С утра у меня ни одной тропки, а теперь передо мною две. Чтобы их не путать, я дал им названия. Первая — «Илиев», вторая — «Танев». В добрый час!

Раз уж мы заговорили о времени, то следует уточнить, что в тот момент, когда я надевал высохший уже плащ, было шесть часов. Рабочий день давно окончился, по крайней мере для большинства. Излишне подчеркивать, что я к нему не принадлежу.

В эту пору дня трамваи переполнены, вот я и решил пройти пешком. Не знаю, говорил ли я, что такие прогулки мне всегда на пользу. Шагая, заставляешь и мысли идти с тобою в ногу, и вообще создается хорошая рабочая атмосфера. Кое-кто полагает, будто наша работа — это стоять где-нибудь в темноте с пистолетом в руке, ожидая, когда на тебя бросится убийца, или разглядывать в мощную лупу отпечатки пальцев. Тем не менее нам приходится много думать и разговаривать. Правда, на строго определенные темы.

А раз собеседника у меня нет, то я разговариваю сам с собою и, углубившись в это увлекательное занятие, пересекаю город от Львиного моста к Орлиному. Расстояния между этими двумя мостами вполне достаточно, чтобы в моей голове созрело несколько начальных версий.

Уже совсем стемнело. Деревья парка неясно выделяются на фоне темного неба. Люди торопятся, сбиваются на троллейбусных остановках. Огни автомобилей на шоссе движутся двумя длинными гирляндами — одна красная, другая белая, одна исчезает в темноте, другая выползает из

нее. Я свернул в полутемную аллею между гирляндами и парком, с наслаждением вдыхая запах влажной земли, мокрых листьев и аромат сигареты, которая горит в уголке моих губ. Еще несколько деталей к версии, которая принимает уже более ясные очертания, и мы пришли в нужное место.

Это совсем еще новый дом. На лестнице пахнет масляной краской, а мальчишки не успели еще оставить свои автографы на стенах. Быстрый взгляд на почтовые ящики убеждает меня, что я на правильном пути. Вообще моя практическая работа слишком часто связана с розыском всяких адресов, с хождением по лестницам, стуком в двери и формулированием реплик вроде: «Вы такой-то?.. Очень приятно... Я из милиции». К сожалению, это «очень приятно» не всегда бывает взаимным. Но это мелочи. Думаю, внешне я похож на контролера, только я интересуюсь обязанностями людей не в связи с расходом электричества или газа, а в связи с законами, хотя на сей раз электричество меня интересует.

Четвертый этаж, дверь налево. Звонок. Рядом с ним — электрический выключатель. Новый, стандартный и абсолютно исправный. Нажимаю на выключатель, чтобы проверить, как он работает, пока не погаснет свет*. Потом осуществляю такой же научный эксперимент и со звонком. Мгновение спустя дверь широко раскрылась, и на пороге появился невысокий человек, чуть старше меня.

Научитесь, кстати, толковать язык дверей. Если двери открываются сантиметра на три, чтобы хозяин мог просунуть свой подозрительный нос, это значит, что тут могут быть подозрительные дела. Если упоминаемая конструкция раскроется несколько шире — это обыкновенная осторожность. А когда дверь открывается настежь — значит хозяин человек гостеприимный. Мол, прошу вас, заходите, что хотите выпить?

Я вошел, формальности ради небрежно показал свое удостоверение. Хозяин взглянул на мой документ, стараясь сохранить приветливое выражение лица. Уютный холл, два кресла, два мягких пуфа с бледно-розовой обивкой. Низенький полированный столик с хрустальной пепельницей и фаянсовой статуэткой, изображающей некий гибрид сенбернара и жеребца. На стене картина, полная кроваво-фиолетовой сирени. В углу — радиоприемник и телевизор. Красносиний чипровский ковер, портьеры с большими желтыми цветами. Все новое.

Чтобы окончательно завершить описание помещения, можно добавить, что в холле три двери. Перед одними дежурит милиционер. Открываю их и оказываюсь в небольшой спальне с одной кроватью. И здесь все новое, за исключением большого плаката, прибитого над кроватью, на котором изображен гимнаст.

— Покойник, кажется, увлекался гимнастикой, — заметил я.

* В жилых домах Болгарии свет на лестнице включает каждый входящий, а выключается он автоматически.

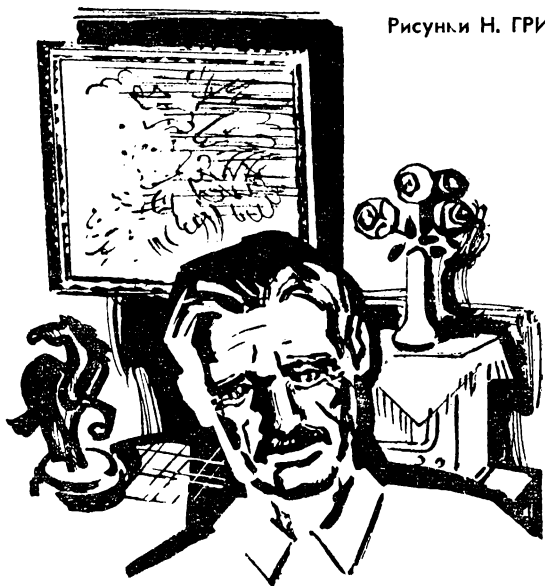
— Да нет, — ответил хозяин, нерешительно остановившийся на пороге. — Это комната моего старшего сына. Он, знаете ли, служит в армии, и поэтому Медаров поселился у нас.

Я быстро оглядел комнату. Убрано. Все на своих местах.

— Чистенько, все прибрано... — пробормотал я. — Надеюсь, вы не хозяйничали здесь после смерти вашего квартиранта?

— Да когда же? — развел руками хозяин, деланно улыбаясь. — Ваши люди тут со вчерашней ночи.

Что наши люди здесь с ночи, мне хорошо известно. Равно как и то, что нашли в комнате и в карманах Медарова. И вообще, я пришел сюда совсем не ради осмотра комнаты, хотя личное впечатление никогда не мешает. Но наконец надо начинать.

Рисунки Н. ГРИШИНА

Мы снова вернулись в холл.

— А вы неплохо устроились, — заметил я добродушно, сел в кресло и закурил сигарету.

— Это все жена, — ответил хозяин, переступая с ноги на ногу, словно колеблясь: сесть или нет. — Мне о доме думать некогда, а вот жена ни о чем другом и думать не может.

— Медаров как будто тоже был аккуратным человеком, — сказал я, кивая на дверь его комнаты.

— Да, был... — как-то нехотя согласился хозяин. По-

том нерешительно потоптался и предложил: — Может быть, выпьете что-нибудь, а? Вы что пьете?

— Ничего. В данном случае это походило бы на подкуп.

— Как вам будет угодно, — ответил хозяин, разводя руками.

— А что пил покойный? — спросил я.

— Мастику. Только мастику.

— Гм... А как насчет женщин? Загулов?

— Этого не было. Сто граммов мастики к обеду. Сто к ужину — вот и весь загул.

При этих словах хозяин наконец решил сесть в кресло, уловив, очевидно, что я не тороплюсь уходить.

— Ну, сто к обеду и сто вечером — это немного, — заметил я добродушно. — Разве что каждый день... Но не будем копаться в личной жизни покойного. Он был человек компанейский?

— В каком смысле? — несколько удивился хозяин.

— Приглашал ли гостей, ходил ли сам в гости к кому-нибудь?..

— Где там! Из дому он выходил редко, и то чаще всего в ресторан напротив, где пил мастику.

— А с кем он пил?

— Один. Всегда один. А чтобы кто-нибудь к нему пришел — нет, такого я вообще не помню.

— Да-а, — протянул я. — А почему он поселился именно у вас?

— Да как вам сказать... Я был шофером у него перед Девятым... Точнее — в «Комете»...

— А что такое «Комета»?

— Торговая фирма была такая, бюро... Три человека руководили им: инженер Костов, Медаров и Танев. Поэтому и «Комета»: Костов, Медаров, Танев — по первому слогу от каждой фамилии.

— Ага... Ну, Костов пропал без вести, это нам известно, Медаров тоже исчез, хоть и не так бесследно. А Танев? Где Танев? Этот третий?

— Где ему быть... — пробормотал хозяин, пожимая плечами. — Здесь где-нибудь, в Софии, наверное. Я встречал его несколько лет назад...

— А сейчас?

Хозяин отрицательно покачал головой.

— Давно его не видел.

— А вы не знаете, Медаров виделся с Таневым?

Опять тот же жест.

— Об этом мне ничего не известно.

Наступила короткая пауза. Я лично к паузам привык. А хозяину стало как-то не по себе.

— Может быть, все-таки выпьем что-нибудь?.. — предложил он, прерывая молчание.

— Оставьте вы вашу выпивку, — возразил я и снова умолк, разглядывая собеседника.

Лицо его казалось добродушным, хотя и немного насупленным. Это, видно, от постоянного наблюдения за резцом

токарного станка, профессиональное. При этом, несмотря на седые виски и вертикальные морщины между бровями, лицо его имело почти детское выражение.

— Вы, Илиев, — проговорил я, глядя на него, — насколько мне известно, мастер на авторемонтном заводе.

Хозяин утвердительно кивнул.

— И при этом очень хороший мастер... Впрочем, это можно заметить и по тому, как обставлена ваша квартира...

Я снова быстро осмотрел обстановку квартиры и обратился к хозяину.

— Такие, как вы, бывают обычно прекрасными свидетелями... Лучшими помощниками для нас...

Илиев стыдливо улыбнулся.

— Поэтому, — продолжал я, — я вынужден сказать вам, что очень надеюсь на сведения, которые получу от вас...

— Я бы с радостью... — ответил Илиев, все еще продолжая улыбаться. — Все, что знаю...

— Мы говорили о Таневе... — направил я его мысли.

— О нем я ничего не слышал...

— Так-таки ничего?

— Да, ничего.

— Какие знакомства были еще у Медарова? Приятели, родственники?..

— У него есть сестра, — вспомнил Илиев, явно обрадованный тем, что может все-таки дать мне какие-то сведения. — Это чуть ли не единственная его родственница. Выйдя из тюрьмы, он поселился у нее, но задержался там недолго. Поссорились как будто... Не с ней, с ее мужем — с Сираковым.

— Что же они не поделили?

— Я не спрашивал. Он, правда, говорил, что они друг друга терпеть не могли, а почему — не знаю. Поэтому он и пришел ко мне искать пристанища. Узнал, что сын мой в армии, а комната свободна, вот и пришел...

— Гм... — выдавил я из себя, а это можно толковать как угодно. Поскольку я этим ограничился, Илиев продолжал:

— Это правда, комната на время была свободна... Ну он попросил, я согласился...

— Не понимаю, почему вы должны были соглашаться?

— Совсем не должен был, — удрученно пробормотал Илиев. — Ничего я ему не должен... Просто как-то неловко, он все же мой знакомый и знал, что комната пустует... «Цена, — говорил он, — значения не имеет».

— А на что, собственно, он жил?

— Откуда я знаю, деньжата у него водились. Может быть, что-нибудь прятал у сестры.

— Да. В комнате у него деньги нашли, — согласился я. — Хотя и не бог весть сколько... Так что вы говорили о «Комете»? Что за общество была эта «Комета»?

— Ох уж эта чертова контора! — поморщился Илиев. — Вообще-то все выглядело так: обычное помещение

с тремя кабинетами для трех шефов и одной комнатой для бухгалтерии. Вот и вся «Комета»; и при этом они орудовали миллионами, все было согласовано с немцами. Гитлеровцы поставляли самолеты и запасные части для нашей армии, и все это проходило через «Комету». Словом, что-то вроде представительства... А три процента с миллиардов — представляете, что это такое?.. Все выяснилось на процессе. Поэтому Медарову и дали столько...

— Правильно. Все сходится, — проговорил я. — Хотя, чтобы возместить лишь маленькую часть награбленных денег, ему нужно было бы пробыть в тюрьме не одно столетие. Но, учитывая, что жизнь коротка, его осудили только на тридцать лет, а потом уменьшили срок до двадцати... А как это Таневу удалось отделаться условным наказанием?

— Его имя нигде не фигурировало, только в названии фирмы. Все бумаги подписывали Костов и Медаров, так что Танев был как бы подставным лицом...

— Хотя на самом деле это было не так, — проговорил я.

Илиев развел руками.

— Может быть, так... А может, и нет... Откуда мне знать? Я был простым шофером: «Отнеси это!», «Отвези меня туда!»

— Понятно, — кивнул я. — Но ведь шоферы немало слышат. Когда хозяева ездят, они ведь не всегда молчат...

— Э-э, они знали, что говорить, а что нет. Все трое были стреляными воробьями. Естественно, кое-что я слышал, но обо всем этом я рассказал во время следствия... Все это внесено в протоколы.

— Да-а, — протянул я. — Значит, два компаньона исчезли, а третий мертв. Чистая работа. А куда, собственно, пропал в свое время этот Костов?

— Костов? — переспросил хозяин, удивляясь, что я могу интересоваться такими давно забытыми всеми людьми. — Откуда мне знать, куда он делся? Медаров и Танев считали, что он удрал на немецком самолете ночью седьмого сентября.

— А почему один? Почему не вся «Комета»?

— Чтобы деньги заграбастать, — невольно усмехнулся Илиев. — Говорили, что он забрал все подчистую.

Казалось бы, исчерпывающий ответ, но я все допытывался:

— Да на что ему сдалась эта куча банкнотов Филова? *

Илиев хотел было ответить мне, но в этот момент раскрылась дверь и в холл вошел подросток лет пятнадцати, в новом плаще. В руке он держал скрипку в футляре. Мальчик вежливо поздоровался.

— Папа, я пойду на урок, — сказал он и, заметив, что у нас серьезный разговор, вышел.

— Да... Так о чем это я?.. — Хозяин потирал рукою лоб.

* Глава последнего (перед Освобождением) фашистского правительства Болгарии.

— Насчет банкнотов, — напомнил я.

— Не очень-то они ценили эти банкноты... И Филову не очень-то доверяли. Все обращали в золото. Поэтому за все время существования «Кометы» у нас не было даже банковского счета. А Костов, говорят, украл целый сейф золота.

— Такие они были компаньоны?

— Компаньоны... — небрежно бросил Илиев. — Как кошка с собакой, только для вида компаньонами и назывались...

— Но как же они доверили все золото Костову?

— Скажете тоже — доверили, ждите!.. Получилось так: все трое переехали на виллу Костова в Княжеве*, там, наверное, у них был тайник, а в ночь на восьмое Костов потихоньку опустошил этот тайник и вместе с Андреевым отправился на аэродром.

— Кто такой Андреев?

— Шофер. Шофер Костова. Вместе с Костовым исчез и Андреев.

— Он тоже удрал в Германию?

— Наверное, — пожал плечами Илиев.

— Вы в это верите?

— Откуда мне знать?.. — Хозяин удивленно взглянул на меня. — Так тогда говорили.

— А вы удрали бы? — спросил я.

— Я? Да зачем?

— А почему удрал Андреев? Он был шофером, как и вы. Жена, наверное, была у него. Дети. Взял и бросил все, удрал в Германию?

— Откуда мне знать?.. Так тогда говорили.

— Ну ладно. Вернемся в наши дни. Медаров жаловался на что-нибудь? Боялся кого-то?

— На сердце жаловался, на что же еще? — ответил Илиев. — На сердце жаловался, а от мастики отказаться не мог. Правда, по двести граммов в день, но и это вредно... Сожмет сердце, и охнуть не успеешь... Так оно и случилось.

— Так-то оно так, — согласился я. — По крайней мере, кажется, что так. А на деле...

Я закурил новую сигарету, потом посмотрел хозяину в глаза и несколько другим тоном продолжал:

— Послушайте, Илиев, насчет смерти Медарова вы, конечно, правы. Но только в том смысле, что он мертв. Что же до остального, то боюсь, что ваша версия не подтвердится фактами. Медаров умер не от разрыва сердца. Медарова убили.

— Убили? — повторил хозяин с подчеркнутым удивлением.

— Да, — кивнул я. — Неужели вы не подозревали, что это могло случиться?

Илиев глядел на меня, как бы не понимая вопроса.

— Вы не допускали, что Медарова могли убить? — настаивал я.

* Дачная местность неподалеку от Софии.

— Как мне могло прийти такое в голову? — испуганно взглянул на меня хозяин.

— А что же в этом странного? — ответил я. — Зачем тогда часовой у двери? Зачем делали обыск? Зачем я сижу здесь и разговариваю с вами? Уж не потому ли, что у кого-то разрыв сердца? Бросьте, вы же не ребенок!

— Нет, правда, я и допустить не мог...

— Может быть, допускали, но не были уверены?

— Честно говоря, даже не допускал, — стоял на своем хозяин. — Я думал, это все потому, что Медаров сидел в тюрьме...

Я старался перехватить его взгляд, но Илиев устался на коричневую фаянсовую статуэтку. Кто знает, может быть, хозяин говорит неправду... А может, и в самом деле ничего не смыслит в формальностях следствия? Я закурил, стараясь угадать, на какую из этих версий натолкнет меня поведение собеседника. Но тот сидел не шелохнувшись.

— Да-а... — прервал я наконец молчание. — А я-то надеялся на вашу помощь, очень надеялся.

— Почему именно на мою? — встрепенулся хозяин.

— Как так почему? А потому что вы рабочий, что эта власть — ваша власть. Потому что такие, как вы, — ее самая надежная опора.

— Я всегда делал что мог, — устало проговорил Илиев. — Не хочу хвастаться, но на заводе меня считают хорошим рабочим. Все, что я имею, дала мне наша власть... Поэтому я и отдаю все, что могу... — Он умолк.

Я тоже молчал, машинально считая удары стенных часов, отсчитывавших минуты. Когда стрелка остановилась на десятом делении, Илиев, весь изнервничавшись, взглянул на меня. В глазах его была мука и мольба.

— Скажите мне, товарищ, в чем я провинился?.. Вот уж сколько лет я работаю честно, я ударник. У меня свой дом, один сын уже кончил школу и пошел в армию, другой — лучший ученик в классе, учится, как вы видели, играть на скрипке. Скрипка... В его годы я не знал другого инструмента, кроме гаечного ключа, а он... видите... Дети растут, мы трудимся и вообще живем как люди... И вдруг ко мне в квартиру впирается человек из бывших. Поселяется в моем доме, впутывает меня в свои дела... Скажите, в чем я виноват?.. Кроме того что как дурак пустил его к себе...

Он смотрел на меня, словно ожидая объяснений. Но у меня такая профессия, что я сам ищу объяснений, а не даю их. В данном случае слова Илиева звучали как будто искренне, но это «звучали» — вещь не очень-то точная.

— Поймите, Илиев, я вовсе вас не обвиняю. Я просто рассчитываю на вас — может быть, вы вспомните какие-нибудь подробности, упущенные во время следствия...

— Обо всем, что я знал, я уже рассказал... А если и забыл что-нибудь, разве сейчас вспомнишь: прошло двадцать лет... Дело давнее...

— Давнее, согласен. Но старое иногда умирает в муках, да и вы сами видите: вы считали, что все давно отшумело, и вдруг человек возвращается из прошлого. Старое не поло-

жишь в гроб, не закопаешь в землю. Оно иногда отравляет воздух своим смрадом, и вот такие, как я, обязаны делать дезинфекцию. Но оставим обобщения и вернемся к мелочам будней. Если давнее прошлое забыто, удовлетворимся близким: чем занимался вчера ваш квартирант?

Илиева столь неожиданный поворот разговора испугал. Этот человек вообще легко пугается.

— Вчера? — переспросил он, чтобы выиграть время и собраться с мыслями. — Вчера он не делал ничего особенного; насколько я знаю, он весь день был дома, жена говорила.

— А когда он ушел?

— Как будто около восьми вечера. Я сам вернулся незадолго до его ухода, а это бывает обычно в полвосьмого.

— Он ничего не говорил вам?

— Ничего. Он вообще был не из разговорчивых.

— И ничего особенного в его поведении вы не заметили? — настаивал я.

— Ничего. Он закрыл дверь на ключ, как всегда, и ушел.

— А вы?

— Что я? — удивленно спросил Илиев.

— Вы вчера никуда не выходили вечером?

Мой собеседник явно волновался.

— Нет. Никуда!

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь. — На сегодня достаточно. Хотя, откровенно говоря, я надеялся узнать от вас больше.

Илиев тоже поднялся.

— Я очень хочу быть вам полезен. Но вы сами видите, как мало мне известно... Думаю, Сираковы могут рассказать вам больше. Он им наверняка что-нибудь рассказывал... А я что же — бывший шофер... Медаров и сейчас смотрел на меня как на своего шофера...

— Вот тебе и на, — сказал я. — В этом уж вы сами виноваты. Нельзя было позволять ему смотреть на вас как на своего шофера... Вы уже давно стоите совсем на другой ступеньке, чем шофер какого-то ничтожества, не так ли?

Хозяин кивнул, но на лице его я не заметил полного спокойствия.

— Ладно, — сказал я, гася сигарету в пепельнице. — Посмотрим мы и на Сираковых...

В сопровождении хозяина я двинулся к выходу. Только дошел до двери, как у меня мелькнула новая мысль. Я осмотрел выключатель и проследил, куда идет провод.

— А почему у вас оторвана проводка? — спросил я, повернувшись к Илиеву.

— Тут в холле в свое время вообще забыли сделать проводку... Такие ошибки иногда случаются, вы сами знаете...

Хозяин силился улыбнуться, но ему явно было не до смеха.

— А кто вам чинит электричество?

— Как это — чинит?

— Ну если, например, свет погаснет.

— Я, а кто же еще?

— Значит, вы разбираетесь в электричестве?

— Где там, разве что пробки вернуть...

Не стану описывать сцены прощания. Подобные детали лишь затягивают рассказ. Тем более что прощальные улыбки у нас обоих вышли деланными. Илиева мой визит смутил, а меня разочаровали результаты беседы.

Выйдя на улицу, я неожиданно оказался в темных объездах ночи. Наверное, так следует говорить, высказываясь поэтично. Но на сей раз поэзия меня бы подвела. Ночь была светлая. Неоновая ночь. В сиянии флуоресцентных трубок свет автомобильных фар казался блеклым. Я прошел мимо новой кондитерской с кафе на втором этаже. Здание освещено так, словно это экскурсионный пароход. Внутри шумит молодежь — скорее всего речь идет о кибернетике и об ухудшении качества коньяка. Потом я услышал сладкий голос Далилы. Он напомнил мне, что мой рабочий день фактически завершен, а значит, я могу посидеть недолго за чашкой кофе и рюмкой коньяка, хоть он и стал хуже.

Две минуты спустя симпатичная официантка устроила меня за треугольным столиком, к явному неудовольствию юноши и девушки.

— Надеюсь, я вам не помешаю, — вежливо пробормотал я.

Молодые не удостоили меня ответом. Между ними явно было установлено молчаливое согласие вести себя так, будто за столом никого, кроме них, нет.

Я отпил из чашечки кофе, сделал два глотка из рюмки, в которой был напиток цвета старого золота, и решил, что вкус у него вовсе не так плох; взглянул на улицу. С высоты второго этажа я видел освещенные белые фасады новых современных зданий. Созвездие флуоресцентного сияния над зелеными лужайками. Гирлянды фар на шоссе, и далеко справа — тысячи дрожащих огоньков вечернего города. Когда-то давным-давно учительница приводила нас на это самое место на экскурсию. Тогда здесь были пустыри, заросшие травой, росла черемуха, рябина с терпкими красными гроздьями, от ее ягод приятно подирало в горле; здесь были отары овец, к которым мы боялись подойти, потому что их сторожили злые собаки, а дальше — по-осеннему желтый лес, где могли притаиться в засаде индейцы.

Да, времена меняются, как утверждали древние философы на уроках латыни. Нынче здесь поет Далила, а преданный вам Петр Антонов когда-то плелся здесь в хвосте своего класса. Мое место всегда было там, сзади, чтобы не портить картины, ибо я был одет хуже всех детей. Одежду мне перешивали из отцовской. Отец всегда носил костюмы до последней возможности, так что мои всегда были сшиты, как говорится, из заплат. Вот почему моим неизменным местом было место сзади. И должен вам сказать, меня лично это вполне устраивало. Когда идешь сзади, никто тебе не мешаает, и ты можешь вволю думать о своем. Что я и делал.

В то время я думал только о том, как бы мне стать вратарем национальной сборной. Я мечтал забить блестящий

гол в ворота противника и показать всему миру, что значит быть настоящим игроком. План мой был героическим и простым. В тот момент, когда противник поведет мяч к моим воротам, я перехвачу его, сделаю вид, что собираюсь отбить его, а сам понесусь через все поле с мячом в ногах и забью неотразимый гол, который последующие поколения будут изучать в учебниках по футболу.

К сожалению, этот проект, пусть и очень простой, не удалось осуществить. Причина не только в том, что я не входил

в состав национальной сборной, но и в том, что мне никогда не доводилось касаться ногой настоящего футбольного мяча. Такие мячи были только у маменькиных сынков из гимназий. В нашем же дворе играли твердыми тряпичными мячами, а они для международных матчей не годятся.

Я отпил еще немного коньяку, потом остывшего кофе. Двое за столом, будто меня и не было рядом, говорили о своем.

— Не могу понять, чем тебя так очаровала эта Веса, — негромко проговорила девушка.

— Ничем не очаровала... Просто культурная девушка... — так же негромко ответил юноша.

— Культурная, как же!.. Как только у девушки смазливая рожица, вы сразу провозглашаете ее культурной.

— Ну вот, и ты туда же... — запротестовал юноша, нежно положив руку на руку девушки.

С присущей мне деликатностью я снова засмотрелся в окно и мысленно вернулся к предыстории Петра Антонова. После проектов футбольной карьеры настала очередь музыкальных увлечений. Они возникли в связи с кинофильмом «Серенада Шуберта». Демонстрировался этот фильм в ученическом кинотеатре, где билеты стоили сравнительно недорого. Главный герой играл на скрипке серенаду под окном своей любимой. Лента была старая, и казалось, что фильм снимали под ливнем, хотя никакого дождя, конечно, не было. Наоборот, светила луна, пруд в парке таинственно блестел, и звуки скрипки были настолько трогательными, что у меня даже сердце заболело. В свое оправдание могу сказать, что в это время я находился в том самом возрасте, когда только-только начинал ломаться голос и большинство людей пишет стихи. Мое увлечение было даже невиннее стихов, ибо скрипки я никогда в жизни не держал в руках. «Скрипка? Глупости! — отрезала мама. — Представляешь, сколько стоит скрипка?! Это занятие только для богатых людей!»

— Хорошо, поняла! — несколько нервно прошептала девушка рядом со мной и выдернула руку из-под руки юноши. — Хватит мне рассказывать об этой Весе.

— Кто тебе о ней рассказывает? Ты сама о ней заговорила... — оправдывался юноша.

— Ничего я не говорила. И вообще, я считаю, что тебе следует определить свое отношение. Веса или нет — это твое дело, но ты должен определить свое отношение...

Чтобы дать юноше раз и навсегда выяснить свое отношение, я положил деньги на стол и двинулся к выходу, тем более что коньяка в рюмке больше не было.

Я шел по заполненному молодежью залу, думая при этом, что эта привычка, эта слабость к коньяку, пусть и всего по сто граммов за вечер, становится плохой привычкой. Надо покончить с коньяком и перейти, скажем, на мастику. Именно так, как покойный Медаров.

С этим аскетическим решением я вышел на улицу и снова попал в неоновые объятия ночи.

ГЛАВА 2

В святом писании сказано: и настал вечер, и настало утро, — день второй. Авторы этого сборника, однако, забыли отметить, что хотя день второй и настал, а результатов — никаких. Первая тропинка, названная «Илиев», оказалась очень короткой и абсолютно бесперспективной. Следовало сейчас заняться второй, которую я назвал «Танев», но здесь встает вопрос сроков. Когда в голове начинает вырисовываться версия, это обязывает тебя полностью затратить время на ее расследование. Короче говоря, для Танева еще есть время. А если есть время, то его следует как-нибудь убить. Кое-кто считает наиболее подходящим для этого кино. Я считаю, что дешевле ходить в гости.

Табличка на двери, перед которой я остановился, лаконично говорила: «Семья Сираковых». Красивая табличка, мастерски написанная от руки. Ощущается культура, однако не ощущается, что кто-то есть дома. Только после третьего звонка дверь осторожно приоткрыли, и передо мной появилось заспанное женское лицо.

— Гражданка Сиракова?

— Что вам угодно?

— Хотелось бы поговорить, — сказал я, вынимая из кармана служебное удостоверение. Лицо ее несколько оживилось.

— Заходите! С кем вы хотите говорить, со мной или с моим мужем?

— Все равно. Могу с вами обоими.

— Минуточку, — ответила хозяйка, ведя меня по темным тесным коридорам, заставленным мебелью с острыми углами. — Сюда, сюда, осторожно, не ударьтесь... Мы, знаете ли, только что прилегли... Привычка такая, подремать после обеда...

Ударившись о два буфета и три шкафа, я наконец вышел на белый свет — оказался в светлой комнате, которая, очевидно, служила гостиной. В ту же секунду хозяйка, повторяя свое «минуточку», неожиданно исчезла, и я остался с глазу на глаз с самоуверенным молодым человеком с непокорно торчащим чубом.

Портрет был вставлен в раму и так старательно подретуширован, что казался глаже яйца. Громадный фотопортрет поставили на маленьком столике в уголке рядом с букетом искусственных цветов в вазе-сапоге. Чуть дальше стояла старинная мебель: диван и четыре кресла. На боковых стенках дивана были две пепельницы. Я подумал, что здесь можно курить, и, устроившись на диване, достал сигареты.

Тут мое музыкальное ухо скрипача-неудачника уловило воркующие голоса людей, доносившиеся из соседней комнаты. Слышались два голоса — мужской и женский, но слов не разобрать. Наверное, столкновение характеров. Семейные взаимоотношения.

Вскоре дверь отворилась, и в гостиную вошла гражданка Сиракова в сопровождении своего супруга. Муж был на не-

сколько лет старше жены, ему перевалило уже за пятьдесят. Высокий, несколько сутулый, с седыми висками и мрачным лицом. Настроение скепсиса скорее всего его постоянное состояние.

— А вот и мой муж, — проговорила Сиракова, стараясь любезно улыбнуться.

Хозяйка явно намеревалась превратить мое служебное посещение в нечто вроде светского визита. Хозяин же на эту игру не шел.

— Твой муж!.. — проговорил он подчеркнуто, демонстрируя убийственное презрение к подруге своей жизни. Потом небрежно подал мне руку и сказал:

— Как видите, товарищ инспектор, двадцать лет свободной жизни недостаточно, чтобы убить собственнические инстинкты в некоторых людях. Я — ее муж!

— А что плохого я сказала? — удивилась хозяйка. — Вы, товарищ инспектор, не обращайтесь внимания, он всегда такой раздраженный, а сегодня еще и чувствует себя неважно... поэтому и остался дома... Он, мой, немножко такой...

— Вот видите: ее... — снова подчеркнул Сираков со злой иронией и тяжело опустился в кресло, уставившись на фотопортрет.

— Да хватит тебе, Константин... — плаксиво протянула жена. — Не срами меня перед людьми.

— Кажется, я выбрал не совсем подходящий момент... — сказал я. — Помешал семейной беседе...

— Не беспокойтесь, вы нам не помешали, — возразил Сираков. — Наша беседа длится уже более четверти столетия.

— И конца ей не видно? — добродушно спросил я.

— Именно так, тщетно ждать конца, если между нами, — при этих словах Сираков нервным жестом показал на себя и женщину, — если между нами лежит покойник!

— Покойник? — оживился я.

— Да, да, покойник, — хмуро кивнул Сираков.

— Кто именно? Извините, но это в какой-то мере по моей части.

Сираков порывисто и как-то театрально указал рукой в угол:

— Вот этот!

— Ага... Вот этот... — пробормотал я, повернувшись к портрету. — А кто это?

— Вот полюбуйся! — голосом победителя сказал хозяин своей супруге. — До чего ты меня довела, даже инспектор милиции не может меня узнать!

Тут Сираков снова повернулся ко мне и жестом фехтовальщика указал на снимок:

— Это Константин Сираков, ученый, философ, мертвый, погибший, уничтоженный. А перед вами, — тут оратор воткнул воображаемую шпагу себе в грудь, — Коста Сираков — руина, Сираков-бухгалтер, грустные остатки мертвого прошлого...

— Да, сложно... — вздохнул я. — Но это немножко

приближает нас к причине моего визита. Я тоже интересуюсь покойником, хотя и не таким символичным. Речь идет об Иване Медарове.

— Что-о? — воскликнула хозяйка, подавшись вперед.

— Да, гражданка, — проговорил я официальным тоном, который прибегаю для подобных случаев. — Как мне ни неприятно, но именно я вынужден уведомить вас: вашего брата нет более в живых.

Сиракова готова была заголосить, но под суровым взглядом мужа ограничилась несколькими слезинками и очень скромным всхлипыванием. Я закурил сигарету с облегчением, словно мне удалось избежать крупной неприятности.

— Не так уж и неприятно... — пробурчал хозяин.

— Коста, стыдись, — в голосе женщины звучали неподдельные слезы.

— Я вижу, вы не слишком уважали покойного, — заметил я.

— Уважал? — переспросил Сираков. — Такие люди, как он, заслуживают не уважения, а...

Он взглянул на жену и умолк.

— Не стесняйтесь, — подбодрил я его, — заканчивайте свою мысль.

— Моя мысль ясна, — рявкнул Сираков.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что он заслуживает именно того, что с ним и случилось, — отрезал хозяин.

— Это звучит как смертный приговор.

— И я вынес бы его... Не моргнув глазом... если бы я выносил приговоры...

— Коста!.. — всхлипнула Сиракова.

— Замолчи! — прикрикнул на нее муж. — Да, да, осудил бы его, будь у меня такое право.

— Тот, кто вынес приговор Медарову, и тот, кто его выполнил, тоже скорее всего не имели никаких полномочий от закона, — сказал я. — Надеюсь, это не ваша самостоятельность?

— Нет... — огрызнулся хозяин. — Конечно, не я... Вообще я не принадлежу к людям действия, товарищ инспектор! И в этом моя трагедия! Слишком хрупким творением для этого мира грубых стремлений оказался Коста Сираков.

Голос моего собеседника даже задрожал от сдерживаемой патетики.

— Ничего, — успокаивал я страдальца. — Может, так оно и лучше. А чем вы объясняете свое критическое отношение к покойному?

— К гангстеру, хотите вы сказать?

— Коста! — умоляюще воскликнула Сиракова.

— Замолчи! — крикнул муж. — Вы слышали что-нибудь о «Комете»?

— Смутно припоминаю...

— Банда гангстеров — вот что такое «Комета»! И один из этих гангстеров — ее родной брат! — При этих словах хозяин правой рукой-шпагой указал на свою жену. — Когда я, дорогой инспектор, под влиянием естественного для каж-

дого индивида инстинкта продолжения рода женился на присутствующей здесь женщине, знаете ли вы, что совершил этот волк в образе человека? Он лишил ее всякого содержания! Всякого! И не только от скупости, но и ради подлой цели: чтобы поставить на колени гордый, независимый дух Константина Сиракова!

Тут оратор несколько откинул голову и умолк, словно оценивая, какое впечатление произвели на меня его слова.

— Да-а... — протянул я. — Неприятно.

— Неприятно? Трагично, товарищ инспектор, трагично! Этот шкурник меня шантажировал, а дома с утра до вечера меня поедом ела жена-мещанка...

— Но ведь это же ради ребенка, Коста...

— Умолкни! — воскликнул хозяин, даже не взглянув на жену. — Обложенный с двух сторон одновременно, Коста Сираков не выдержал и поднял белый флаг капитуляции... Нежный росток был раздавлен катком безжалостного времени... Конец изучению философии, конец мечтам о научной

карьере, вместо всего этого — место бухгалтера в «Комете», причем, заметьте, с нищенской ставкой...

— Гм... — хмыкнул я, а это могло означать что угодно. — Кроме покушения на вас самого... Что вы знаете о других преступных действиях этого сообщества?

— Все это сообщество было одним сплошным преступлением! — воскликнул хозяин.

— То есть?

— Судите сами: миллионы левов прибыли фактически ни за что ни про что. Просто проценты от фантастических военных поставок. Почему гитлеровцам захотелось давать такие деньги именно гангстерам из «Кометы», а не кому-нибудь другому, а?

— Вам лучше знать.

— Конечно, я знаю! Еще как знаю!

Тут хозяин конфиденциально наклонился ко мне и, не понижая голоса, забубнил:

— Филиалом гестапо была эта «Комета», если уж вы меня спрашиваете, инспектор!

— А почему вы не рассказали обо всем этом на процессе?

Сираков пренебрежительно махнул рукой:

— Что там было рассказывать, когда ничего нельзя доказать. Эти трое не вчера родились: документов и следов после себя не оставляли. Правда, и Сираков не лыком шит: гитлеровские полковники, приезжавшие под видом техников-инструкторов, шушуканье по кабинетам, поездки Костова и Танева во все концы страны — все это, особенно для меня, было яснее ясного...

— А кто, по-вашему, был главным?

— Конечно, Костов, — не колеблясь, ответил Сираков, потом, почесав в затылке, добавил: — Хотя под конец как будто Танев держал вожжи в руках. Полковники чаще всего засиживались в его кабинете, а Медаров и даже Костов дрожали перед ним.

— Дрожали?

— Дрожали, еще как. И в гангстерстве есть чины.

— Гм... — снова многозначительно хмыкнул я. — А как случилось, что в последний момент Костову удалось улизнуть?

— Этого я не знаю. Они эвакуировались из Княжева, а меня мобилизовали здесь, в Софии; с тех пор я их больше не видел. Даже за зарплатой посылал ее, — Сираков небрежно указал на жену. — А как это произошло, понять нетрудно: Танев становился все опаснее, но Костов был хитрее всех. Почуял волк проклятый, что дело швах. Договорился с немцами и смотался.

— С деньгами в кармане, — добавил я.

— Известное дело, с деньгами. В последние два года они все свои капиталы превращали в золото: чем сильнее становилась инфляция, тем скорее обращали они все в золото.

— Раз уж речь зашла о золоте, не могли бы вы сказать, на что, собственно говоря, жил в последнее время ваш брат? — обратился я к Сираковой.

— Но ведь... — начала хозяйка и умолкла, испуганно взглянув на мужа.

— Рассказывайте, рассказывайте! — подбодрил ее я. — В таких случаях следует рассказать все как врачу.

Сиракова судорожно сглотнула слюну и снова в испуге взглянула на мужа.

— Но ведь брат оставил мне сундучок просто так, чтобы я сберегла для него...

Правая рука-шпага хозяина описала дугу и остановилась на хозяйке, в то время как его сердитое лицо было обращено ко мне:

— Вот с каким человеком я живу под одной крышей!

Тут Сираков устремил убийственный взгляд на подругу своей жизни и воскликнул:

— Изменница! Иуда искаротская!

— Но он же мой брат, Коста... — оправдывалась хозяйка. — Там подарки были от родных, старинные мамины бусы...

— Как выглядит этот сундучок? — спросил я.

— Ну такой четырехугольный, стальной, — Сиракова показала руками размеры сундучка. — Похож на те, в которых торговцы держат днем деньги...

— А вы никогда не заглядывали в сундучок? Семейные драгоценности всегда притягивают.

— Как туда заглянешь? Сундучок открывался шифром. Ну у замочка был шифр. Иначе Иван ни за что не оставил бы его, он такой недоверчивый.

— Да-а... Маленькая услуга, которую вы оказали вашему брату, называется утаиванием доказательств и, естественно, карается законом. Хорошо все-таки, что вы признались. Интересно, что было в сундучке?..

— Не знаю, — пожала плечами Сиракова. — При мне он его не открывал.

— Но вы, наверное, встряхивали его, чтобы проверить, как звенят мамины бусы?

— Ничего там не звенело. Он был так набит, что ничего в нем с места не двигалось. И тяжелый был.

Последняя подробность, видно, разожгла воображение Сиракова, ибо он снова воскликнул:

— Изменница! Иуда искаротская!

— Ну, снова ты, Коста! Он же мой брат! — всхлипывая, возражала хозяйка.

Вскоре мысли ее приобрели более практичное направление.

— Вы, конечно, нашли этот сундучок?

— Пока что нет, — ответил я, — но как только найдем, дадим вам знать... А как случилось, что ваш брат переехал жить в другое место?

— Потому что он его выгнал! — Сиракова указала на своего мужа.

— Еще бы! Стану я с ним церемониться! — хмуро проговорил муж.

— Моего родного брата выгнал. Вы представляете? — объясняла Сиракова.

— Еще бы! Стану я с ним церемониться! Мне в доме гангстеры не нужны, — снова огрызнулся муж.

— Как он вел себя, живя у вас? — спросил я.

— У нас! — воскликнул Сираков. — Никогда он здесь не жил. Я сразу же велел ему поселиться на чердаке.

— Представьте себе, он так и сделал! — добавила хозяйка. — У моей дочки под крышей ателье, и он, мой муж, представляете, заставил моего брата ютиться в комнате при этом ателье!

— Я не твой, пойми же наконец! — чуть ли не взревел Сираков.

— Хорошо, хорошо! — успокаивал его я. — Этот вопрос вы уточните наедине. — Потом снова обратился к женщине: — Но вы хотя бы разговаривали с Медаровым?

— Разумеется, он же мой брат.

— Да, это мы уже уточнили. Скажите лучше, о чем вы говорили?

— Разве я помню, товарищ... — Женщина беспомощно смотрела на меня своими жалобными глазами.

— Может быть, он вспоминал что-нибудь о Таневе? — попробовал я помочь ей.

— Вспоминал, конечно! Он только об этом и говорил: как бы ему узнать, где прячется Танев.

— Где прячется? — повторил я ее слова.

— Да. Где прячется. Он говорил еще, что Танев ему должен и теперь, узнав, что Иван вышел из тюрьмы, прячется, чтобы не отдавать долга.

— Да, долг! — вмешался Сираков, пренебрежительно взмахнув рукой. — Краденое не поделили! Знаю их: гангстеры!

— Ну и дальше? Ваш брат узнал в конце концов, где прячется Танев? — обратился я к хозяйке.

— В том-то и дело, что ничего не узнал, — вздохнула Сиракова. — Ему удалось найти только этого Илиева, их бывшего шофера. И сразу же он перебрался к нему.

— Значит, вы его не выгоняли? — сказал я Сиракову.

— Ну, до драки дело не дошло, — огрызнулся он. — Я человек воспитанный, деликатный, я выжил его своей ненавистью, пренебрежением духа, недостижимым для этого пигмея!

— Гм, это уже кое-что.

— Да. Хотя, если поступать по библейским примерам, его стоило уничтожить.

— Избегайте библейских примеров, — посоветовал я. — С некоторого времени они не больно-то в чести.

— Его следовало уничтожить, — повторил хозяин. — Так, как он когда-то уничтожил философа Косту Сиракова. Присутствовать на грандиозном процессе, происходящем в нашей жизни, и не участвовать в нем — ну как это можно?

— Кто же вам не дает? — удивился я. — Кто вам мешает?

— Как это кто мне мешает? Разве бухгалтеры принимают участие в исторических процессах?

— Не всем же писать шедевры, — проговорил я, утешая его. — Иначе кто будет их читать?

— Не все это могут, — согласился хозяин. — А я мог. Вот взгляните!..

Он подбежал к книжному шкафу, выбросил из него несколько старых журналов и жестом триумфатора вытащил откуда-то пожелтевшую смятую рукопись. Она была довольно-таки тоненькой. Сираков приблизил ее к глазам, потом положил на стол, склонился над ней и растроганным голосом прочитал:

— «Декарт, или Единство материи и духа...»

— Хорошо, хорошо, — поспешил я остановить его. — А что вы думаете об электропроводке?

Сираков взглянул на меня, слегка удивленный таким неожиданным поворотом разговора. Потом на его лице отразилось подчеркнутое пренебрежение:

— Проводка? Товарищ инспектор, я размышлял о тайнах духовных феноменов, а не физических... Вот первая и, к сожалению, последняя работа молодого Сиракова...

Он поднял вверх рукопись, словно желая произнести торжественную речь, но я поднялся и любезно проговорил:

— Да, вы правы. Это очень досадно... Как знать, ведь могло выйти такое...

Две минуты спустя я был уже на вполне безопасном расстоянии от философа, то есть тремя этажами выше, у чердака.

На серой двери, ведущей в ателье, висела табличка «Лида Сиракова, художница». Звонка нет, и на табличке есть еще постскриптум: «Стучите громко!»

Что я и делаю. Вскоре дверь широко отворяется, и на пороге я вижу девушку, которая, наверное, и есть Лида Сиракова.

— Вы техник? — спрашивает она, оглядывая меня.

— Не совсем. Я из милиции.

— А-а, из милиции... Прошу вас, заходите!..

Она, по-видимому, скорее заинтригована моим визитом, чем испугана. Проводит меня в большую, светлую комнату. В ней царит артистический беспорядок. На всех стенах как попало развешаны картины — пейзажи и портреты, о художественной ценности которых я не берусь судить. Посреди комнаты на мольберте стоит большое полотно с едва намеченными контурами. На полу — палитры и тюбики с красками, кисти, баночки.

— Садитесь, — пригласила хозяйка, освобождая для меня стул, и, заметив мой вопросительный взгляд, прибавила: — Я, знаете ли, сейчас пытаюсь подражать нашим старым мастерам в смысле цветовой гаммы и сюжета...

— Ага... — кивнул я. — И долго вы намерены подражать?

— Все это учеба, — улыбнулась Лида. — Художники бывают разные — декораторы, живописцы, графики. Я бы хотела быть театральным декоратором...

— Ага... — повторил я, сев на освободившийся стул. —

Однако я не вижу у вас портрета вашего бывшего квартиранта.

— А знаете, вы почти угадали, — сказала Лида, снова улыбнувшись. — Я как раз собиралась написать его портрет, но сначала мне нужно закончить два больших пейзажа. Ничего, время у меня еще есть.

— Время есть, не спору. Жаль только, что модели больше нет.

Художница испуганно взглянула на меня. Я кивнул:

— Вы угадали: да, он умер.

— Жаль...

— Вы о портрете? Или...

— Скажете тоже: о портрете... — насупилась Лида. — Человека жаль. Хотя...

Она умолкла, вспомнив, наверное, старое правило: о мертвых плохо не говорят.

— Что хотя?..

— Он принадлежал к тем людям, которые вызывают не столько жалость, сколько страх...

— Страх?..

— Да, страх. Когда он молча сидел вон там в углу на стуле и я смотрела на него, на его длинную шею с выпирающим кадыком, на угасший и все-таки настороженный взгляд, на его нос, похожий на клюв хищной птицы, мне представлялся орел-стервятник... Таким мне и хотелось написать его — похожим на старую, сморщенную хищную птицу...

— Интересно... А часто он сидел тут у вас?

— Каждый день. В его комнате нет печки, а уже холодно, вот я и приглашала старика сюда, у меня потеплее. Он приходил, садился на стул в углу и так сидел часами, не шелохнувшись.

— Идеальная модель. А о чем он рассказывал?

Лида пренебрежительно сморщила носик:

— Что может рассказать такой, как он!.. Человек, вернувшийся из прошлого... Я так и хотела назвать портрет: «Человек из прошлого». Редкий экземпляр: грабитель и негодяй в чистом виде... А вы лично знали его?

— Да нет. Познакомился я с ним в зале для аутопсии.

Лида снова поморщилась:

— Это другое дело. Нужно было видеть его здесь, когда он сидел на стуле словно в полудреме и в то же время настороже. Человек, которому больше нет смысла грабить, которому некого грабить, у которого нет на это сил, но все рефлексы хищника живут в нем с той же силой.

— А у вас явная склонность к анализу. Наверное, это профессиональная наблюдательность, глаз художника. Так о чем, вы говорите, этот хищник рассказывал?

— Ну о чем он мог говорить? — с досадой в голосе сказала Лида. — Все у него вертелось вокруг одного — куплю новый холст, он сразу спрашивает: «Дорогие сейчас холсты? А краски? Много краски уходит на одну картину? А сколько, к примеру, можно получить за такую картину?» И все в таком же духе. Помню, писала я один пейзаж. «Кому ты его продашь?» — спрашивает. «Именно этот я продавать не собираюсь», — говорю. «Тогда зачем пишешь?» — «Мне приятно заниматься этим, вот я и пишу». Этого он понять не мог. Писать картины просто так, не будучи уверенной, что ты их сможешь продать, — это было выше его понимания, это не укладывалось в его мозгу.

— Интересно, — отметил я, стараясь сдержать вздох. — А что он рассказывал о себе?

— Ничего. Только однажды у нас зашла речь об этих годах, которые он провел в тюрьме. «Долго я сидел, — сказал он. — Но поделом мне».

— Разумное признание.

— Да, но на уме-то у него было другое. «Каждая глупость, — говорил он, — наказуема. Моя глупость заключалась в том, что я не убежал пятого сентября». Что ждать от человека, который не понимает, что вся его жизнь была бессмысленной и жалкой?

— И к тому же преступной, — уточнил я.

Наступила короткая пауза. Хозяйка вспомнила о своих обязанностях.

— Чем вас угостить? — спросила она. И, чтобы я не потребовал чего-нибудь сверхъестественного, быстро добавила: — Вообще-то у меня есть только коньяк.

«Единственное, что я пью», — чуть не вырвалось у меня. Но я вовремя вспомнил о служебном характере моего визита и стоически отказался.

— Мерси. Терпеть не могу алкоголя. Я закурил бы, если вы не возражаете и если в этих бутылках нет легковоспламеняющихся веществ.

— Курите на здоровье. Можете заодно и меня угостить.

Лида села на табуретку перед мольбертом и довольно немело затянулась.

— Я, если честно признаться, не курю и не люблю табачного дыма, но говорят, что курить — это артистично... А вы как считаете?

— Как-то не думал об этом. А что еще в поведении Медарова обращало на себя внимание?

— Что еще?.. Больше всего меня удивляла его отчужденность от окружающего мира. Иногда я видела, как он после обеда возвращается из ресторана... Он туда заходил выпить мастики. Шел медленно, уставившись в землю, с палкой, в черном плаще, будто темная тень, тень прошлого, которая совершенно случайно попала в живую жизнь, на свет солнечного дня, одинокий человек из прошлого, изолированный от всего окружающего...

Лида говорила, жестикулируя рукой, в которой держала сигарету. Не красавица, но в ее чистом бледном лице и больших карих глазах было что-то очень привлекательное. Она довольно симпатичная собеседница, если отвлечься от ее склонности к углубленному психологическому анализу.

— У вас получился бы портрет, — проговорил я. — Хотя лично я не повесил бы такой картины в своем доме... Какой бы поучительной она ни была.

Лида улыбнулась:

— Картины пишут не только для того, чтобы украшать комнаты. Это человеческие документы...

— В наших архивах таких документов более чем достаточно. Не стоит слишком увлекаться такого рода натурщиками...

— Может быть, вы и правы, — проговорила Лида, бросив на меня быстрый взгляд. — А что вы думаете об абстракционизме? Меня интересует мнение неспециалиста...

— В таком случае спросите своего отца.

— О, мой отец! — Лида выбросила наконец сигарету в пепельницу. — У моего отца есть только одна-единствен-

ная тема для разговоров: мученический путь Константина Сиракова. Он, я полагаю, уже изложил вам суть дела?

— В общих чертах, — кивнул я. — А почему вы ничего не сделаете, чтобы помирить ваших родителей?

— Потому что я все-таки люблю их и не хочу потерять.

— Я вас не совсем понимаю.

— Если я помирю их, это будет означать, что они сразу умрут, непременно, в тот же день.

— Вот как!

— Конечно. Лишить моего отца позы мученика, запретить матери кривляться — значит превратить их жизнь в ад. Они не вынесут этого ни в коем случае.

— Хорошо, хорошо, — согласился я. — Вы их лучше знаете, и вообще это не мое дело.

Я поднялся, решив, что пора идти.

— Вы все-таки не высказали вашего мнения об абстракционизме... — заметила Лида.

— Я как раз уточняю его для себя. А что вы думаете о дактилоскопии?

— Ничего... — пожала плечами девушка. — И, кроме того, я не вижу связи...

— Не видите? Но отпечаток пальца — это почти абстрактная картина. С той лишь разницей, что отпечаток пальца может когда-нибудь пригодиться.

— Ага... Значит, вы не очень-то лестного мнения об абстракционистах. А вы знаете, что на Западе кое-кто рисует картины пальцами?

— Это интересно, — признал я. — Особенно если речь идет о пальцах ног. Но искусство — слишком широкая область, а я тороплюсь. Как-нибудь в следующий раз...

Я сделал три шага к двери и поднял руку, прощаясь. В этот момент художница предостерегающе крикнула:

— Осторожно, провод!

«Провод? Наконец-то!» — мелькнуло у меня в голове, и я взглянул под ноги. Оказалось, что я чуть не наступил на провод, лежавший на полу. Осторожно подняв оголенные концы его, скрученные в кольца, я вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Я сделала это для электроплитки, — объяснила она. — Штепсель разбился, и я временно соединяю без штепселя. Обещали прислать мастера, чтобы проверил всю проводку и поставил штепсели, но никто не идет к нам, не торопится...

— Такая мелочь может убить человека, — проговорил я сухо, положив провод на пол.

— Наверное... — улыбнулась Лида. — Только зачем убивать человека?

На такие вопросы я отвечать не привык, взглянул на нее испытующе. Есть люди наивные, есть другие — притворяющиеся наивными. Разницу между этими двумя группами сразу не обнаружишь.

— У кого, кроме вас, есть ключ от ателье?

— У отца. У него второй ключ.

Я снова поднял руку и вышел на лестницу. Вслед мне донеслось:

— Заходите еще!

«Может, так оно и будет», — сказал я себе мысленно, быстро спускаясь по лестнице. Хотя и нежелательно, ибо это задевает мое профессиональное самолюбие. Если с одним и тем же свидетелем приходится разговаривать второй или третий раз, это, как правило, означает, что ты недостаточно продуманно разговаривал с ним в первый раз.

Солнце грело с необычным для осени энтузиазмом. Школьники шатались по улицам, явно забыв об уроках на завтра. Я тоже не выучил урока и решил использовать свободное время, чтобы забежать в управление.

После солнечной роскоши улиц канцелярия показалась мне хмурой и темной. Деловая атмосфера! Я бросил плащ на стул и взял телефонную трубку. Мне нужны сведения о некоторых людях, их адреса, кое-какие детали биографий.

Разговаривал я недолго. По этому можно судить, что деталей этих было немного. Когда-то в начале службы это медленное, болезненное начало расследования приводило меня в отчаяние. Ты словно бежишь во сне — напрягаешь все силы, а ноги от земли не отрываются. Потом я привык, точнее — понял, что в такой работе, как наша, нервничать по пустякам нельзя, что работа состоит именно из тысячи таких вот мелких, на первый взгляд незаметных и малозначительных деталей, из проверок и перепроверок. Это отнюдь не соревнование с невидимым и нераспознанным злоумышленником. Где еще бывают такие соревнования? Судья лениво поднимает флажок и говорит: «Вперед!» Ты оглядываешься, но, кроме тебя, на беговой дорожке никого нет. «А где соперник?» — спрашиваешь ты. «Он уже давно побежал», — отвечает судья-стартер, не давая себе труда уточнить, когда именно побежал твой соперник.

Итак, этот «другой» опережает тебя с самого начала. Главное, во времени. У него есть возможность не только спокойно обдумать свое преступление, не только осуществить его, но и употребить все силы на то, чтобы замести следы. После этого тебе говорят, что можно стартовать. На первый взгляд дело безнадежное. Но так думают только самые нестерпеливые и слабые духом, ибо этот «другой», совершив все, что намеревался, может только ждать твоего хода. Он не в силах ни исправить содеянное, ни избежать ошибок, которые он уже допустил. А ты можешь действовать любыми путями, испробовать все способы следствия, все приемы, нужно только научиться видеть дальше кончика своего носа.

Я взглянул в окно на небо, которое начало уже темнеть. Есть же счастливые люди! В это время они собираются идти домой. Моя знакомая, например, в это время, наверное, складывает в портфель стопку тетрадей с контрольными работами и выходит из школы. Не помню, говорил ли я вам, что она живет в Пернике. Это рукой подать, если иметь в виду современный прогресс транспорта. Не будь у меня неотложных дел, я сегодня же отправился бы туда.

Был я там лишь однажды, совсем недавно — в эту пору год назад. Я как раз тогда завершил одно дело, и мне по-

казалось, что пора заняться и личными делами. Вы, наверное, уже догадались, что я не к тетушке своей в гости собирался. Направился я, значит, на вокзал. На площади Ленина на трамвайной остановке заметил магазин цветов и вспомнил, что с пустыми руками в гости не ходят. Зашел в магазин и наугад указал на цветы:

— Прошу вас, сделайте хороший букет.

Девушка подняла на меня глаза.

— Умер кто-то из ваших близких? — с сочувствием в голосе спросила она.

Ненавижу я людей, которые любят всех обо всем расспрашивать. Есть профессии, где без этого не обойтись, но, мне думается, продавщицы цветочных магазинов не относятся к людям таких профессий. И что это со мной все разговаривают о мертвых?

— Никто не умер, — сухо сказал я. — С чего вы взяли?

— Я только спросила, — ответила девушка. — Такие цветы покупают чаще всего для похорон...

— Гм... Я не знал, что в цветах есть такое четкое разграничение функций. Мне нужны цветы для молодой дамы. Живой. Живой и здоровой.

— Так бы сразу и говорили, — улыбнулась девушка. — Тогда я сделаю букет из гладиолусов...

— Делайте из чего хотите, — сказал я. — Только чтобы букет был красивым и чтобы я получил его до наступления ночи...

Букет действительно вышел красивый. И большой. Правда, я боялся, что кто-нибудь из коллег может увидеть меня на вокзале с этой флорой, которую я прижимал к груди, как маленького ребенка. Как бы там ни было, но профессиональная ловкость помогла мне проскользнуть в вагон и прибыть в Перник инкогнито. Тут, однако, меня ожидало новое испытание.

— Ее нет, — сказала хозяйка, удивленно разглядывая букет, завернутый в целлофан.

— Где же она?

— Не знаю. Она ничего не говорила. Если ее в школе нет, значит, наверное, поехала в Софию к матери.

— Ладно, — сказал я. — Пойду в школу. А если она тем временем вернется, скажите, что ее хотел видеть Антонов и что он зайдет еще раз. Кстати, где школа?

Хозяйка охотно и толково объяснила мне, как пройти к школе, все еще удивленно разглядывая букет. Можно подумать, что она впервые видит гладиолусы.

Моей знакомой не было и в школе. Повторная проверка показала, что домой она не возвращалась. Самым правильным было бы отправиться в обратный путь. Хорошо, а цветы? Одна мысль, что мне придется опять ехать в поезде и трамваях с этим огромным сентиментальным букетом, приводила меня в ужас. Можно было бы, конечно, швырнуть его в урну. Но это показалось мне проявлением малодушия. Этот букет принадлежал не мне. Он принадлежал ей — в этом вся загвоздка!

Я зашел в кафе, сел у окна и, не отрываясь, смотрел на

улицу, ведущую к вокзалу. Молодые люди, сидевшие за столиком напротив, глядели на меня не без злорадства: «Ждет, дуралей, а она не идет». Я встал и вышел из кафе, прошелся еще раз по улицам, делая вид, будто внимательно изучаю город — славный центр героического шахтерского края. Но всю картину портил букет: кто же изучает шахтерский край с букетом гладиолусов в руке?

Настало время обеда, и это несколько облегчило мое положение. Я зашел в ресторан и хотел было сдать цветы в гардероб, но оказалось, что их некуда положить. Итак, букет стоял передо мной на столе. И опять-таки на меня были обращены многозначительные взгляды и полуулыбки, тем более откровенные, что сидел я там порядочно времени. Нужно было снова изменить место моей дислокации. Третья проверка в доме — и третья неудача. После этого снова прогулка по улицам и изучение шахтерского края. Я уверен, что весь город меня запомнил. «Этот, с букетом», — говорили они, наверное, когда речь заходила обо мне. Милиционер на площади не раз провожал меня подозрительным взглядом.

Начало темнеть. Ночь даст прибежище страдальцу! А главное, укроет букет от косых взглядов. Более того, для прогулок туда-сюда я выбрал самую темную улицу в городе. После последней безрезультатной проверки в доме вышеупомянутой особы я решил наконец пойти на вокзал.

Вокзал был ярко освещен. Только что подошел поезд, и люди высыпали на привокзальную площадь. Я поискал глазами укромное местечко, где я мог бы пересидеть до его отправления, как вдруг услышал знакомый голос:

— Боже мой, Петр!

— Да, — подтвердил я. — Это я.

— Бедненький! Ты здесь давно?

— Да нет, с утра.

Тут моя знакомая заметила, что у меня заняты руки.

— Какие красивые цветы... — сказала она, хотя букет походил сейчас скорее на веник.

— Это тебе, — сказал я торжественно.

Знакомая была, очевидно, растрогана, хотя и не показала виду, за что я ей сердечно благодарен. Она никак не могла поверить, что я здесь, рядом с ней, на перникском вокзале. И это было вполне обоснованно: с тех пор как я пообещал ей, что приеду через день-другой, прошло несколько месяцев.

Посоветовавшись, мы решили, что можем пообедать в ресторане. Обратный путь был для меня маленьким триумфом. Я уже не избегал освещенных мест и взглядов туземцев. Напротив! Смотрите сколько угодно. Встреча, как видите, состоялась.

Да, встреча состоялась. Удовлетворенно отметив это про себя, я взглянул в окно. Темнеет. А у меня еще столько дел. Я посмотрел на часы, поднялся, надел плащ и натянул на глаза шляпу, чтобы все знали, что меня ждут серьезные намерения, а не сентиментальная экскурсия в прошлое.

Я ступил на другой путь, который именовался «Танев».

ГЛАВА 3

Выбравшись из густой толпы на улицу Георгия Димитрова, я оказался наконец на площади перед мавзолеем. Когда-то здесь была тесная улочка, отделявшая городской парк от дворцового. Потом за крутым поворотом глазам открывался известный бульвар Царя-Освободителя, начинавшийся рестораном «Элита», традиционным блюдом которого был жареный поросенок. Это заведение так и осталось для меня манящей загадкой, поскольку мне никогда не посчастливилось заглянуть за двери с окошечками — они всегда были закрыты белыми занавесками.

Далее шли кафе-кондитерские, витрины которых были открыты для взглядов прохожих. Только благодаря этому кафе имели посетителей, потому что многие приходили сюда для того, чтобы, как говорится, себя показать и других посмотреть. На расстоянии метров двухсот друг от друга находились четыре самые шикарные кондитерские города: «Болгария», потом «Савой», «София» и напротив них — «Царь-Освободитель». За витринами этих заведений, словно в четырех громадных аквариумах, собирались самые богатые жители этого города. Или самые известные. В «Болгарии» перед чашечками с турецким кофе вели свои бесконечные разговоры политиканы и аферисты. Тут же обычно находились и иностранные гости, привносившие определенную экзотику в атмосферу местных сплетен. Гостями чаще всего были некогда известные, а ныне забытые артисты и шпионы всех мастей, путешествующие по Востоку в качестве «лекторов». Когда на входной двери в учительскую кассу * появлялось объявление «Вход свободный», юношеское любопытство увлекало меня туда — послушать кого-нибудь из этих «лекторов». Слышал я одного американского «мыслителя», распинавшегося о «Христианской науке, или Пути к спасению». В другой раз отставной полковник Интеллидженс сервис очень увлекательно рассказывал о «Джоне Мильтоне, или Тоске о потерянном рае», имея, наверное, в виду утраченное английское влияние на Востоке.

Публика в «Савое» была еще более пестрой. Сюда ходили преимущественно женщины. Они сидели в небрежно-элегантных позах. Их ноги в блестящих оранжевых чулках были, казалось, вылиты из меди и тщательно отполированы. Вместо лиц у них были белые маски — в то время пудру не экономили. И на этом мучном фоне выделялись кричаще-красные губы, вырисованные непременно в форме сердца, а-ля Марта Эгерт. В следующем аквариуме — в «Софии» — было три этажа. Его завсегдатаями были маменькины сынки и дочки, здесь был оркестр, здесь танцевали.

В «Царе-Освободителе» собирались писатели, художники и другие интеллектуалы, многие из которых с утра занимались добыванием денег на единственную чашечку кофе, которую они потом и смаковали целый день.

* Речь идет о доме на площади Славейкова, где когда-то находилась касса взаимопомощи учителей.

На бульваре всегда царило какое-то нервное оживление. Парни и девушки двигались двумя встречными потоками, критически оглядывая друг друга. Слышались отдельные реплики: «Где будете вечером?», «Дай пятерку до завтра», «Подбрось мелочишку». В толпе шмыгали мальчишки — продавцы газет, крича до хрипоты: «Новая победа Роммеля!», «Самоубийство двух влюбленных на Горнобанском шоссе!», «С завтрашнего дня новые цены на масло и сахар!» А мимо мчались «мерседесы» нуворишей и серо-зеленые «опели» немецких офицеров.

Я свернул на улицу Раковского, удивляясь, почему это на меня повеяло прошлым. Причина скорее всего крылась в том, что я шел на встречу с одним из героев этого прошлого — с неким Лазарем Таневым. Я догадывался, что

увидю отнюдь не лощеного денди. С ним наверняка произошли такие же перемены, как с заведением, мимо которого я как раз проходил: некогда здесь находился фешенебельный «Максим-бар», а теперь тут, наверное, обыкновенная столовая для служащих.

Сумерки сгущались. Я шел среди молодежи, которой сейчас было не до переменчивой судьбы улиц. К моим воспоминаниям о прошлом прибавились неприятности сегодняшнего дня. На сердце было тяжело, как ученику, который идет в школу, не подготовив урока. Танев, безусловно, хитрая лиса, а я иду к нему, не зная как следует, в чем он сильнее, а где может и поскользнуться. Такие импровизированные встречи обычно не дают желаемых результатов: вместо того чтобы заставить человека раскрыться, ты можешь его преждевременно спугнуть, и он будет увиливать, юлить и маскироваться. Но, на беду, другого выхода у меня сейчас нет. Когда в меню есть одна тушеная фасоль, бессмысленно заказывать индейку с каштанами.

Он жил в старом солидном четырехэтажном доме недалеко от центра и занимал квартиру в бельэтаже. К тому же его окружали женщины, о чем свидетельствовала табличка на двери:

Лазарь Танев — звонить 1 раз

Вера Танева — звонить 2 раза

Мими Петрова — звонить 3 раза.

В соответствии с этим звоню один раз и, ожидая, разглядываю выключатель. Он старомодный, но вполне исправный. Опасности стать жертвой электрического тока нет. Зато есть другая опасность — на лестнице сильно сквозит. Это заставляет меня вторично нажать на кнопку. Ну-ка поторапливайтесь, господин Танев.

Танев, однако, отнюдь не торопился. Странно. Он как будто мне ничего не должен. Разве что объяснить несколько деталей. А вот ведь не открывает.

«Нестрашно, — сказал я себе, — будем действовать по порядку номеров». И снова позвонил, теперь уже два раза. Через несколько секунд послышался четкий стук женских каблучков, щелкнул замок, и на пороге появилась красивая молодая женщина.

— Товарищ Танева?

Женщина кивнула и несколько испуганно оглядела меня. Не потому ли, что свет на лестнице погас и в темноте мое лицо показалось ей подозрительным? Я постарался успокоить ее, показав свое удостоверение.

— Мне нужна маленькая справка...

— А именно?

— Нельзя ли войти в квартиру?

— Почему же? Прошу вас!

Женщина отступила, давая мне пройти, причем лицо ее не выражало особого удовольствия от встречи со мной. Я машинально коснулся своих щек. Борода еще не выросла. Интересно, чем я не понравился этой даме?

Вошли в просторный холл, часть его отгорожена оливково-

зеленой портьерой. Помещение было забито дорогой и громоздкой мебелью 30-х годов. Полировка, которая в свое время тоже была оливково-зеленого цвета, теперь стала какой-то неопределенной. Люстра под высоким потолком покрыта густым слоем пыли. В углу под громадным красным абажуром тускло мерцала лампа. На стенах висели два больших альпийских пейзажа с удивительно красными глетчерами. Пошлость и безвкусица одновременно. В конце холла приоткрыта дверь, видно ярко освещенную комнату. Хозяйка проводила меня именно туда. Холл и светлую комнату разделяла только дверь, но, переступив порог, человек попадал из одной климатической зоны в другую. И причина не только в том, что комнату хорошо прогревал электрокамин. Стены выкрашены в приятный светло-зеленый цвет. На одной стене под стеклом репродукции — подсолнухи, которые, если верить подписи под картиной и моим познаниям в изобразительном искусстве, принадлежат кисти Ван-Гога. Низкий шкаф, кровать, маленький письменный стол и четыре табуретки — все из светлого дерева. Здесь чисто, приветливо, свободно дышится.

На письменном столе громадный букет белых хризантем, раскрытые книжки. В пепельнице дымит сигарета.

Я попытался пошутить, чтобы снять напряженность:

— Только сел человек поработать, а тут заявляется какой-то болван и мешает... Не так ли?

Танева слабо улыбнулась, и я почувствовал, что лед начинает таять.

— Да, именно так. Исключая, конечно, сильные эпитеты.

Заметив, что я заинтересованно разглядываю обстановку, она добавила:

— Если вам нравится, могу дать адрес магазина.

— Мне нравится. Кроме табуреток.

— А табуретки нет? Почему? Обивка довольно приятная.

— Про обивку я не говорю. Но что это вообще за штука — табуретка? Нет спинки, не на что опереться...

— Зато занимает меньше места и, самое главное, дешевле.

— Дешевле всего. — сказал я, — сидеть по-турецки на полу.

— Наоборот, это страшно дорого, — снова улыбнулась Танева. — Тогда нужно иметь мягкий ковер. — При этих словах она взяла сигарету из пепельницы и поспешила к двери: — Извините, я на минутку... Поставлю воду...

Оставшись в одиночестве, я подошел к письменному столу, заглянул в раскрытые книги и потом сел на эту жуткую конструкцию, которая именуется табуреткой. Да-а. Читают люди. И не что-нибудь — книги по медицине. Как и я когда-то. Не помню, говорил ли я вам, но после футбола и скрипки медицина была моей третьей страстью. И чуть не стала моей профессией.

— Я хочу изучать медицину, — заявил я, когда мне предложили заниматься криминалистикой.

Тот, кто разговаривал со мной, внимательно взглянул мне в глаза:

— Почему именно медициной?

— Хочу лечить людей... Хочу приносить им пользу...

— В таком случае все в порядке: у нас тоже будете приносить пользу и лечить.

— Вы занимаетесь преступностью, — возразил я неуверенно.

— Да. Как врачи — болезнями. Вы будете лечить не отдельных пациентов, а заботиться о гигиене всего общества. Вы будете оберегать его от опухолей преступности, а если опухоль окажется злокачественной, поможете ее удалить.

Его слова звучали недурно. Но медицина была мне дороже.

— Мне кажется, что вы не лечите, — смущенно проговорил я. — Вы скорее даете санкции.

— Хирург тоже дает санкции, что не мешает ему быть врачом, — улыбнулся тогда мой собеседник. — И в конце концов характер любой профессии зависит в определенной мере от того, кто как к ней относится. У нас еще много того, что оставило нам прошлое. Наши противники вооружены опытом и знаниями, которых не хватает, скажем, вам: они образцовые криминалисты, но буржуазного типа. А нам нужны криминалисты другого типа, не такие, которые занимались бы только тем, что расставляли опасные ловушки для преступников, а люди с новой моралью, пытающиеся «лечить».

Я попытался ему возражать, смутно ощущая, что отступаю.

— А можно будет, изучая медицину заочно, посещать практические занятия? — спросил я под конец, понимая, что мой вопрос равнозначен капитуляции.

— Какие могут быть возражения, — широко улыбнулся мне он. — Если у вас хватит времени и сил на оба дела, мы будем только рады...

Но в его улыбке было недоверие, которое я понял через несколько дней. На прощанье он поднялся из-за стола и сказал, пожимая мне руку:

— Лично я сомневаюсь, что вы станете медиком. Кажется, с этой минуты вопрос о вашей профессии решен. Окончательно и на всю жизнь. Но не забывайте никогда, что вы собирались стать врачом.

С тех пор прошло почти двадцать лет. Мне тогда тоже было почти двадцать. А когда человек слышит что-то важное для себя в таком возрасте, то запоминает надолго.

Итак, с третьей мечтой тоже ничего не вышло. Правда, заноза в сердце сидела очень долго. И до сих пор боль не утихла, нет-нет да и кольнет. Например, когда я вижу у кого-нибудь на столе раскрытые книги по медицине. В конце концов, может быть, все это к лучшему. Могло случиться у меня, как у Сиракова: а вдруг я стал бы посредственным врачом и всю жизнь мучился бы от мысли, что рядом работают гениальные хирурги, пересаживающие сердца и оживляющие мертвых десятки часов спустя после их смерти?

— Извините, — сказала Вера Танева, вернувшись в комнату с подносом в руках, — я приготовила чай. Выпьете стаканчик?

— Чай? — испугался я. — Я что, похож на больного? Вера осторожно поставила поднос на стол.

— Вы пьете чай, только когда болеете?

— Должен признаться, что и тогда не пью. А впрочем, налейте. Советы врача надо выполнять. Вы врач, правда?

Вера утвердительно кивнула, наливая заварку из фарфорового чайника.

Первое впечатление не обмануло меня: она и впрямь хороша собой. Спокойное, открытое лицо. Ведет себя непринужденно, без кокетства. И все-таки ей далеко до Перника и, в частности, до одной жительницы этого города.

— Сколько сахара вам положить? — спросила Вера, подняв глаза.

Я заколебался.

— Положите сколько хотите. Я говорил уже, что не имею в этой области никакого опыта. Куда отправился ваш дядя?

— Он мне не дядя, — ответила Вера, подавая чашку.

— Ну пусть не дядя, а родственник. Словом, Лазарь Танев.

— Полагаю, он в провинции.

Вера села к столу, размешала сахар в чашке и сделала несколько глотков с таким наслаждением, словно чай не только цветом, но и вкусом напоминал коньяк.

— Почему вы так считаете? — спросил я, механически помешивая ложечкой.

— Он говорил, что собирается в провинцию.

— И все-таки вы не уверены, а только полагаете...

Я, наверное, уже хорошо размешал сахар в своей чашке. Теперь я мог ее поставить на поднос и закурить.

— А вы что, всегда верите тому, что вам говорят другие? — спросила Вера, следя за моими неловкими движениями.

Увидев, что я достаю пачку сигарет, хозяйка предупредительно подала мне пепельницу и снова занялась своим чаем. Просто диву даешься: что это за удовольствие — наполнять себя горячей водой?

— Дело не во мне, — ответил я и закурил. — Моя недоверчивость — что-то вроде профессиональной деформации. Но врач... К тому же педиатр...

— Детские врачи не дети.

— Согласен. Итак, ваш родственник сказал, что едет в провинцию, но вы в этом не уверены. Можете ли вы объяснить, отчего происходит ваше недоверие к близкому человеку?

— Вы слишком торопитесь с выводами, — заметила Вера.

— Разве я ошибаюсь?

— Нет...

— Значит?..

— Вы правы. Но вы слишком просто ставите вопросы о самых сложных вещах. Как я могу в двух словах расска-

зять, откуда взялось это недоверие, которое копилось во мне годами?

— Кто же заставляет вас отвечать двумя словами? Я лично не собираюсь считать количество сказанных вами слов. А именно сегодня у меня совершенно случайно полно времени. Так что расскажите спокойно обо всем, что знаете о вашем родственнике с тех пор, как вы поселились тут, — как он живет, куда и зачем ездит.

При этих словах я снова достал из кармана пачку сигарет и предложил хозяйке. Вера поставила пустую чашку на стол, взяла сигарету и закурила. Потом испытующе взглянула на меня.

— Он попался на какой-то махинации?

— На какой махинации?

— Откуда мне знать? Если вы пришли...

— Если я пришел, значит у меня есть на то причины. А сознательная гражданка должна понимать, что такое выполнение своих гражданских обязанностей. Итак?..

— Не знаю, что именно вас интересует. Я знакома с Таневым три года. Переселилась сюда за год до окончания института. Я слышала, что у меня есть дядя, но в глаза его никогда не видела. Мне и в голову не приходила мысль искать его. Много лет тому назад он поссорился с моей матерью, и его у нас в семье не больно-то жаловали. Он сам нашел меня: у него была свободная комната, и он решил уступить ее мне, просто так, без денег, лишь бы ему не подселели чужих людей. Моя мать живет в Видине на учительскую пенсию и почти совсем мне не помогала, так что я перебивалась на одну стипендию. Предложение Танева показалось мне заманчивым, тогда у меня еще не возникло вопроса, откуда такая забота о бедной родственнице. А впрочем, я быстро раскусила его. Он сам говорил, что любит «молодой мир», а ко мне, ясное дело, приходили подруги. Танев развлекал нас анекдотами, угощал конфетами и коньяком, пока я ему не объяснила, что поселилась здесь не для того, чтобы устраивать ему журфиксы, а чтобы учиться, и если ему не хватает гостей, пусть приглашает их к себе сам. Он, как видно, только этого и ждал, потому что с тех пор и впрямь стал приглашать к себе моих приятельниц...

Я погасил сигарету и после короткой паузы закурил следующую.

— Выходит, он настоящий кавалер... — заметил я.

— Кавалер? А вы его видели?

— Только на фотографии, — признался я.

— Вот когда увидите в натуре, поймете, какой он кавалер. Все его очарование — в деньгах. С женщинами он никогда не скупится. Ставит выпивку, закуску, заводит музыку... Есть девушки, которым только этого и надо... Хотя я что-то не припоминаю, чтобы он очаровал кого-нибудь, кроме, может быть, Мими...

— Мими? — переспросил я. — Это ее фамилия на входных дверях?

Вера утвердительно кивнула.

— Да. Она фармацевт, работает в аптеке. Неплохая де-

вушка... Впрочем, какая она девушка... Ей почти тридцать. Но у нее... — Хозяйка многозначительно повертела пальцем у висков.

— Шарик за ролик?.. — пришел я ей на помощь.

Вера снова кивнула.

— И кроме того, у нее явный талант очаровывать стариков. Что-то вроде библейской Сусанны.

— Простите, — сказал я, — но в библии я слаб. Никан не удастся завершить этот курс...

— Сусанна — это та, на которую напали сластолюбивые старцы, когда она купалась. Разве что наша Сусанна не ждет, пока на нее нападут, а сама атакует...

— Ваши рассуждения звучат как обобщение, — сказал я. — Выходит, что старик не единственная жертва...

— Да, — подтвердила Вера. — Есть и второй.

— Ты смотри! Есть и второй?

— Есть. Его зовут Медаров.

— Был, — поправил я. — Звали. О покойниках говорят в прошедшем времени.

Вера посмотрела на меня с удивлением:

— Вы хотите сказать...

— Именно то, что сказал. Рассказывайте дальше.

— Но как это — покойник? — Вера никак не могла свыкнуться с этой мыслью. — Его убили? Или...

— Почему вы допускаете, что его могли убить? — в свою очередь, встрепенулса я.

— Просто спрашиваю...

— Человек никогда не спрашивает просто так, — возразил я. — Что заставляет вас предположить, что Медарова убили?

— Да, собственно, ничего. Люди умирают или естественной смертью, или их убивают. Почему вас удивляет, что я спросила, какой именно смертью умер Медаров?

— Оставьте эти силлогизмы. Они хороши только для учебников формальной логики. Из десяти тысяч людей девять тысяч девятьсот девяносто девять умирают естественной смертью и лишь один — в результате насилия. Почему у вас возникло подозрение, что Медаров именно этот один?

— Тут не подозрение, тут скорее предчувствие, — несколько смущенно ответила Вера.

— А теперь вы ссылаетесь на сферу подсознательных явлений. Все эти научные экскурсы, разумеется, весьма полезны. Но если я сказал вам, что у меня есть много времени, это еще не значит, что мы можем говорить о посторонних вещах до завтрашнего утра. Ну же, товарищ Танева! Мы надеемся на таких, как вы, ждем от вас активной помощи, а не дополнительных осложнений. Оставьте предчувствие и переходите к фактам!

— В тех фактах, что мне известны, нет ничего сенсационного. Просто во время его встреч с Медаровым я почувствовала, что этот человек его боится.

— А чего, по-вашему, он мог бояться?

— Не могу сказать вам этого со всей определенностью.

— Товарищ Танева!.. — начал я.

— Знаю, слышала уже, что я сознательная гражданка и что вы ждете от меня помощи... — несколько раздраженно перебила меня Вера. — Поймите наконец, что я не знаю ничего конкретного.

— Я человек скромный. Удовлетворюсь и неконкретным.

— Это неконкретное состоит в том, что Медаров боялся Танева. Старик никогда не говорил ни о ком другом, кроме Танева. Его мысли постоянно были связаны с Таневым. Между этими людьми существовали, вероятно, какие-то старые счеты, и мне казалось, что беспокойство Медарова было связано с мыслями о Таневе.

— Это уже более определенно. Какие счеты собирался свести Медаров с вашим дядей?

Вера недовольно посмотрела на меня.

— Я называю его «Танев», а вы все время повторяете: «Ваш дядя»...

— Ну и что? Ведь он действительно ваш дядя, брат вашей матери.

— Может, он и мой дядя, но я лично родственником его не считаю. К вашему сведению, я решила уйти из этой квартиры; если вы меня здесь застали, то только потому, что я не подыскала пока нового жилья.

— Когда у вас впервые возникла неприязнь к вашему дяде? Извините, к Таневу? И почему?

— Из-за его прошлого и отчасти из-за настоящего...

Вера поднялась, достала из ящика стола сигареты и закурила. Потом снова села. Я терпеливо ждал. Когда разговариваешь с людьми, нужно уметь не только задавать вопросы, но и терпеливо ждать. Если же пауза слишком затягивается, можно закурить самому, что я и сделал.

— Когда я сюда пришла, — начала Вера, — я почти ничего не знала о прошлом Танева, кроме того, что когда-то он был богат, торговал. На каникулы я поехала в Видин. Узнав, что я поселилась у Танева, моя мать страшно рассердилась. От нее-то я и узнала, что торговля Танева вовсе не была такой невинной, что у него были связи с гитлеровцами и всякие такие дела и что Танева после Девятого даже условно осудили. Месяца три назад пришел Медаров. Я сказала ему, что Танев уехал в провинцию и предупредил меня, что вернется не скоро. Но, несмотря на это, Медаров приходил каждый вечер. Только я вернусь из поликлиники, как он уже звонит. «Нет Танева», — говорю. А старик смотрит, словно не понимает. «А нельзя ли, — спрашивает, — войти подождать его?» — «Сколько же вы будете его ждать?» — говорю. — Разве вы не поняли, что он уехал надолго?» — «Хорошо», — говорит. А на другой день он опять тут как тут. В конце концов не знаю как, но он познакомился с Мими, и в один прекрасный день я прихожу — он сидит в холле. С тех пор он заявлялся к нам каждый день. Выпивали они с Мими. Она специально для него держала бутылку мастики, старик ничего другого не пил. Пили, ясное дело, на деньги Медарова. Потом он неожиданно исчез.

— Когда?

— Когда? — Вера подняла глаза кверху, словно подсчитывая мысленно дни. — Да так с месяц назад.

— И больше не появлялся?

— Ни разу. Я даже спросила Мими, куда девался ее кавалер. Та только плечами пожала.

— Танев тоже не появлялся?

— Нет.

— Может, он приходил, когда вы были на работе?

— Возможно. Но не думаю...

— Почему?

— Потому что, если бы он приходил, я бы это почувствовала. У меня очень тонкое обоняние, а он всегда выливает на себя какой-то отвратительный одеколон, что-то среднее между сиренью и йодной настойкой. Войдет в комнату, а после целый день проветривать надо.

— А что, если он временно перестал душиться?

— Нет, это невозможно. Танев человек устоявшихся привычек.

— Эге, да вы его хорошо знаете! Но продолжайте.

— Я сказала вам почти все, что знаю.

— Речь шла о том, что Медаров боится Танева... — напомнил я.

— Ах да. Я немножко отвлеклась. Я еще хотела узнать у Медарова что-нибудь о «Комете» и об аферах Танева с нацистами. Но тот молчал. Только однажды, когда Мими вышла на кухню, старик не выдержал и сказал мне: «Ваш дядя — опасный человек... Очень опасный... Имейте это в виду».

— По какому поводу он говорил это?

— Я поинтересовалась, как случилось, что его, Медарова, осудили на тридцать лет, а Танев выкрутился. Старик, как всегда, уклонился от ответа. «Вы, наверное, взяли на себя его вину, — говорю, — а я бы на вашем месте не стала его покрывать». Тогда Медаров наклонился ко мне близко-близко, как сейчас помню, и прошептал: «Ваш дядя — опасный человек».

— Гм... А что вы подумали при этом?

— Я не знала, что и подумать, — пожала плечами Вера. — Со мной Танев играл роль кавалера и любезного хозяина. Чересчур галантный и вечно надушенный пожилой мужчина, который то и дело предлагает вам коньяк и старые анекдоты... И все-таки я не могла отделаться от ощущения, что этот самый Танев не моргнув глазом убил бы человека, если бы это принесло ему пользу.

— А на что, собственно говоря, он жил?

— Я и сама не раз задавала себе этот вопрос... Когда-то во время процесса его имущество конфисковали. Потом, после смерти своего отца, Танев унаследовал его квартиру и небольшую дачу в предместье. Поговаривали, будто старик оставил ему кое-что «про черный день». Но правда ли это и сколько, об этом знает только Танев.

— Я слышал, у Танева есть машина.

— Да. На ней он и уехал. Есть машина, тратит кругленькие суммочки на «посетительниц»...

— Наверное, и на Мими...

— Этого я не знаю. Обратитесь к ней. Она человек разговорчивый, общительный, от нее сами узнаете то, что вас интересует.

— Хорошо, — кивнул я. — Раз она человек общительный, мы быстро найдем общий язык.

Вера испытующе взглянула на меня.

— Что, хотите угадать, сколько мне лет? — спросил я. Она рассмеялась.

— Для нас, — говорю я, — самыми тяжелыми пациентами являются два типа людей: одних спрашиваешь, как они провели вчерашний день, а они начинают с воспоминаний детства. А из других клещами слова не вытянешь.

— В профессии врача то же самое, — заметила Вера. — Поэтому-то я и выбрала детей.

— Хороший выбор, — признал я. — К сожалению, с детьми мне встречаться приходится редко.

— А детская преступность?..

— Это не по моей части. Я расследую убийства.

Вера бросила на меня быстрый взгляд.

— Значит...

— Да нет, — говорю, — ничего не значит. И вообще, думайте больше о своих делах, а мои оставьте мне. И не проговоритесь никому, что я был здесь.

— Не беспокойтесь. Ко мне почти никто не приходит.

— Я вам доверяю, — кивнул я, поднимаясь с табуретки. Взглянув на громадный букет хризантем, я сказал: — Какие свежие цветы!.. Будто только что срезаны. Вы сами себе покупаете цветы или... вам их дарят?

— Э-э-э, инспектор... — предостерегающе протянула Вера.

— Простите, профессиональный дефект. Привык задавать вопросы, и иногда инерция заводит тебя дальше дозволенного. А эта ваша Сусанна, то есть Мими, дома?

— Вряд ли, — сказала Вера. — Ее присутствие всегда озвучено музыкально. Если не слышно радиолы, значит еще не вернулась.

— Как вы считаете, — спросил я, — не подождать ли мне ее?

— Боже мой, с некоторых пор каждый, кто сюда приходит, хочет кого-то подождать! Ждите, если охота. Только не думаю, что вам повезет. Теперь она «живет»!

— А мы что? Агонизируем?

— Мы существуем, а она живет: ходит по ресторанам, танцует, следит за новинками эстрады, бывает в барах, берет от жизни все!

— Ага! Ну, в таком случае... — Я не закончил фразы, ибо в этот момент хлопнула входная дверь и вскоре послышался мелодичный женский голос. Женщина негромко напевала модный мотивчик.

— Пришла Сусанна, — сказала Вера.

— Тогда следует поторопиться, чтобы она не дематериализовалась, — пробормотал я, беря шляпу.

— Вы даже чаю не выпили...

— Сейчас выпью. Я, знаете ли, всегда так: жду, пока чай остынет, а потом — одним махом!

Продемонстрировав свою манеру пить чай, я вышел в холл.

Присутствие Сусанны действительно было озвучено музыкально. Звук радиолы доносился из-за занавески, и это, наверное, заинтересовало бы даже вечного скептика Холмса. Я подошел к занавеске, но неожиданно препятствие: не во что постучать.

— Товарищ Петрова! — громко сказал я. В ответ донеслись хриплые вскрики Джонни Холидея. — Товарищ Петрова! — повторяю уже громче.

— Да, я здесь. Что вам угодно? — слышу я из-за спины. Оборачиваюсь. Сусанна стоит рядом, она, наверное, была на кухне — в руке у нее электрическая кофеварка, из которой капает кофе.

— У меня к вам небольшое дельце, — объясняю я.

— Проходите.

Мими вошла первой, я за ней. Мы оказались в отгороженной части холла. Мебель самая разностильная: к хозяйской рухляди Мими, очевидно, добавила и свою. Рядом с диваном на маленьком столике — проигрыватель. Это свидетельствовало об определенной привычке хозяйки.

— Лежим и музыку слушаем, а? — спросил я добродушно.

— Вы бы тоже не отказались, если бы целый день простояли на ногах. Садитесь! — пригласила Мими, приглушая звук радиолы.

Я огляделся, но не заметил, где можно было бы расположиться. Два тяжелых кресла завалены сумками, женским бельем, пластинками и журналами.

— Один момент, сейчас я вам освобожу место, — пробормотала Мими, стараясь через тройник включить одновременно радиолу, электрокамин и кофеварку.

— Вы, я вижу, мастер по электроприборам, — сказал я.

— Как же, мастер! Будь я мастером, поставила бы еще один штепсель, а не ждала, пока наконец принц удосужится сделать это.

— А тут есть и принц?

— Еще бы. Как можно без принца?!

Мими быстро собрала вещи с одного кресла и швырнула их на другое.

— Прошу вас! А вы, кстати, по какому делу?

— Мне нужна маленькая справка, — сказал я, садясь. — Я из милиции.

— Из милиции? — испуганно переспросила Мими. — Вот так влипла!

— Во что влипли? — поинтересовался я.

— Он же не умер? — спросила Мими с расширившимися глазами.

— Умер.

— Неужели?!

— Умер, — повторил я, — и к тому же окончательно и бесповоротно. А о ком вы?..

— Да про этого, которого вчера Жора бутылкой по голове...

— А-а, я про него ничего не знаю. По этому делу обратитесь в соответствующий отдел. Я говорю о Медарове.

— И Медаров умер? — сказала Мими, окончательно падая духом. — Боже, чего только не случается!..

— Не убивайтесь так, — сказал я философски. — Все мы там будем.

— И то правда! — воскликнула Мими, неожиданно оживившись. — Я всегда повторяю — все умрем! Так что поменьше забот и побольше развлечений, пока мы живы. Я еще когда это Вере говорила! А она: «Несерьезно ты относишься к жизни, Мими». А сейчас, выдумала тоже, называет меня Сусанной. И вам, наверное, ляпнула...

— Почему Сусанна? — спросил я, избегая ответа.

— Потому что ко мне все старики липнут. А какие они старики? Принцу только-только пятьдесят стукнуло. Медаров не был ни моим приятелем, ни женихом...

— Но частенько гостил у вас, — заметил я.

Мими наклонилась над кофеваркой. Выкрики в радиоле утихли, но вместо них послышалось кваканье какого-то танго.

— Гостил... — пробормотала Мими. — Сидел и ждал, когда вернется принц.

— Вы имеете в виду Танева?

— Да. Танева. Но я зову его принцем.

— Вам кажется, что так нежнее?

— Я это выдумала не потому, что нежно звучит, а потому, что он ни за что не берется, боится руки запачкать.

— Привык человек, чтобы ему прислуживали...

— Вот, вот. Только я не привыкла прислуживать. И не раз говорила ему об этом. «Думаешь, — говорю, — что за полкомнаты, отгороженной занавеской, я стану тебе прислуживать? Держи карман!» Я возвращаюсь с работы чуть живая, а он: «Мими, принеси то...», «Мими, подай это...» Принц, да и только!

— Действительно неприятно, — согласился я. — А за чем Танев понадобился Медарову?

— Кто его знает! Я не спрашивала. «Если ждешь помощи от этого принца, — говорила я старику, — держи карман!» А он: «Это не твое дело. Помоги только найти его, и я тебя озолочу!» «Озолочу» — так прямо и сказал.

Пена в кофеварке угрожающе поднялась. Мими вскочила и вырвала шнур. Потом взяла со стола две чашки, вытерла их какой-то салфеткой и налила кофе.

— Щедрое обещание! — проговорил я, следя за ее движениями. — Одно плохо: щедрые обещания редко выполняются.

— А-а, так я ему и поверила! — ответила Мими, подавая мне чашку. Она села на диван рядом с радиолой и с наслаждением отпила кофе.

— А где Танев сейчас? — спрашиваю я.

- Думаю, что в Банкя*.
- Вы об этом Медарову говорили?
- Как же, так я ему и сказала!
- А почему бы и нет?

Вместо ответа Мими оглянулась, словно ища что-то;

— Где-то были сигареты... Фу, что за беспорядок!

Я поставил чашку с кофе на пол и достал свою пачку.

— Почему же вы не уберете? — спросил я, предлагая Мими сигарету.

Кое-кто может сказать по поводу этого разговора, что я болтаю лишнее. Что поделаешь, у каждого свои привычки. Опыт научил меня, что не все не связанное прямо с исследованием обязательно лишнее, пустяки. Если у собеседника складывается впечатление, что ты говоришь с ним попросту, как человек с человеком, служебные дела не пострадают. Не исключено даже, что выиграют. Ну ладно. Итак, я спрашиваю у хозяйки, почему она не убирает в своей комнате.

— Три дня уже собираюсь... И все откладываю. Такая уж я...

Мими закурила. За компанию закурил и я.

— Ну, — напоминаю, — придумали ответ?

— Какой ответ? — подняла брови Мими, глядя на меня невинными глазами.

— Кроме фармацевтики, вы закончили, видимо, и актерские курсы. Я спросил, сказали ли вы Медарову, где прячется Танев. Надеюсь, теперь вы вспомнили...

— Ух, какие вы все в милиции недоверчивые, — деланно вздохнула Мими, — тот ваш коллега тоже все допытывался: «Почему вы утверждаете, — говорит, — что пострадавший первым ударил Жору?» — «А потому, — отвечаю, — что это было именно так. На Жору напали, и он только защищался!» — «Нет, — говорит, — вы просто выгораживаете своего дружка...»

— Очень интересно, — согласился я, жестом останавливая хозяйку. — После, если захотите, расскажете мне эту историю. Ваш Жора, наверное, конфетка что надо. Но сейчас давайте вернемся к нашим делам: почему вы не сказали Медарову, где прячется Танев? Или Танев не прячется?

— Прячется. Он исчез как раз перед тем, как появился Медаров, и я уверена, что это не просто случайное стечение обстоятельств.

— А откуда вы знаете, что он в Банкя?

— От него самого. Он пришел ко мне в аптеку...

— Когда?

— Когда? — Мими выпустила густую струю дыма. — Наверное, недели через две после того, как исчез...

— Ну и?..

— Пришел ко мне в аптеку. Тогда же и сказал мне, что он в Банкя и что в случае нужды его можно найти там у двоюродного брата. Он живет там, его двоюродный брат.

* Курортная местность с источниками минеральной воды неподалеку от Софии.

Потом начал расспрашивать о Медарове. Но я не сказала ему ничего определенного, кроме того, что тот приходит время от времени и я угощаю его мастикой. А принц все допытывается: когда именно приходит, что говорит, где живет, с кем встречается и все такое...

— А вы передали Медарову, что Танев интересуется им? — Ни о чем я Медарову не рассказывала. Разве я вам не сказала?..

— Но почему? Вот что меня интересует.

— Потому что... Потому что я предчувствовала, что, если они встретятся, случится что-то страшное.

— Страхное уже случилось, — напомнил я. — Так что нет никаких оснований скрывать что-либо и дальше. Сколько раз приходил к вам Танев?

— Но ведь я уже говорила вам...

— Да, но мне показалось, что это еще не все... А теперь подумайте хорошо и скажите точно: сколько раз приходил к вам Танев?

Мими нервно погасила сигарету в пепельнице, стоявшей на радиоле. Но это дало ей всего-навсего пять секунд отсрочки. Она посмотрела на меня, потом на радиолу:

— Ух, какой вы... Дважды я с ним виделась... А с тем случаем, вечером, — три раза...

— А теперь расскажите подробно о каждой встрече: когда виделись, где виделись, что Танев вам говорил, что вы ему отвечали! И не опускайте никаких подробностей!

Мими хотела было отделаться чем-то вроде своего «ух, какой вы», но, поняв по выражению моего лица, что мне не до шуток, перевела взгляд на свои элегантные черные туфельки. Вообще Мими довольно элегантная женщина, со вкусом. Правда, о домашнем уюте она ни капли не заботится. Формы у Мими чуть-чуть пышнее, чем того требует сегодняшняя мода, но, может быть, именно это нравится старикам. Лицо приятное, даже милое, слегка усталое или апатичное. Что поделаешь! Человек «живет»...

— О первой встрече я уже упоминала: он хотел узнать все о Медарове. «Приходит каждый вечер, — говорю. — Спрашивает о тебе, выпивает рюмку-другую мастики, потом молчит как пень, сидит. Где его квартира и с кем он встречается — не знаю». — «Узнай, — велел принц, — и, когда приду опять, расскажешь». А когда пришел во второй раз, даже не спрашивал обо всем этом...

— Куда пришел? Опять в аптеку?

— Нет. Не в аптеку, и, вообще говоря, не пришел, а вызвал меня по телефону. Сказал, что звонит из автомата в судебной палате. Я отправилась туда. Он только поинтересовался, придет ли Медаров вечером. «Наверное, придет, — говорю. — Он каждый вечер припирается». Тогда принц дал мне бутылочку. «Нальешь этого ему в мастику, — говорит, — чтобы заснул. Нужно любой ценой осмотреть его карманы». Я хотела отказаться, но Танев так посмотрел на меня, что я согласилась. «Когда он заснет, — продолжал принц, — ты сразу вызовешь меня. Я буду ждать в «Золотой грозди». Это была вторая встреча...

— Когда именно?..
— Да с месяц тому назад... Или чуть раньше... Я как раз получила зарплату...

Мими умолкла и осмотрелась. Я достал сигареты. Закурили.

— Ну, а потом?

Мими жадно затянулась.

— Вечером пришел Медаров. Я угостила его мастикой. У меня всегда стоит бутылка мастики специально для него. Сама я терпеть ее не могу. Конечно, я вовсе не собиралась ничего подливать ему в рюмку. Принц сказал — заснет, но откуда я знаю, на какое время он заснет и проснется ли

вообще. Я фармацевт и знаю, что такими вещами не шутят. Я не только не стала подливать ему этой жидкости в мастику, но прямо сказала Медарову, что у меня предчувствие, будто его жизни что-то угрожает и что ему лучше прекратить эти постоянные визиты. «Ты видела Танева!» — крикнул старик. «Не видела я никакого Танева. Просто у меня такое предчувствие. А вы поступайте как знаете». Медаров, наверное, понял или хотя бы заподозрил что-то и с тех пор не приходил.

— А Танев?

Мими снова дважды затянулась сигаретой, затем положила ее в пепельницу.

— Таневу я соврала. Найдя его в «Золотой грозди», я сказала, что Медаров, видно, что-то заподозрил, потому что не пригубил даже рюмку и быстро ушел.

— И Танев поверил?

— Откуда я знаю, поверил или нет. Во всяком случае, ничего не сказал. С тех пор я его не видела.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

— А что вы сделали с бутылочкой?

— Должна быть где-то здесь...

Мими наклонилась и начала искать бутылочку в сопровождении совершенно неуместного сейчас «ча-ча-ча». Минуту спустя она достала из-под кучи тряпья маленькую бутылочку с прозрачной жидкостью и подала мне.

— Надеюсь, содержимое в ней то же, — пробормотал я, пряча бутылочку в карман.

— Ух эти следователи! Человек вам все рассказывает, как на исповеди, а вы...

— Ладно, ладно... — остановил ее я. — Итак, у вас сложилось впечатление, что Танев и Медаров ненавидят друг друга?

— Еще как! Оба прямо налиты злобой друг к другу, так и кипят от ненависти... Они только ждали подходящего момента...

— Для чего?

— Чтобы свести счеты. Медаров не раз повторял, что хочет рассчитаться с Таневым. А Танев хотел найти что-то в карманах Медарова...

— Ясно, — кивнул я. — А как вы объясните, почему Медаров так быстро свернул знамена?

— Почему свернул? — удивилась Мими. — Я говорила, что он перестал приходить, но это не одно и то же. Перестал приходить он, но зачистил другой.

— Конкретнее, пожалуйста. До меня долго доходит.

— Все вы делаете вид, что до вас долго доходит. Пока не вытянете из человека все, что вам нужно. Конкретнее вам может рассказать Вера. Вы ведь были у нее? Но она небось об этом не говорила...

— А-а, пустяки, — пробормотал я с привычным добродушием, — может, так оно и лучше. С вами говорить приятнее. Ну так что же?..

Мими наклонилась ко мне:

— Как только перестал приходить Медаров, появился этот, молодой Андреев. Когда он пришел впервые, я была дома одна. «Мне нужен товарищ Танев», — говорит. «Если вы ищете товарища Танева, почему не позвонили один раз, как указано на табличке?» — спрашиваю. «Я слышал, что он в отъезде». — «А раз так, то зачем пришли?» — «Хочу узнать, когда он вернется». — «Мне это неизвестно, — говорю. — И вообще, звоните три раза, когда придете ко мне лично». И закрыла за ним дверь. А через два дня увидела, как он выходит из Вериной комнаты. «Познакомьтесь», — сказала Вера. — Товарищ Андреев, инженер-электрик...»

— Инженер-электрик?
— Что тут удивительного? — подняла брови Мими. — Инженер-электрик не такая редкость, это вам не космонавт.
— Дальше?
— А дальше ничего. Но я уверена, что его послал Медаров. Потому что только он перестал приходить, как появился Андреев. Он к Вере ходит...
— А вы что, ревнуете?
— Как же, ревную, — презрительно скривила губы Мими. — Осточертели мне мужчины.
— Разгоните их, если осточертели, — посоветовал я. — Начните с принца.
— Я так и думала сделать. Собиралась, а потом, как задумаешься... Жизнь одна, ее нужно как-то провести...
— Почему как-то? Почему не хорошо, а как-то?..
— Ах... — Мими виновато взглянула на меня. — Разве всегда знаешь, что хорошо, а что плохо?..

— То есть как так не знаешь? — удивился я. — Неужели вы этого не знаете?

— Выходит, не знаю. А вы знаете?

— Конечно. Разве вы забыли, чему учились в школе?

— Ну, в школе!.. — Мими снисходительно улыбнулась.

— Да, в школе. Самые простые истины усваиваются как раз в школе... и это не мешает им оставаться нужными истинами.

— Надеюсь, вы напомните мне некоторые из них... — так же снисходительно улыбнулась Мими.

— А почему бы и нет? Лишь бы вы этого хотели. — И я начал подчеркнуто менторским тоном: — Хорошо, к примеру, регулярно убирать в комнате, а не жить в беспорядке. Беспорядок вообще нельзя допускать ни в чем. Хорошо, когда человек умеет приятно отдохнуть, но, если отдых утомляет, это уже плохо. Хорошо, если у тебя есть настоящий друг, а не товарищ по застолью, собутыльник... Мне продолжать?..

Мими сидела, сжавшись в комок. Из радиолы все еще доносились синкопы какого-то джаза.

— Да-а... — протянул я, чтобы нарушить молчание. — Жизнь одна, говорите вы. Но одна жизнь — это не мелочь. Особенно если учесть, что другой нам не дано.

Мими молчала, не сводя взгляда со своих элегантных туфель.

— Вы, например, уверены в своей честности, ибо не способны подсыпать кому-нибудь яду. А честны ли вы по отношению к самой себе? Думаете ли вы о яде, который пьете сами? Жоры, бутылки, драки и все такое — хорошо. А потом?..

Мими не шевелилась. Музыка затихла. Долгоиграющая пластинка крутилась на диске. Но мы не обращали на это внимания.

— Но, — сказал я, — не будем выходить за пределы расследования. До свидания!

Я взял шляпу и поднялся. Мими посмотрела на меня усталыми глазами и машинально заметила:

— Вы не выпили кофе...

— Приберегал на заключительный аккорд, — объяснил я. — Сейчас выпью. Это мой патент: подождать, пока остынет, и потом — одним махом!

Я наклонился, поднял чашку с пола и быстро продемонстрировал свой метод.

— Будьте здоровы, — повторил я, приветливо помахав рукой.

— Пока, инспектор... — послышался из-за спины ее слабый голос.

(Онанизм в следующем выпуске)

Перевел с болгарского Ф. ЕВГЕНЬЕВ

Уильям ТЕНН

Фантастический рассказ

аустом прозвал меня Рикардо, а что это значит, я сам толком не знаю.

Так вот, сижу я, значит, в своей крохотной конторке — шесть футов на девять. Читаю объявления о распродаже списанного госимущества. Пытаюсь смекнуть, на чем можно заработать доллары, а на чем — головную боль.

Тут дверь конторы отворяется. И этот мозгляк с грязным лицом, одетый в запачканный летний костюм, заходит в мою контору и, откашлявшись, предлагает:

— Двадцать долларов за пять не купите?

— Что-о? — спросил я, вытаращив на него глаза.

Он переступил с ноги на ногу и опять откашлялся.

— Двадцать, — пробормотал он. — Двадцать за пять.

Под моим взглядом он потупился и уставился на свои ботинки. Это были отвратительные, грязные ботинки — такие же отвратительные и грязные, как и все, что было на нем.

— Я плачу вам двадцать долларов, — объяснял он носкам своих ботинок. — И покупаю за них пять. Вам идет двадцатка, мне — пятерка.

— Как ты попал сюда?

— Взял да и вошел, — ответил он, немного смешавшись.

— Ты просто взял да вошел, — злобно передразнил я его. — А теперь ты просто спустишься вниз и пойдешь отсюда к чертовой матери. В вестибюле ясно написано: **НИЩИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН**.

— Я ничего не прошу, — он одернул пиджак. Казалось, что парень пытается разгладить складки смятой ночной пижамы.

— Я предлагаю сделку. Двадцатку за пятерку. Я вам...

— Хочешь, чтобы я вызвал полицию?

Он явно сдрейфил.

— Нет. Зачем вызывать полицию? Я вам ничего не сделал!

— Через секунду я вызываю полицию. Я тебя честно предупреждаю. Мне стоит только позвонить вниз, в вестибюль, и сюда тотчас пришлют полицейского. Здесь нищие ни к чему. Здесь занимаются бизнесом.

Он провел ладонью по лицу, и ладонь стала грязной; он вытер ее о лацкан.

— Значит, не хотите? — сказал он. — Двадцать за пять. Ведь вы же занимаетесь куплей-продажей. Что же вам не подходит? Я поднял телефонную трубку.

— Ладно, — остановил он меня, вытянув вперед грязную пятерню. — Я ухожу.

— Так-то оно лучше. И дверь за собой закрой.

— Если вы передумаете, — он запустил руку в карман своих грязных, мятых брюк и достал визитную карточку, — вы можете найти меня здесь. Почти в любое время.

— Убирайся вон! — сказал я ему.

Он протянул руку, бросил карточку на стол, на кучу объявлений о распродаже госимущества, раза два кашлянул, взглянул на меня — не клюнул ли я все-таки. Нет? Нет. Он устало вышел.

Ногтями указательного и большого пальцев я взял визитную карточку и собрался было бросить ее в корзину.

Но потом передумал. Визитная карточка. Все-таки чертовски необычно — такая рвань и с карточкой. Но карточка — вот она.

Если разобраться, вся сцена была необычна. Я даже начал жалеть, что выгнал его, не дав высказаться до конца. Он ведь и правда ничего не сделал — выдумал новый рекламный трюк, да и только. Я всегда рад новым рекламным трюкам. Я расширяю свою маленькую контору, я покупаю и продаю, но половина моих товаров — хорошие идеи. Идеи я готов позаимствовать даже у нищего.

Карточка была чистая, белая — только от пальцев остались

коричневые пятна. Через всю карточку каллиграфическим почерком было написано: мистер Ого Эксар. Ниже стояли название и номер телефона гостиницы на площади Таймс-сквер, расположенной неподалеку от моей конторы. Я знал эту гостиницу — не слишком дорогая, но и не ночлежка, так, что-то среднее.

В углу карточки стоял номер комнаты. Это меня вдруг развеселило. Совершенно непонятно!

Но, с другой стороны, почему бы попрошайке не зарегистрироваться в гостинице? «Не будь снобом, Берни», — сказал я себе.

Двадцать за пять. В чем тут фокус? Я не мог отвязаться от этой мысли.

Оставалось только одно. Спросить у кого-нибудь. Рикардо? Как-никак крупный профессор в колледже. Одно из лучших моих знакомств.

Он немало помогал мне — намекнул о решении строить новое здание колледжа, и я заработал на этом полторы тысячи долларов; сообщил о распродаже конторского оборудования в ООН и т. д. Как только у меня возникал вопрос, требовавший университетского образования, он всегда выручал меня. И все это за какие-нибудь две сотни комиссионных, которые он получил от меня.

Я взглянул на часы. Рикардо должен быть сейчас у себя в колледже — проверяет контрольные или чем там он еще занимается. Я набрал его номер.

— Ого Эксар? — переспросил он. — Наверное, финн. А может быть, эстонец. Скорее всего из Восточной Прибалтики.

— Не в этом дело, — сказал я. — Меня вот что интересует.

И я рассказал ему о предложении купить двадцать долларов за пять.

Он рассмеялся.

— Опять то же самое!

— Какой-нибудь древний трюк, из тех, что греки выкидывали с египтянами?

— Нет. Из тех, что выкидывали американцы. И это не совсем трюк. Во время кризиса одна нью-йоркская газета послала своего корреспондента по городу с двадцатидолларовой банкнотой, которую он продавал за один доллар. Охотников купить не нашлось. Их не нашлось даже среди безработных, полуголодных — из страха оказаться в дураках они отказывались от барыша в 1900 процентов.

— Двадцать за один? Тут было двадцать за пять.

— Ну, сам знаешь, Берни, инфляция, — сказал он, снова рассмеявшись. — А в наши дни это скорее напоминает какое-то телевизионное представление.

— Телевизионное? Поглядели бы вы, как этот парень одет!

— Просто добавочный и вполне логичный штрих — больше шансов, что люди не примут это предложение всерьез. Несколько лет назад группа социологов исследовала реакцию населения на уличные благотворительные шествия. Ты знаешь этих людей, гремющих на перекрестках копилками: ПОМОГИТЕ ДВУГЛАВЫМ ДЕТЯМ! ПОЖЕРТВУЙТЕ ПОСТРАДАВШИМ ОТ НАВОДНЕНИЯ В АТЛАНТИДЕ! Вот они и нарядили для этого нескольких студентов...

— Вы думаете, парень был из этих, а?

— Полагаю, что так. Вот только зачем он оставил свою визитную карточку?

И вдруг меня осенила догадка.

— Вы знаете, а я понял. Если это телевизионная затея, то здесь замешана куча других вещей. Телевизорина с призами — машины, холодильники, замок в Шотландии и прочее.

— Телевизионная викторина? Что же, возможно.

Уж я-то не окажусь дураком! Я повесил трубку, глубоко вздохнул и набрал номер гостиницы, где жил Эксар. Он действительно был там зарегистрирован. И как раз вернулся.

Я быстро спустился вниз и сел в такси. Кто знает, с кем он еще успел связаться?

Поднимаясь в лифте, я все еще размышлял. Как от двадцати долларов перейти к действительно крупной игре, затейной телевидением, и не дать Эксару понять, что я раскусил, в чем тут дело? Что же, возможно, мне повезет. Может быть, мне выпадет счастье.

Я постучал в дверь. Когда он сказал «пожалуйста», я вошел. Одну-две секунды я ничего не видел.

Номер был маленький, как и все номера в этой гостинице, маленький и душный. Он не включил свет, ни одной лампочки. Окна были донизу зашторены.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я наконец смог разглядеть этого молодчика. Он сидел на кровати лицом ко мне. На нем все еще был этот идиотский летний костюм.

И знаете, чем он занимался? Он смотрел забавный маленький транзисторный телевизор, стоявший на письменном столе. Цветной телевизор. Только работал он неважно. На экране не было ни лиц, ни картинок, а только разноцветные сполохи по всему экрану. Громадная красная вспышка, громадная оранжевая вспышка, дрожащие переходы между голубым, зеленым, черным. Из телевизора доносился голос, разобрать слова было невозможно: «Вах-вах, девах, де-вах».

Как только я вошел, он сразу выключил телевизор.

— Таймс-сквер — плохое соседство для телевизора, — сказал я. — Слишком много помех.

— Да, — сказал он. — Слишком много помех.

Он закрыл телевизор крышкой и убрал его. Хотелось бы посмотреть на этот телевизор, когда он работает как следует.

Странно, а? В комнате вопреки моему ожиданию не стоял запах дрянного ликера, и в задвинутой под письменный стол мусорной корзине не валялись пустые бутылки, как это бывает обычно в таких номерах. Ничего такого.

Единственный запах, который я почувствовал, был совершенно мне незнаком. Я думаю, это был запах самого Эксара.

— Хм, — промычал я, чувствуя себя неловко из-за давешнего разговора в конторе. Слишком груб я был тогда. А он спокойно сидел на кровати.

— У меня двадцать долларов, — сказал он. — Вы принесли пять?

— Я думаю, найдутся, — сказал я, роясь в бумажнике и стараясь обернуть дело шуткой. Он не проронил ни слова, даже не пригласил меня сесть. Я вытащил банкнот.

— О'кэй?

Он наклонился вперед и уставился на него, будто в такой темноте можно было увидеть, что это за банкнот.

— О'кэй, — сказал он. — Но мне нужна расписка. Заверенная расписка.

«Вот это да, — подумал я, — заверенная расписка!» И сказал:

— Тогда пойдёмте. Аптека на Сорок пятой улице.

— Пойдёмте, — сказал он, поднимаясь и коротко откашливаясь — раз, два, три, четыре — почти беспрерывно.

По дороге в аптеку я остановился возле лавки с канцелярскими товарами, купил книжку с бланками расписок и тут же

Рисунки Б. ДОЛЯ

заполнил одну из них: Нью-Йорк, дата, «от мистера Ого Эксара под номером...»

— О'кей? — спросил я его. — Я поставил здесь номер и серию банкноты, чтобы казалось, будто вам нужна именно она.

Он повернулся ко мне и прочел расписку. Затем сверил номер с банкнотом, который я держал в руках. Он кивнул.

Мы подождали аптекаря, который в это время отпускал товар. Когда я подписал расписку, аптекарь прочел ее про себя, пожал плечами и поставил свою печать.

Я заплатил ему четверть доллара. В барыше был я.

Эксар бросил на прилавок новенькую, хрустящую двадцатку. Он наблюдал, как я рассматривал ее на свет с одной и другой стороны.

— Не фальшивая? — спросил он.

— Нет... Но поймите, я не знаю вас, я не знаю ваших денег.

— Правильно. Я бы и сам так сделал.

Он сунул расписку и пять долларов в карман и направился к выходу.

— Эй, — крикнул я. — Вы спешите?

— Нет, — он остановился и удивленно посмотрел на меня. — Не спешу. Но вы получили двадцать за пять. Дело сделано. Все.

— Все в порядке, дело сделано. Не выпить ли нам по чашке кофе?

Он заколебался.

— Плачу я, — сказал я ему. — Давайте выпьем по чашечке.

Он забеспокоился.

— А вы не захотите расторгнуть сделку? У меня расписка. Все заверено. Я дал вам двадцать долларов, а вы мне — пять. Дело сделано.

— Сделано, сделано, — говорил я, подталкивая его к свободному столику. — Все замечано, все шито-крыто. И назад ходу нету. Просто я хочу угостить вас кофе.

Несмотря на слой грязи, покрывающий его лицо, я увидел, что оно прояснилось.

— Не надо кофе. Я бы съел грибной суп.

— Прекрасно, прекрасно. Суп, кофе — все равно. Я выпью кофе.

Я сел напротив и изучал его. Он сгорбился над тарелкой и то-ропливо отправлял в рот ложку за ложкой — живой пример шалопая, у которого за весь день маковой росинки во рту не побывало.

Такой тип должен валяться пьяный в дверях, пытаюсь отбиться от полицейской дубинки. И место ему в кабаке, а не в приличной гостинице, и не подобает ему продавать мне двадцать долларов за пять и есть как порядочному грибной суп.

Но так и должно быть. Для телепередачи, которую они затеяли, это чертовски подходящий актер, лучше ни за какие деньги не найдешь, только зря доллары выбросишь. Парень так здорово играет попрошайку, что люди смеются ему в лицо, когда он пытается навязать им прибыльное дельце.

— Может быть, вы купите еще что-нибудь? — спросил я его.

Он не донес ложку до рта и подозрительно посмотрел на меня.

— Например?

— Ну не знаю. Может быть, приобретете десять долларов за пятьдесят? Или двадцать за сто?

Он задумался, этот парень. Потом снова набросился на суп.

— Это не дело! — бросил он презрительно. — Разве это дело?

— Простите, пожалуйста, простите. Я на всякий случай спросил. Я вовсе не хочу на вас заработать, — я закурил сигарету и замолчал.

Мой приятель оторвал свою грязную физиономию от супа и потянулся за бумажной салфеткой. Он вытер губы.

— Хотите купить еще что-нибудь? Пока я здесь и располагаю временем. Если у вас имеются какие-нибудь предложения, мы можем все сейчас оформить.

Он скомкал бумажную салфетку и бросил ее в тарелку. Салфетка намокла: он выловил все грибы, а суп оставил.

— Мост Золотых Ворот, — внезапно предложил он.

Я выронил сигарету:

— Что?

— Мост Золотых Ворот. В Сан-Франциско. Я плачу за него... — он задумчиво уставился в потолок. — Скажем, сто двадцать пять долларов ч. Сто двадцать пять долларов. Деньги на бочку.

— А почему именно Мост Золотых Ворот? — как идиот, переспросил я.

— Потому что он мне нужен. Вы спросили меня, что я хочу купить еще, и я отвечаю: Мост Золотых Ворот.

— А почему бы не Мост Джорджа Вашингтона? Он здесь, в Нью-Йорке, на реке Гудзон. Зачем покупать мост на западе?

Он усмехнулся, словно отдавая дань моей хитрости.

— Нет, — сказал он, дергая левым плечом. — Я знаю, что хочу. Мост Золотых Ворот в Сан-Франциско. Хотите — продавайте, хотите — нет.

— Я согласен. Пусть будет по-вашему — уступаю. Но учтите — я могу вам продать только свою часть Золотых Ворот — только то, что принадлежит мне.

Он кивнул.

— Мне нужна расписка. Напишите расписку.

Я написал расписку. Все по новой. Аптекарь заверил расписку, сунул печать в ящик прилавка и отвернулся. Эксар отсчитал шесть двадцаток и одну пятерку из здоровенной пачки банкнотов, которые хрустели, как накрахмаленные. Сунув пачку в карман брюк, он вновь направился к выходу.

— Может быть, еще кофе? — спросил я его. — Или добавьте супа?

Он озадаченно поглядел на меня и, казалось, дернулся всем телом.

— С какой стати? Вы что-нибудь еще хотите продать?

Я пожал плечами.

— Вы что-нибудь еще хотите купить? Скажите. И мы еще что-нибудь обстрагеем.

Это все отнимало время, но я не жалел. Я сделал сто сорок долларов за пятнадцать минут. Вернее, около ста тридцати восьми — сколько-то я уплатил аптекарю и еще за кофе и суп, впрочем, это необходимые траты, так положено. Я не жалел.

Может, однако, теперь подождать, что у них дальше по сценарию? Они спросят, что я держал в уме, когда продавал Эксару все эти сапоги всмятку, я объясню, и на меня посыплются призы: и холодильники, и ювелирные изделия лучшей фирмы, и...

Пока я витал в облаках, Эксар сказал что-то. Что-то совсем незнакомое. Я попросил повторить.

— Азовское море, — повторил он. — В России. Я плачу за него триста восемьдесят долларов.

Я ничего не слышал о таком море. Я поджал губы и на секунду задумался. Кругленькая сумма — триста восемьдесят долларов. За какое-то там забытое море. Я попытался схитрить.

— Четыре сотни — и по рукам.

Он сильно закашлялся и выглядел в этот момент абсолютно ненормальным.

— В чем дело? — выдавил он из себя между приступами кашля. — Разве триста восемьдесят долларов — плохая цена? Это маленькое море, одно из самых маленьких. Всего четырнадцать тысяч квадратных миль. А знаете его максимальную глубину?

Я сделал умный вид.

— Уж никак не мельче других.

— Сорок девять футов! — закричал Эксар. — Всего сорок девять футов! Где вы получите больше за такое море?

— Спокойней, — сказал я, похлопывая его грязное плечо. — Давайте ни вашим, ни нашим. Вы говорите — триста восемьдесят, я прошу четыре сотни. Как насчет трехсот девяноста?

На самом деле мне было все равно: десять долларов больше, десять долларов меньше. Но мне было интересно, что будет дальше.

Он успокоился.

— Триста девяносто долларов за Азовское море, — пробормотал он, боясь, что я натягиваю ему нос. — Но мне нужно только море; ведь я не прошу в придачу Керченский пролив или, скажем, порт вроде Таганрога...

— Вот что я вам скажу, — я поднял руки. — Дайте мне триста девяносто, и я отдаю вам Керченский пролив бесплатно. Идет?

Он задумался. Он засопел. Он вытер нос тыльной стороной ладони.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Идет. Азовское море и Керченский пролив за триста девяносто долларов.

Бац! — шлепнулась печать аптекаря. Дело пошло на лад. Эксар дал мне шесть пятидесятидолларовых купюр — четыре двадцатки и десятку — все из той же пачки новеньких банкнотов, которую он держал в кармане брюк.

Я подумал о пятидесятидолларовых банкнотах, которые остались в пачке, и почувствовал, что у меня текут слюни.

— О'кэй, — сказал я. — Что дальше?

— Вы все еще продаете?

— По сходной цене, разумеется. Что вы хотите?

— Очень многое, — вздохнул он. — Но стоит ли заниматься сейчас этим? Вот я о чем думаю.

— Конечно, стоит, раз есть такая возможность. Позже — кто

знает? — меня может не быть рядом, найдутся другие люди, которые взвинтят цены. Что угодно может случиться. — Я сделал паузу, но он продолжал хмуриться и кашлять. — Как насчет Австралии? — предложил я. — Может быть, вы купите Австралию долларов, скажем, за пятьсот? Или Антарктиду? Антарктиду я уступаю по дешевке.

Он явно заинтересовался:

— Антарктиду? Сколько стоит? Нет, больше не буду покупать в розницу. Здесь кусочек, там кусочек. Получается слишком дорого.

— Вы, милый, покупаете по бросовым ценам.

— А если я куплю оптом? Сколько за все?

— Простите, не совсем понял, — покачал головой я. — Что оптом?

Он сгорал от нетерпения.

— Все. Весь мир. Землю.

— Ого, — сказал я. — Это много.

— Я устал покупать по кусочкам. Назначайте оптовую цену — я покупаю все сразу.

Я покачал головой — ни утвердительно, ни отрицательно, ни да, ни нет. В руки шли деньги, и большие. Но, пожалуй, вот тут-то я должен был рассмеяться ему в лицо и уйти. Однако я даже не улыбнулся.

— Я, конечно, назначу оптовую цену за всю планету. Но что это значит? Я хочу сказать, что, собственно, вы хотите купить?

— Землю, — сказал он, придвигаясь так близко, что до меня донеслось его дыхание. — Я хочу купить Землю. Целиком и полностью.

— Только хорошо заплатите. Продам все скопом.

— Я за ценой не постою. Ведь это настоящая сделка. Плачу две тысячи долларов. Я получаю Землю — всю планету — с правами на полезные ископаемые и клады. Идет?

— Вы получаете чертовски много.

— Я знаю, что много, — согласился он. — Но я и плачу много.

— За то, что спрашиваете, — не много. Дайте мне подумать.

Это была большая сделка, большой приз. Я не знал, сколько денег ему дали на телевидении, но был уверен, что две тысячи долларов — только начало. Но как назначить разумную цену за мир и не промахнуться?

Я не должен выглядеть на телевидении мелкой сошкой. Надо угадать высшую цену, названную Эксару режиссером.

— Вам действительно нужно все? — спросил я, поворачиваясь к нему. — Земля и Луна?

Он выставил вперед свою грязную пятерню.

— Не надо Луны. Только некоторые права на нее. Остальное можете оставить себе.

— Все равно это слишком много. За такую кучу недвижимости вам придется выложить больше двух тысяч.

Эксар поморщился и задергался всем телом.

— На сколько, на сколько больше?

— Ладно, давайте без дураков. Дело крупное! Мы ведь не толкуем больше о мостах, или реках, или морях. Вы покупаете

целый мир и часть другого в придачу. Здесь придется раскошиться. Готовьте деньги.

— Сколько? — казалось, он так и ходит вверх и вниз внутри своего непотребного костюма. Люди оборачивались на нас. — Сколько? — прошептал он.

— Пятьдесят тысяч. И это еще чертовски дешево. Сами понимаете.

Эксар весь обмяк. Даже его глаза, казалось, запали глубже.

— Вы сумасшедший, — пробормотал он упавшим голосом. — Вы не в своем уме.

Он повернулся и пошел к двери с таким измученным видом, что мне стало ясно — я хватил через край. Он даже не оборачивался.

Я крепко ухватил полу его мерзкого пиджака.

— Послушайте, Эксар, — быстро проговорил я, пока он вырывался. — Я понимаю, что заломил больше, чем у вас есть. Но больше чем две тысячи вы дать можете. Я хочу получить столько, сколько могу получить. Иначе какого черта я бы стал тратить на вас время? И кто еще станет возиться с вами?

Мои слова остановили его. Он поднял голову и закивал. Потом обернулся ко мне, и я отпустил пиджак. Мы начали сначала!

— Хорошо. Вы уступаете мне, а я уступаю вам. Поднимем немного цену. Ваше последнее слово. На сколько больше вы можете дать?

Он поглядел вдаль и задумчиво облизал языком грязные губы. Его язык тоже был грязный. Правда! Какая-то грязь — то ли жир, то ли сажа — покрывала весь его язык.

— Как насчет, — спросил он чуть спустя, — как насчет двух с половиной тысяч? Больше не могу. У меня не остается ни цента.

Он был из того же теста, что я, — умел мотать душу.

— Столкуемся на трех тысячах, — не уступал я. — Ну разве это много — три тысячи? Еще каких-то пятьсот долларов. Подумайте, что вы получаете за это. Земля — целая планета, — и рыболовство, и полезные ископаемые, и клады, да и к тому же все богатства Луны. Ну как?

— Не могу. Просто не могу. Хочу, но не могу. — Он потрянул головой, словно стараясь избавиться от своих тиков и подергиваний. — Давайте так. Я даю вам две тысячи шестьсот. За это вы уступаете мне одну Землю, а на Луне только права на рыболовство и клады. Полезные ископаемые остаются вам. Я и без них обойдусь.

— Пусть будет две тысячи восемьсот, и берите полезные ископаемые. Они вам наверняка пригодятся. Берите и владейте. Еще двести долларов — и все ваше.

— Не могу я обладать всем. Есть вещи, которые мне не по карману. Как насчет двух тысяч шестисот пятидесяти без прав на полезные ископаемые и клады?

Закрутилось дело. Я чувствовал это.

— Вот мое последнее слово, — сказал я. — Я не могу тратить целый день. Предлагаю две тысячи семьсот пятьдесят, и ни центом меньше. За это я отдаю вам Землю и право ловить рыбу на Луне. Или право отыскивать клады. Выбирайте что хотите.

— Ладно, — сказал он. — Вас не переспоришь — согласен.

— Две тысячи семьсот пятьдесят за Землю и либо рыболовство на Луне, либо клады?

— Нет, ровно две тысячи семьсот, и никаких прав на Луне. Забудем о ней. Ровно две тысячи семьсот, и я получаю Землю.

— Идет! — воскликнул я, и мы ударили по рукам. — На том и столковались.

Потом я обнял его за плечо — стоило ли обращать внимание на грязь его одежды, когда парень принес мне две тысячи семьсот долларов? — и мы снова направились в аптеку.

— Мне нужна расписка, — напомнил он.

— Отлично, — ответил я. — Я напишу вам то же самое: я про-

даю все, чем владею или имею право продавать. Вы сделали удачную покупку.

— А вы неплохо заработали на своем товаре, — ответил он.

Теперь он мне нравился. Дергающийся, грязный — какой угодно, он был свой человек.

Мы подошли к аптекарю заверить расписку, и, честное слово, я никогда не видал более негодующего человека.

— Хороший бизнес, а? — сказал он. — Не слишком ли вы горячитесь?

— Слушайте, вы, — ответил я. — Вы заверяйте, и все. — Я показал расписку Эксару. — Так годится?

Он кашлял и изучал расписку.

— Все, чем вы владеете или имеете право продавать. Прекрасно. И, знаете что, напишите о вашей правоспособности как торгового агента, вашей профессиональной правоспособности.

Я внес изменения и расписался. Аптекарь заверил расписку.

Эксар вытащил из кармана брюк пачку денег. Он отсчитал пятьдесят четыре хрустящие, новенькие пятидесятидолларовые купюры и положил их на стеклянный прилавок. Затем взял расписку, сложил ее и спрятал. И направился к двери.

Я схватил деньги и бросился за ним.

— Может быть, еще что-нибудь?

— Ничего, — ответил он. — Все. Дело сделано.

— Я понимаю, но мы можем найти еще что-нибудь, какой-то другой товар.

— Больше искать нечего. Дело сделано.

По его голосу я понял, что дела закончены.

Я остановился и посмотрел, как он толкнул вращающуюся дверь. Он вышел на улицу, свернул налево и пошел так быстро, будто чертовски спешил.

Дела закончены. О'кэй. В моем бумажнике лежали три тысячи двести пятьдесят долларов, которые я сделал в одно утро.

Но верно ли я действовал? Было ли это действительно высшей суммой, назначенной в представлении? И как близко я к ней подобрался?

Один из моих знакомых — Морис Барлап — мог помочь мне разобраться в этом деле.

Морис, как и я, занимался бизнесом, но бизнесом своего рода — был театральным агентом и дело знал как свои пять пальцев. Вместо того чтобы сбывать медный лом или, скажем, устраивать кому-то участок земли в Бруклине, он торговал талантами. Он продавал труппу актеров в горный отель, пианиста в бар, конференсье для театрального обозрения, комика в ночную радиопрограмму.

Я позвонил ему из телефонной будки возле выхода и спросил о телевикторине.

— Вот что я хочу узнать...

— Нечего узнавать, — отрезал он. — Никакой викторины нет, Берни.

— Да есть она, черт возьми, Морис. Ты просто не слыхал.

— Такого представления нет. Не готовится и не репетируется — нет ничего такого. Подумай сам — до начала передачи тратится уйма денег: нужен сценарий, нужно время на телевиде-

нии. А до покупки времени режиссер готовит рекламу. И когда мне звонят насчет исполнителей, я уже наслышан о представлении из ста источников. Я знаю, что говорю, Берни, и раз я сказал, что такого представления нет, значит его нет.

Он был чертовски уверен в себе. Безумная мысль неожиданно промелькнула в моем мозгу. Нет. Не может быть. Нет.

— Значит, это, как и говорил Рикардо, газета или университетское исследование?

Он задумался. А я должен был сидеть в этой душной телефонной будке и ждать — Морис Барлап имел голову на плечах.

— Эти чертовы документы, эти расписки — газеты и университеты так не работают. И на чудачество это непохоже. Я думаю, тебя провели, Берни, не знаю, на чем и как, но провели.

Этих слов было достаточно для меня. Морис Барлап чует обман сквозь шестнадцатифутовую изоляцию из силикатной шерсти. Он не ошибается. Никогда.

Я повесил трубку и задумался. Безумная мысль вновь вернулась ко мне и бомбой разорвалась в моем мозгу.

Шайка космических пришельцев решила захватить Землю. Может быть, они собираются устроить здесь колонию, а может, курорт, черт их знает. У них свои дела. Они достаточно сильные и высокоразвиты, чтобы захватить Землю силой. Но они не хотят делать это незаконно, им нужно юридическое обоснование.

Так вот. Может быть, этим бандитам только и надо, что получить от одного полноправного представителя рода человеческого ключок бумаги на передачу им Земли? Нет, неправда. Люб ой клочок бумаги. Подписанный любым американцем.

Я опустил монету в автомат и набрал номер Рикардо. Его не было в колледже. Я объяснил телефонистке, что у меня очень важное дело, и она ответила: хорошо, я постараюсь отыскать его.

Все это турысы на колесах, думал я, Мост Золотых Ворот, Азовское море — все это такие же уловки, как продажа двадцатки за пятерку. В действиях бизнесмена есть одна верная примета — раз он прекращает все переговоры, закрывает лавочку и уходит, значит он получил что хотел.

Эксар хотел получить Землю. А все эти дополнительные права на Луне — чистейший вздор! Они выдумали этот трюк, чтобы сбить меня с панталыку и побольше выторговать.

Да, обломал меня Эксар. Он словно специально изучил, как я работаю. Словно ему надо было купить именно у меня.

Но почему у меня?

И что означал этот бред на расписках о моей доле, моей правоспособности, что, черт возьми, это означало? Я не владею Землей, я не занимаюсь куплей-продажей планет. Вы должны владеть планетой, прежде чем продавать ее. Это закон.

Но что я продал Эксару? У меня нет никакой недвижимости. Может быть, они собираются забрать мою контору, заявить права на часть тротуара, по которой я хожу, или наложить арест на стул в кафе, где я пью кофе?

Это вернуло меня к исходному вопросу: кто «они»? Кто, черт возьми, были «они»?

Телефонистка дозволилась наконец до Рикардо. Он был недоволен:

— У меня факультетское собрание, Берни. Я позвоню тебе позже.

— Подождите секунду, — умолял я. — Я влип и не знаю, удастся мне выпутаться или нет. Мне очень нужен совет.

Я говорил без передышки — в трубке слышались голоса каких-то крупных боссов, а я без умолку рассказывал о происшедшем со мной после нашего утреннего разговора. Как выглядел

Эксар, какой от него шел запах, какой забавный цветной телевизор он смотрел, как он отказался от прав на Луне и ушел, удостоверившись, что купил Землю. Что сказал по этому поводу Морис Барлап и какие у меня самого подозрения — все сказал.

— Только одна вещь, — я усмехнулся, чтобы показать, что не принимаю эту историю всерьез. — Кто я такой, чтобы заключать такие сделки, а?

Казалось, он все тщательно обдумал.

— Не знаю, Берни, возможно ли это. Надо рассмотреть все «за» и «против». Пожалуй, это связано с ООН.

— Связано с ООН? Какое отношение имеет ООН к данной ситуации?

— Самое прямое. Вспомни исследование, которое мы совместно проводили в ООН два года назад.

Он говорил намеками, чтобы стоявшие рядом коллеги не могли понять его. Но я понял.

Я понял!

Эксар, должно быть, разисхал, что Рикардо дал мне подработать на сбыте списанного оборудования и конторской мебели из нью-йоркского здания ООН. Мне даже выдали официальный документ. И в какой-нибудь картотеке до сих пор хранится бланк ООН, где написано, что я являюсь их официальным представителем по сбыту неликвидов, списанного оборудования и конторской мебели.

Куда уж документ похлестче!

— Вы думаете, эта бумага действительна? — спросил я Рикардо. — Допустим, что Земля — это списанное оборудование. Но при чем тут неликвиды?

— Международные законы — штука запутанная, Берни. А здесь все может оказаться куда сложнее. Надо собраться с мыслями и что-то придумать.

— Но что? Что я должен делать, Рикардо?

— Берни! — сердито закричал он. — Я же сказал тебе, что у меня факультетское собрание, черт подери! Факультетское собрание! — И он повесил трубку. Я выскочил как дикий из аптеки, схватил такси и понесся к гостинице, где жил Эксар.

Чего я так испугался? Не знаю, но меня чуть удар не хватил. Все это было слишком уж необычно для такого маленького человека, как я, и в этой необычности было что-то опасное. В результате я мог стать величайшим идиотом в истории. Никто не заключит со мной ни одной сделки. У меня появилось такое чувство, будто кто-то попросил меня продать фотографию и я ответил: «Конечно». А оказалось, что это фотография одной из сверхсекретных атомных ракет. Будто я случайно продал свою страну. Только на самом деле все было еще хуже: я продал этот чертов мир! Я должен выкупить его, должен!

Когда я вбежал в комнату Эксара, я увидел, что он уже собирается. Он укладывал свой забавный транзисторный телевизор в дешевый кожаный саквояж. Я не закрыл за собой дверь, чтобы в комнате было светло.

— Дело сделано, — сказал он. — Все кончено. Больше дел не будет.

Я встал на его пути.

— Эксар, — сказал я, — послушайте, что я вам скажу. Вы не человек. Как я, например.

— Я, любезный, побольше человек, чем вы.

— Возможно, но не с Земли — вот в чем дело. Зачем вам Земля?

— Мне не нужна она. Я агент. Я представляю некое лицо.

Так вот оно, напрямик, ты прав, Морис Барлап! Я уставился в его рыбы глаза, которые словно впились в меня. Но я не уступил.

— Вы чей-то агент, — медленно произнес я. — Чей? И зачем кому-то понадобилась Земля?

— Это не мое дело. Я агент. Я только покупаю для них.

— Вы получаете комиссионные?

— Ну не за здорово же живешь я работаю!

Да, уж ты работаешь не за здорово живешь, подумал я. Все эти кашли, да тики, да подергивания. Я понял, отчего они. Он не привык к нашему климату. Так, окажись я в Канаде, я непременно бы слег от приступов какой-нибудь болезни из-за другой воды или еще чего-нибудь.

А грязь на его лице была какой-то мазью от загара! Против солнца. Все одно к одному — окна зашторены, лицо запачкано, грязь на одежде та же, что и на лице.

Эксар не был попрошайкой. Что угодно, только не это.

«Думай живо, Берни, — говорил я себе. — Этот парень здорово охмурил тебя!»

— Сколько вы зарабатываете — десять процентов? — Нет ответа — он наклонился ко мне, часто задышал и задержался. — Я заплачу больше, Эксар. Знаете, сколько я дам вам? Пятнадцать процентов! Мне больно смотреть, как человек носится взад и вперед из-за паршивых десяти процентов.

— А как же этика? — грубо прервал он меня. — Ведь у меня клиент.

— Вы только подумайте, он заговорил об этике! А покупать всю эту проклятую Землю за две тысячи семьсот долларов! Это вы называете этикой?

Теперь он озлобился. Он поставил саквояж на пол и ударил кулаком по ладони.

— Нет, это я называю бизнесом. Сделка — я предлагаю, ты соглашаешься. Ты уходишь счастливый, ты преуспел. И вдруг ни с того ни с сего ты прибегаешь назад, распускаешь нюни и заявляешь, что не хотел продавать так много за гроши. Что за дела! У меня своя этика: я не подведу клиента из-за какого-то слюнтяя.

— Я не слюнтяй! Я просто мелкая сошка и еле свожу концы с концами. Что я против воротилы из другого мира, владеющего всеми хитростями и уловками!

— Владей всеми хитростями и уловками, ты что, не воспользовался бы ими?

— Но не так. Не смейтесь, Эксар, это правда. Я бы не стал обманывать калеку. Я бы не стал обманывать простака из жалкой конторы, чтобы выманить у него планету.

— Но ты продал, — сказал он. — Эта расписка действительно где угодно. А техники, чтобы подкрепить ее силу, у нас хватит. Как только мой клиент вступит в права, человеческой расе ко-

нец, капут ей наступит, забудьте о ней. А козлом отпущения будешь ты.

В номере стояла жара, и я вспотел, как мыш. Но у меня отлегло от сердца. Эскар все-таки пошел на переговоры. Я усмехнулся.

Его лицо слегка порозовело под грязью.

— Что ты предлагаешь? — спросил он. — Назови цифру.

— Называйте вы. Вы продаете, я покупаю.

— Хм, — нетерпеливо хмыкнул он и оттолкнул меня. Он оказался крепким парнем! Я побежал за ним к лифту.

— Сколько вы хотите, Эскар? — спросил я, когда мы спускались.

Он пожал плечами.

— У меня есть планета и покупатель на нее. Влип ты, сам и выпутывайся.

Вот сволочь! На все у него готов ответ.

Он сдал ключи, и мы вышли на улицу. Мы шли по Бродвею, и я предложил ему три тысячи двести пятьдесят долларов, которые получил с него, а он ответил, что не прокормится, получая и отдавая одну и ту же сумму.

— Три тысячи четыреста, — предложил я. — То есть, я хочу сказать, три тысячи четыреста пятьдесят. — Он даже не повернулся.

Если бы я не называл какие-то цифры, совершенно любые, я бы умер.

Я забежал вперед него.

— Эскар, хватит натягивать друг другу нос, у меня он и так большой. Называйте сумму. Сколько бы ни было, я заплачу.

Это подействовало:

— Точно? И не обманешь?

— Как я могу обмануть? У меня нет выхода.

— Тогда о'кей. Я помогу тебе вывернуться и сберегу силы, не поехав к своему далекому клиенту. Но как сделать, чтобы всем бы о хорошо — и тебя не обидеть, и самому внакладе не остаться? Пусть будет ровно восемь тысяч.

Восемь тысяч — это почти все, что лежало у меня в банке. Он точно знал, сколько у меня денег на счете — до последнего вклада.

И мысли мои он тоже знал.

— Если ты решил иметь дело с кем-нибудь, — говорил он между приступами кашля, — то о таком человеке стоит навести справки. У тебя есть восемь тысяч с мелочью. Это не так уж много для спасения собственной шеи.

Я вскипел:

— Не так много? Ну так я поговорю с тобой по-другому, филантроп несчастный, благодетель проклятый! Черта лысого я уступлю! Разве что чуть-чуть. Но ни единого цента из банка ни за вас, ни за Землю, ни за кого другого я не отдам!

Полисмен подошел поближе посмотреть, чего я разорался, и мне пришлось поутихнуть немного, пока он не отошел.

«Помогите! Полиция! Пришельцы посягают на нас!» — едва не завопил я. Во что бы превратилась улица, где мы стояли тогда, не уговори я Эскара отказаться от расписки!

— Предположим, Эскар, что ваш клиент захватит Землю, раз-

махивая моей распиской, — меня вздернут на первом суку. Но у меня одна жизнь, и эта жизнь — купля-продажа. Я не могу покупать и продавать без капитала. Отними мой капитал, и мне все равно, кто владеет Землей, а кто нет.

— Кого ты, черт побери, надуваешь? — спросил он.

— Я никого не надуваю. Честное слово, это правда. Отними-те мой капитал, и мне все равно, жив я или мертв.

Эта последняя капля вранья, кажется, переполнила чашу. Поверьте, когда я выводил эти трели, самые натуральные слезы навернулись на моих глазах. Сколько мне надо, хотел бы он знать, — пятьсот долларов? Я ответил, что не проработаю и дня

без суммы, в семь раз большей. Он поинтересовался, действительно ли я собираюсь выкупать эту проклятую планету или у меня сегодня день рождения и я жду от него подарка?

— Не нужны мне ваши подарки, — сказал я. — Подарите их ожирелым. Им стоит посидеть на диете.

Так мы и шли. Оба спорили до хрипоты, клялись чем угодно, препирались и торговались, расходились и возвращались. Было совершенно непонятно, кто же все-таки уступит первым.

Но никто не уступал. Мы оба держались, пока не пришли к сумме, на которую я и рассчитывал, пожалуй, впрочем, чуть большей, но на ней и порешили.

Шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Эксар заплатил мне много меньше. Но больше выторговать я не мог. Знаете, слава богу, что так обошлось.

И все-таки мы чуть не разошлись, когда речь зашла о расчете.

— Твой банк неподалеку. Мы успеем до закрытия.

— К чему берeditь мне душу? Мой чек — то же золото.

В конце концов я уговорил его взять чек. Я дал ему чек, а он протянул мне расписки, все до одной. Все подписанные мной расписки. Затем он взял свой маленький саквояж и зашагал прочь.

Он пошел вниз по Бродвею, даже не попрощавшись со мной. Для Эксара существовал один бизнес, и ничего больше. Он даже не обернулся.

Один бизнес. На следующее утро я узнал, что он пошел в банк до закрытия и удостоверился в моей платежеспособности. Как вам это нравится? У меня все валилось из рук: я лишился шести тысяч ста пятидесяти долларов. И все за небольшой разговор.

Рикардо прозвал меня Фаустом. Я вышел из банка, колотя себя кулаком по голове, и позвонил ему и Морису Барлапу, чтобы пригласить их на ленч. Мы зашли в дорогой ресторан, выбранный Рикардо, и там я все рассказал им.

— Ты Фауст, — сказал он.

— Что Фауст? — спросил я. — Кто Фауст? Какой Фауст?

Естественно, ему пришлось рассказать о Фаусте. Только я новый тип Фауста — американский Фауст двадцатого века. До меня Фаусты хотели все знать, а я хотел всем владеть.

— Но я не получил ничего, — подчеркнул я. — Меня надули. Меня надули на шесть тысяч сто пятьдесят долларов.

Рикардо рассмеялся и откинулся на спинку кресла.

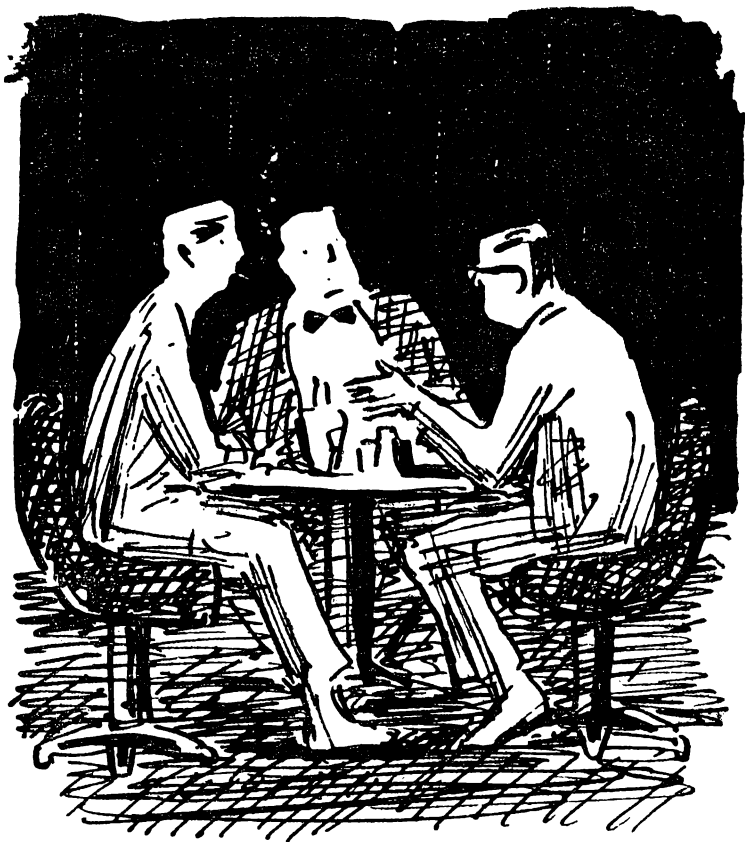
— «Люди гибнут за металл», — пробормотал он. — «Люди гибнут за металл».

— Что?

— Цитата, Берни. Из «Трагической истории доктора Фауста» Марло. Я забыл контекст, но, по-моему, цитата подходящая. «Люди гибнут за металл».

Я перевел взгляд на Мориса Барлапа, но никто не может сказать, что у него на уме. Одетый в дорогой твидовый костюм, он смотрел на меня таким глубоким и задумчивым взглядом, что правда походил в этот момент на профессора куда больше, чем Рикардо. Рикардо, знаете, слишком уж вылощенный.

А их уму и находчивости мог позавидовать любой. Потому-то,

несмотря на цены, я повел их в тот ресторан. Хотя Эксар почти разорил меня.

— Морис, скажи правду: ты понял его?

— А что тут понимать, Берни? Цитату о гибели за золото? Возможно, это и есть ответ, а?

Теперь я посмотрел на Рикардо. Он приканчивал итальянский пудинг со сливками. Этот пудинг стоил здесь ровно два доллара.

— Допустим, он пришелец, — сказал Морис Барлап. — Допустим, он явился откуда-то из космоса. О'кей. Спрашивается, на что пришельцу американские доллары? Интересно, кстати, какой у них курс?

— Ты хочешь сказать, что ему надо было сделать закупки здесь, на Земле?

— Совершенно точно. Но какие закупки, вот в чем вопрос. Что ему понадобилось покупать на Земле?

Рикардо закончил пудинг и вытер губы салфеткой.

— Я думаю, вы на верном пути, Морис, — сказал он, и мое внимание вновь обратилось к нему. — Мы можем постулировать, что их цивилизация продвинулась значительно вперед по сравнению с нашей. Они предполагают, что нам еще рано знать о них. Они выделили примитивную, маленькую Землю в своеобразную резервацию, куда воспрещен вход, и только преступники осмеливаются нарушать это запрещение.

— Откуда же при таком высоком развитии берутся преступники, Рикардо?

— Законы порождают преступников, Берни, как курицы яйца. Цивилизация бессильна против них. Теперь я начинаю понимать, что за птица этот Эксар. Беспринципный авантюрист, космический вариант головорезов, бороздивших южные моря сотни лет назад. Представим себе, что пассажирский пароход врзается в коралловые рифы и какой-нибудь вонючий оппортунист из Бостона выбирается на берег и начинает жить среди примитивных, неразвитых дикарей. Вы, я надеюсь, понимаете, что произойдет дальше?

Морис Барлап заявил, что не прочь выпить еще бренди. Я заказал. И он, как обычно, едва улыбаясь, доверительно наклонился ко мне:

— Рикардо прав, Берни. Поставь себя на место своего покупателя. Он терпит аварию на грязной маленькой планете, где по закону и близко появляться нельзя. Он может подлататься местным барахлом, но за все надо рассчитываться. Малейший шум, малейшее недоразумение, и его застучает космическая полиция. Что бы ты делал на его месте?

Теперь я понял.

— Я бы менял и выторговывал. Медные браслеты, бусы, доллары — все, что было бы под рукой и на что можно получить их товары. Я бы менял и выторговывал, проворачивая сделку за сделкой. Даже какую-нибудь муру с корабля снял, а потом нашел бы новый товар, представляющий для них ценность. Но все это земные представления о бизнесе, человеческие представления.

— Берни, — сказал мне Рикардо. — Было время, когда точно на том месте, где сейчас находится фондовая биржа, индейцы меняли бобровый мех на блестящие гильзы. Какой-то бизнес есть и в мире Эксара, я уверен в этом, и по сравнению с ним методы наших крупнейших концернов выглядят детской игрой.

— Да, вот она, правда-то. Выходит, я был обречен с самого начала. Охмурил меня этот проходимец-супермен. Увидел, что шляпа, вот и взял на арапа.

Рикардо кивнул.

— Мефистофель бизнесменов, спасающийся от грома небесного. Ему нужны были деньги, чтобы починить свой рыдван. Вот он и проделал самую фантастическую махинацию за всю историю коммерции.

— Из слов Рикардо, — донесся до меня голос Мориса Барлапа, — следует, что этот парень, который так круто обошелся с тобой, стоит на пять голов выше тебя.

Мои плечи опустились, словно сбежали по рукам вниз.

— Какая разница, — сказал я. — Тебе может наступить на ногу лошадь, а может наступить на ногу слон. Но кто-то непременно отдавит тебе ногу.

Я оплатил счет, собрался с духом и вышел.

Я пытался понять, так ли все было на самом деле. Они оба наслаждались, глядя на меня как на межпланетное ничтожество. Конечно, Рикардо гений, а Барлап хитер как черт. Но что из этого? Идеи есть. А фактов-то нет.

Но вот и факт.

В конце месяца в мою контору пришел чек, который я выписал Эксару. Он индоссирован крупным магазином в районе Кортленд-стрит. Я знал этот магазин. Я отправился туда разузнать о нем.

Они торгуют электронной некондицией. У них и покупал Эксар. Большую партию транзисторов и трансформаторов, сопротивлений и печатных плат, электронных трубок, проволоки, инструментов и т. д. Все вперемешку, сказали они, миллион деталей, которые невозможно соединить вместе. Они решили, что у Эксара какая-то непредвиденная работа, и он брал все, что могло понадобиться. Он выложил кучу денег за доставку — то-вар отправлялся в какую-то глухомань в Северной Канаде.

Вот он, факт. Я должен признать его. А вот еще один.

Как я уже сказал, у меня были дела с этим магазином. Их цены самые низкие в округе. А почему, вы думаете, они продают так дешево? Ответ один: потому что они дешево покупают. Они покупают по бросовым ценам, на качество им плевать: единственное, что их интересует, — это прибыль. Я сам сбыв им горы электронного лома, который мне бы в жизни нигде не сплавить, бракованный хлам, разобранный хлам, даже почти опасный хлам — туда продают, когда, затоварившись еще большим хламом, теряют всякую надежду заработать.

Представляете картину? Я краснею, вспоминая об этом.

Я вижу, как где-то в космосе летит Эксар. Он залатал свою посудину, все готово, и Эксар на пути к новым великим свершениям. Моторы жужжат, корабль несется вперед, а он сидит в нем с радостной улыбкой на грязной роже: он вспоминает, как ловко он обвел меня вокруг пальца.

Он смеется до колик.

И вдруг раздается пронзительный визг, и тянет гарью. В цепи управления главного двигателя провода замкнулись сквозь протертую изоляцию, корабль теряет управление, и целый ад срывается на Эксара. Он сдрейфил. Он включает вспомогательные двигатели. Вспомогательные двигатели не работают — и знаете почему? В вакуумные трубки — вот оно, возмездие! — не поступает электрический ток. Бац! Короткое замыкание в хвостовом двигателе. К р а х! В середине корабля расплавляется некондиционный трансформатор.

И вот на тебе, до Земли миллионы миль, беспредельный космос, запасных частей нет, инструменты валяются из рук, и кругом ни души — надуть некого.

А я здесь, в своей конторе, думаю о нем и живот от смеха надрываю. Потому что возможно и очень даже вероятно, что все неполадки с кораблем происходят из-за десятка бракован-

ных деталей и списанного электронного оборудования, которое я сам, Берни, по кличке Фауст, сплавлял время от времени магазину уцененных товаров.

Больше я ни о чем не прошу. Только бы все так и вышло.

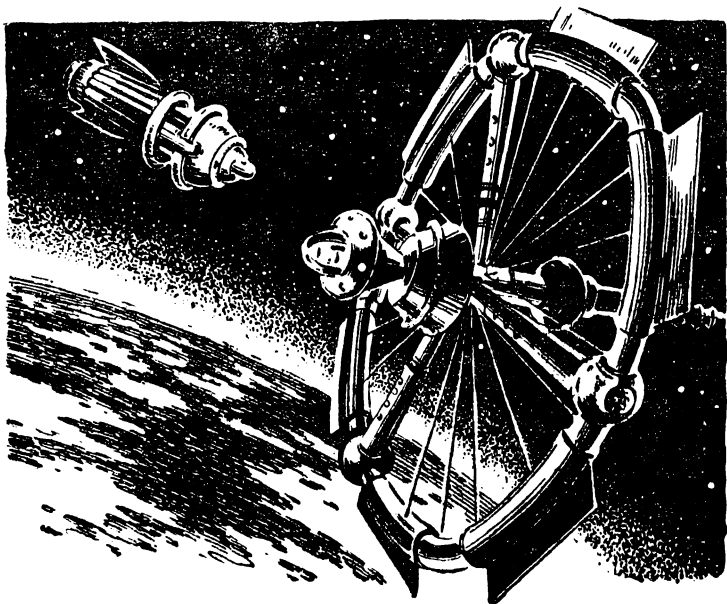
Фауст. Получит он у меня Фауста. Прямо в рожу. Фауст. Расшибешь себе за Фауста башку. Я тебе дам Фауста.

Одно плохо — не суждено мне узнать, так ли все вышло. Но одно я знаю точно — я единственный человек в истории, кто продал эту проклятую планету.

И снова выкупил ее!

Перевели с английского С. ЛЕВИЦКИЙ и А. ЧАПКОВСКИЙ

Александр КАЗАНЦЕВ

ФАЭТЫ

(ГИБЕЛЬ ФАЭНЫ)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЗРЫВ

МАЛЫЙ МИР

На космической базе Деймо был переполох. Инженер станции Тихо Вег, благообразный, рано поседевший, медлительный и задумчивый, смотрел на начавшуюся суету неодобрительно. Но не в его мягком характере было во что-нибудь вмешиваться: он во всем уступал жене Але Вег, а именно она придумала дать пир в честь прилетающего корабля «Поиск».

Продолжение. Начало см. в № 3, 1971 г.

Еще не отцветшей красавице Але Вег, названной Алой за изумительный цвет лица, наскучило у себя на Фаэне обучать звездоведению оболтусов из «высших». Она настояла, чтобы они с мужем отправились на космическую базу, куда брали только супружеские пары нужных специальностей. Они смогут вернуться к трем оставшимся на Фаэне детям, обеспеченным до конца дней, и Тихо Вег наконец станет владельцем мастерских.

Ала Вег, с породистым лицом «высшей», прямым тонким носом, короткой верхней губой и чувственным ртом, всегда выскомерно щурилась, считая себя с мужем первыми фаэтами базы.

Однако жена начальника базы Нега Лутон, «незаконно занимавшая место сестры здоровья, не будучи врачом», придерживалась иного мнения. С поощрения мужа, Мрака Лутона, обрюзгшего самодура, она «корчила из себя первую даму космоса» и не упускала случая уколоть Алу Вег намеком на брошенных ею детей. Ала парировала удары, не щадя ни бесплодности Неги, ни ее морщинистой шеи с двойным подбородком, отнюдь не украшавших тяжеловатое горбоносое лицо.

Молодая, но дородная (ладная, как ее прозвали) повариха и садовница Лада, всегда добродушная, с ласковой улыбкой на широком курносом лице, делала все быстро и споро, стараясь угодить всем. Мужа же своего она обожала, гордясь тем, что он, Брат Луа, единственный из круглоголовых, благодаря положению матери в семье диктатора смог получить образование на Данджабе — континенте «культурных». Он был послан на Деймо и как мастер на все руки, и вроде как бы представитель круглоголовых, которым предстояло перебираться на неприятную планету. Лада Луа с готовностью пошла за ним, чтобы обслуживать всех обитателей Деймо.

Сигнал в браслете связи застал Ладу Луа в оранжерее, в прозрачном цилиндрическом коридоре, тянущемся на тысячи шагов. Кроме Лады, никто не ходил по этому коридору, потому что он находился на оси космической станции и в нем не было искусственной тяжести от центробежных сил, как в остальных помещениях базы. Садовница не ощущала своего веса, паря между воздушными корнями растений. Здесь местами роль почвы выполнял питательный туман с каплями нужных корням соков. Урожай в космосе снимался куда больший, чем на Фаэне.

Сигнал застал Ладу Луа собирающей сладкие плоды для предстоящего пира.

Цепляясь за воздушные корни, Лада Луа спешила на зов Алы Вег. Однако предстояло проплыть немалое расстояние сквозь переплетение воздушных корней, потом «спуститься» по шахте внутри спицы гигантского колеса, в кольцевом ободе которого размещались все помещения станции.

Клеть в шахте словно падала в пропасть. Ощущение веса появлялось лишь в конце пути, при торможении. Клеть остановилась, и двери раскрылись сами собой. Лада Луа обрела нормальный вес и вышла в коридор, который казался поднимаю-

щимся в оба конца. Однако никакого подъема преодолевать не приходилось.

Ала Вег металась по своей каюте, возмущаясь неуклюжестью мужа, который, стоя на коленях, никак не мог приколоть к платье какую-то оборку, чему сама же мешала.

Лада Луа всплеснула руками от восторга.

Ала Вег бесцеремонно выгнала мужа, и он отправился готовить встречу прибывающему кораблю, который предстояло заправить горючим. Он понимал, что Але Вег смертельно наскучили одинаковые дни, нудные обеды за общим столом, надоевшие до тошноты лица, одни и те же, много раз слышанные слова и растущая день ото дня неприязнь друг к другу. Тихо Вег старался понять жену, извинить ее слабости, объяснить их тоской по дому, по детям. Он и сам тосковал по ним. Если бы хоть один был с ними, он принес бы столько радости! Но на космических базах не допускалось присутствие детей. «Высшие», комплектуя персонал Деймо, сумели и здесь притеснить круглоголовых. Нега Лутон была бесплодна, Ала Вег уже имела троих детей и при своем возрасте, который скрывала, не решалась на четвертого. В результате запрет ложился лишь на молодую чету Луа, которые не могли произвести потомство ни на планете, ни здесь, в космосе.

Принарядив Алу Вег, Лада Луа побежала на сверкающую кастрюлями и циферблатами кухню, чтобы варить, жарить, запекать...

Но браслет связи снова вызвал ее, на этот раз к Неге Лутон. Важная дама больше всего на свете любила удобства и роскошь. Ее муж, сверхофицер Охраны Крови, в полной мере предоставлял ей все это на Фазне. И меньше всего супруги Лутон стремились в космос. Однако воля диктатора забросила их сюда.

Лада Луа включила кухонные автоматы на заданный режим и помчалась к Неге Лутон.

Когда космический корабль «Поиск», выйдя на орбиту Деймо, шел к станции для стыковки, Мада и Аве не отходили от иллюминатора.

Огромный Мар выпуклым краем занимал больше половины окна. Светило Сол выглядело уже не просто самой яркой звездой-кружочком, а превратилось в ослепительный диск с пышной короной. На короткое время громада Мара закрыла собой светило, погрузив корабль в быстротечную ночь.

Держась за руки, Мада и Аве встречали необыкновенную зарю своей новой жизни, ожидая, когда яркий и кудрявый Сол начнет подниматься из-за горба Мара. Черная поверхность пустынь становилась коричневой, и постепенно сменялись по высоте все нежнейшие оттенки исполинской радуги, которая не висела над омытыми лесами и равнинами, как на родной Фазне, а охватывала полукругом пустынную планету, сливаясь с краями гигантского шара. У Мады захватывало дух. Она только молча показала пальцы Аве.

Потом радуга в одном месте засверкала, и фазты увидели

свою первую цель — Деймо. Он горел самой яркой звездой небосвода, быстро поднявшись над радужной кромкой.

По мере приближения Деймо становился все ослепительнее. Когда уже можно было различить, что он представляет собой кольцо, наклоненное под небольшим углом к громаде Мара, на него стало больно смотреть, как на электрический разряд для сплава металлических частей.

Первый пилот «Поиска», прославленный звездонавт «высших» Смел Вен делал сложный маневр, чтобы выйти к станции по оси кольца и стыковаться с центральным отсеком. От станции в черноту небосвода яркой линией уходил серебристый хвост оранжереи.

Когда «Поиск» подошел к базе Деймо, инженер Тихо Вег вызвал в центральный отсек Брата Луа, выполнявшего черную работу механика, безотказного фаэта с круглой головой и будто твердой, как кость, кожей лица.

Начальник базы Мрак Лутон не счел нужным подниматься в центральный отсек, чтобы «несолидно парить» там в невесомости. Он предпочел остаться в кольцевом коридоре, важный и напыщенный, разгуливая с заложенными за спину руками.

Имя Мрак, полученное им в далекой юности, отражалось теперь даже на его внешнем облике: одутловатое прямоугольное лицо, редкие седые волосы и маленькие подозрительные глаза под клочьями бровей, слегка вывернутые ноздри и серповидная линия рта между обвисшими щеками.

Он не задерживался около подъемной клетки, а продолжал шествовать все в одном и том же направлении, пока наконец, пройдя все колесо станции, не показывался в коридоре с другой стороны.

Зато все три фаэтессы, не в силах побороть любопытства, сошлись у подъемной клетки.

Первым в коридор вышел старец огромного роста, Ум Сат. Дамы почтительно склонили головы.

Следом вышли два фаэта.

Заросший по глаза волосами великан Гор Зем был бортинженером корабля и одним из его создателей. Он сильно сутулился, благодаря чему руки казались неимоверно длинными. Друзья его шутили, что он ростом, силой и обликом напоминает фаэтообразных предков. Однако его низкий, заросший волосами лоб скрывал недюжинный ум.

Его новый друг Тони Фаэ, образованный, утонченный, пишущий стихи, имел круглый овал лица, тонкий нос, усики и натруженные письменами широко открытые глаза, прикрытые большими очками.

Нега Лутон взяла под опеку «фаэтообразного» гиганта Гора Зема. Ала Вег — юношу-поэта Тони Фаэ.

Ум Сат сам подошел к круглоголовой Ладе Луа.

— Не покажет ли ласковая фаэтесса, где можно отдохнуть?

Лада Луа зарделась и, вне себя от счастья, повела великого старца в отведенную ему каюту.

Ала Вег с задорным смехом побежала по коридору, жестом призывая Тони Фаэ догнать ее. Она ввела Тони Фаэ в уютную каюту и села в легкое кресло, закинув ногу на ногу.

— Итак, не правда ли, Тони Фаэ, у нас родство душ? Случай-

но ли, что мы оба звездоведы, что оказались среди звезд и сидим рядом на расстоянии вытянутой руки?

Тони Фаэ снял очки, чтобы лучше видеть вблизи.

— Звезды сделали нас друзьями, не правда ли? — продолжала Ала Вег, отлично видя, какое производит впечатление на молодого гостя.

— Ради всего, что я здесь вижу, стоило лететь к звездам, — пролепетал он, опуская глаза.

— Я уже знаю, что вы поэт. Но вы еще и звездовед. Я хочу, чтобы у нас были общие взгляды.

— Мне так хотелось бы этого!

Они помолчали, глядя друг на друга.

— Скоро будет пир. Мы будем сидеть рядом.

— О да! — кивнул Тони Фаэ. — Только надо взять под свою защиту еще и Гора Зема. Он такой же беспомощный.

— Люблю беспомощных, — рассмеялась Ала Вег, ласково дотрагиваясь до руки Тони Фаэ. — Вы прелестное дитя, и я рада, что вы прилетели. Если бы вы знали, как мы все здесь надоели друг другу!

Мрак Лутон, совершавший прогулку по коридору, словно на базу никто не прилетел, на самом деле точно соразмерял свой шаг. Из всех прилетевших главной персоной он считал дочь диктатора. И потому он подошел к подъемной клети в тот миг, когда из нее вышли Мада, Аве и первый пилот корабля Смел Вен.

Начальник базы прикидывал в уме: дочь диктатора вышла замуж за Аве Мара, сына правителя «культурных». Что это? Политика?

— Да продлятся благополучные циклы жизни мудрейшего из мудрых, которому посчастливилось иметь такую дочь! — витиевато приветствовал он Маду и сообщил, что им с Аве отведены две превосходные каюты в противоположных отсеках станции.

Мада вспыхнула:

— Разве база Деймо не имела электромагнитной связи с кораблем «Поиск»? — гневно спросила она.

Мрак Лутон развел руками.

— Если на базе действуют обычаи «высших», — тоном приказа продолжала Мада, — то придется отвести нам с мужем общую каюту и тотчас же прислать туда круглоголовых Луа.

Начальник базы почтительно склонился, насколько позволял живот:

— Они существуют для услуг. Да продлятся циклы жизни и диктатора и правителя, — закончил он, впервые взглянув на Аве.

Мрак Лутон сам отвел молодую чету в лучшую каюту базы, по пути показал помрачневшему Смелу Вену его помещение. Потом он нашел спустившихся из центрального отсека Брата Луа и Тихо Вег. Он послал Брата Луа найти жену и явиться вместе с ней к Маде и Аве. И только теперь заметил, что Смел Вен продолжает стоять у двери своей каюты. Мрак Лутон подошел к нему и услышал сказанные полушепотом слова:

— Едва ли диктатор одобрит такое поспешное гостеприимство. — И Смел Вен исчез, захлопнув за собой дверь.

Мрак Лутон тупо смотрел на отделанную пластиком панель.

Брат Луа не только привел к Аве и Маде жену, но и принес чертежи. Это был невысокий, спокойный фазт с тугой, лоснящейся кожей лица и сосредоточенными глазами.

Сын Мадиной няни, он рос отдельно от матери, но всегда ощущал ее влияние. Она даже сумела сблизить сына и воспитанницу, даже подружить их. Однако скоро их встречи стали невозможными. Диктатор отгораживался от народа стенами. Мальчик скоро узнал унижение и несправедливость. Впечатлительный и гордый, он все глубже уходил в себя.

Он обладал редким упорством. Мать Луа внушила ему, что только знание заставит считаться с ним даже тех, кто угнетает круглоголовых. И он упорно боролся за крупичи знания. Так твердость и сосредоточенность еще с юности отразились на его лице.

Ладу Непт он полюбил еще до своего отъезда на Даньджаб, материк «культурных», для завершения там образования, на что из-за уговоров няни и самой Мады, наконец, согласился Яр Юпи, правда, имея на юношу свои виды.

Несколько циклов Лада самоотверженно ждала своего нареченного, чтобы после его возвращения немедленно отправиться по приказу диктатора на космическую базу Деймо, созданную им для утверждения своего авторитета и будто бы для осуществления плана переселения на Мар круглоголовых.

И вот теперь Брат Луа спешил поделиться с Аве и Мадой плодами своих раздумий, бессонных ночей, проведенных за чертежами.

— Я намерял облегчить здесь жизнь круглоголовых, — торопливо, но твердо говорил он. — Намечал строительство глубинных городов с искусственной атмосферой. На поверхности Мара, среди пустынь, которые вы видите в иллюминатор, я планировал оазисы плодородия. Нужно лишь оросить их талой водой полярных льдов, доставляя ее по глубинным рекам. Их придется прорывать, — и он доверчиво посмотрел на слушателей. — Я так ждал подлинных знатоков знания!

Мада подошла к Брату Луа.

— Мы знаем друг друга с детства, и оба любили Мать Луа.

— Почему любили? — насторожился фазт, смотря на Маду.

Лада Луа, почувствовав сердцем тревожное, подошла к мужу.

— Я... я должна сказать вам все... — продолжала Мада.

— Как? Начинается война? — в ужасе спросил Брат Луа.

— Мать Луа пыталась предотвратить войну, — вдруг под влиянием какого-то наития сказала Мада. — И она погибла, Брат...

— Погибла? — побледнел фазт.

— Ее убил негодяй Яр Альт. Но наша с тобой мать отомщена.

Брат Луа уронил голову на стол с разложенными на нем чертежами и зарыдал. Мада держала Аве за руку, сама едва не плача. Лада Луа бросилась к двери.

— Идет Мрак Лутон, сзывать на пир, — прошептала она.

— Он ничего не должен знать, — предостерегла Мада.

Малый мир крохотного населенного островка вселенной был подобен разобщенному, раздираемому враждебными силами большому миру планеты.

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

Самым сильным у Мады было ощущение света. Он яркой мозаикой падал наземь сквозь листву деревьев, стволы которых походили на сросшиеся корни. Вверху они раскидывались прозрачными шатрами, полными огней. Каждый плод там походил на маленькое светило.

Поток пены, низвергаясь с каменного уступа, играл трапезной радугой. Гладкое озеро, питавшее поток, лежало тихое, пересеченное искрящейся, перламутровой дорожкой.

По берегам росли причудливые деревья с золотыми яблоками. И вода манила Маду из глубины теми же яркими, чуть подернутыми дымкой плодами, до которых так легко дотянуться рукой.

Она подумала, какими нелепыми выглядят в таком месте два громоздких, неуклюжих существа: передвигаются на задних лапах, держат туловище стоймя, не переваливаются при каждом шаге из стороны в сторону. Их крепкий корпус с обручем на высоте бедер украшен спиральным орнаментом, верхние и нижние конечности скрыты надувшимися пузырями, а голова спрятана внутри жесткого шара с щелевидными очками.

По озеруплыли две огромные птицы с гордо изогнутыми шеями, они повернули головы с красными клювами и доверчиво поплыли к берегу.

Из леса появилось несколько легких четвероногих животных. На головах у них росли те же диковинные деревья с корнями-ветками, только без плодов и листьев. Животные стали пить воду.

На светлые пятна в тени древесных шатров мягко спрыгнул могучий зверь с зеленоватыми светящимися глазами. Шкура его сливалась со световой мозаикой. Гибкий, сильный, он неслышно направился к воде, не обратив внимания ни на рогатых обитателей леса, ни на странных пришельцев.

— Я даже не испугалась, — сказала Мада через шлемофон.

— Девственный, непуганый мир, — отозвался Аве.

— А сколько здесь света!

— Авторитеты Фаэны считали, что он может убить.

— Только тьму, невежество, злобу. Мы нашли мир, где нет и не может быть зла и ненависти.

Мада подошла совсем близко к водопою. Олененок с любопытством оглянулся, выскочив из воды, и ткнулся мокрой мордочкой в перчатку Мады.

— Могла ли я о таком думать на Фаэне?! — воскликнула она.

— Увы, не осталось им там места!

— Они дети света. Открой щели очков, посмотри. Не бойся, глаз самый приспособляющийся орган. На Фаэне не поверят нашим рассказам.

— Миллионы фазтов ждут их.

— Так не делаем ли мы здесь полдела? Зачем эта оболочка, отделяющая нас от нового мира? Я совсем открыла очки!

— Мада, родная! — предостерег Аве. — Это опасно.

— Мы нашли мир удивительной красоты, но не доказали, что можем жить в нем

— Надо помнить запрет Ума Сата.

— Чего бояться? Незримых опасных существ? Но свет лучшее лекарство против них. Я сама — сестра здоровья. Наши предки не задумывались, прививая себе болезнетворных во имя избавления всех фазтоз от смертоносных болезней. Именно врач на Земе должен первым освободиться от скафандра. Это его долг! К тому же я хочу искупаться в озере Разве мой Аве, покорявший океанские волны на дощечке, отступит сейчас? Проглоти таблетки, которые я тебе дала. Они защитят тебя от неведомого мира Планеты Света. И ее свет поможет нам. Сними скафандр! И помоги мне.

— Зачем ты искушаешь меня, Мада?

— Чтобы сделать первыми то, что все равно надо сделать. Ведь не можем же мы вернуться на Фазну, так и не попробовав жить здесь по-настоящему свободно, а не в скорлупе.

Говоря это, Мада сорвала золотое яблоко и протянула Аве:

— Очисти мне его, пожалуйста. У него кожа яркая, как Сол, и прочная, как наш скафандр.

Когда корабль «Поиск» стал приближаться к орбите Земы, участникам экспедиции все труднее становилось от яркого света Сола. Особенно жгучим он стал, когда корабль вышел на орбиту вокруг Земы.

Мада установила, что атмосфера планеты поразительно схожа с фазнской. Лишь углекислоты оказалось мало, и «парникового эффекта» здесь не было. Планета свободно излучала в пространство избыток солнечного тепла. Потому условия существования на ней оказались сходными с теми, какие были на Фазне, как это предположил когда-то Аве Мар.

Тони Фаз, звездовед, с увлечением поэта наблюдал планету. Большая ее часть была залита водой, как бы заштрихованной рядами волн. Поверхность морей и суши поражала разнообразием цветовых оттенков. Но больше всего над Земой было облаков. Одиночные облака бросали на поверхность планеты отчетливые тени, а в облачных океанах там и тут можно было различить спиралеобразные вихри бушевавших внизу ураганов.

Но нигде: ни на суше, ни на морском берегу — не было видно пятен городов с расходящимися от них щупальцами дорог, что бросалось в глаза при взгляде на Фазну из космоса.

— Должно быть, мертвая планета, — предположил бортинженер Гор Зем.

— Живая! — воскликнул Тони Фаз. — Зеленый цвет материков — это растительность. А другие оттенки...

— То-то и дело, в их тайну не проникнешь.

— Нет, почему же, — оживился Тони Фаз. — Это легко!

— Р-разве? — удивился Гор Зем.

— Жрецы в древности считали, что каждое живое существо окружено ореолом излучения. Цвет его якобы позволял «психическому зрению» узнавать самые сокровенные мысли и чувства.

— Жр-рецы сочли бы планету Зему за живое существо?

— Чтобы составить ее карту, — засмеялся Тони Фаз.

— Что ж, пр-риступим. Вижу в гор-рном хр-ребте чер-рные пр-роемы!

— Значит, Горы Злобы и Ненависти.
— Вр-роде как на нашей Фазне. Дальше тянутся гр-рязно-зеленые долины.

— Долины ревности.

— А чер-рно-зеленые?

— Низкий обман.

— Стоит ли начинать с таких мр-рачных названий?

— Тогда смотри на большие просторы суши.

— Яр-ркий зеленый цвет.

— Жрецы считали его признаком житейской мудрости и тонкого обмана.

— Будем снисходительны к Земе, назовем сушу Континентом Мудрости без всякого обмана. А вот узкое море, на котором словно свер-ркают кр-расные молнии.

— Море Гнева.

— У него р-розовый залив.

— Залив Любви.

— А вот побер-режье кр-расновато-кор-ричневое.

— Берег Жадности.

— Недур-рно для будущих землян. Может быть, с синим океаном будет лучше?

— Океан Надежды.

— Его голубой залив?

— Залив Справедливости.

— Уже лучше. А эти огнедышащие горы с кр-расным пламенем и черным дымом?

— Вулканы Страстей.

— Убедительно. А какого цвета ор-реол у твоего друга Гора Зема?

— На карте планеты я назвал бы его Горой Силы и Щедрости.

— Спасибо. Каков же ор-реол у нашего Ума Сата?

— Яр-го-голубой и золотисто-желтый. Такие места на Земе пришлось бы назвать высшими понятиями ума и чувств.

Молодые фазты, продолжая игру, незаметно составили первую карту Земы с забавными названиями, вспоминая при этом и участников экспедиции.

— Что касается ореола Мады, — продолжал Тони Фаз, — то это цветовая гамма зар-и в космосе.

— А сам Тони Фаз? Не пылает ли он со времени посещения Деймо яр-рко-красным ор-реолом?

Тони Фаз смутился.

— Видишь, — продолжал Гор Зем, — я не хуже др-ревнего жреца распознаю твой ор-реол, — и лукаво рассмеялся.

— Это не так трудно, — пытался защититься Тони Фаз. — Можно взглянуть и в Аве, даже в Смела Вена.

— Р-разве?.. Даже в Смела Вена?

— Все мы пылаем красным цветом, — вздохнул Тони Фаз, — только разных оттенков.

— Так не назвать ли мор-ря именами влюбленных? — ухватился за озорную мысль Гор Зем.

— Пусть уж лучше планета Зема носит название Вечных Страстей.

Тони Фаз верно сказал не только о планете Земе, но и о Смеле Вене. Если бы вокруг него был ореол излучения, то непременно огненно-красный. Любовь к Маде сжигала его, и вызванные ею чувства исполосовали бы его ореол черными и грязно-зелеными полосами.

Баловень судьбы на Фазне, прославленный звездонавт, любитель фазтесс, с Мадой Юпи он даже не решался познакомиться, не раз любуясь ею на Великом Берегу. Он надеялся, что скорый отлет в космос излечит его, но... Мада оказалась рядом, чтобы унижить, уничтожить Смелу Вена своим браком с ничтожным полукровкой, отец которого мрачными путями добрался до кресла правителя.

Смел Вен, как и многие длиннолицые, не знал половины ни в чем. Потому он и стал прославленным звездонавтом, не страшась опасностей, потому полетел и на Зему. Он не был в юности злым или лукавым, но теперь пренебрежение Мады пробудило в нем скрытые стороны его характера. Видя счастье Мады и Аве, ненавидя их за это и страдая, он вынашивал скрытые планы мести, столь же лукавые, как и жестокие... Но сам он должен был оставаться вне всяких подозрений. Помогать ему будет сама планета Зема!..

Корабль «Поиск» с включенными тормозными двигателями гасил скорость без трения об атмосферу, не разогревая оболочки кабины. Процесс посадки конструктор корабля Гор Зем сделал, как он говорил, «зеркальным графиком подъема». Он не применял парашютных устройств, характерных для первых шагов звездоплавания фазтов. Корабль мог так же медленно опускаться на поверхность планеты, как поднимался при старте.

«Поиск» сел на три посадочные лапы, оказавшись выше самых больших деревьев, и опасно накренился. Автоматы тотчас выровняли его.

Звездонавты приникли к иллюминаторам.

Густой лес неведомых деревьев рос по обе стороны реки.

Ум Сат объявил:

— Зема, которая станет родиной наших потомков! Но пока следует воздержаться от снятия скафандров. Невидимый мир планеты еще не изучен.

Через открытый люк сначала спустили приборы, а потом по сброшенной лестнице стали неуклюже выбираться странные фигуры, наряженные в жесткие скафандры.

Мада и Смел Вен выходили последними. Смел Вен помогал Маде надеть шлем.

— Неужели такая фазтесса, как Мада Юпи...

— Мада Мар, — поправила Мада.

— Неужели такая фазтесса, как Мада, может согласиться с Умом Сатом и обезображивать себя этим одеянием?

— Ты, Смел Вен, подсказываешь отважный поступок, достойный тебя самого.

— Нет ничего на свете, что страшило бы меня. Но я — пилот корабля, для Ума Сата необходимый элемент возвращения.

Мада поморщилась:

— Считаешь себя самым ценным?

Смел Вен сдержался, не в его интересах было раздражать Маду:

— Ты сама — сестра здоровья и почувствуешь потребность сбросить это одеяние, едва войдешь в новый мир.

Мада опустила забрало.

Над рекой разгоралась земная заря.

В космосе звездонавты познакомились с ярким Солом, с его неистовым жгущим светом. А здесь, в вечерний час их первого дня на Земе, можно было, не защищая глаз, смотреть на красноватый приплюснутый Сол, лишенный космической короны. Около овального диска стали собираться продолговатые тучи. Две из них, подойдя с разных сторон, соединились и разрезали Сол пополам. И тогда произошло чудо. Вместо одного над горизонтом повисло целых два продолговатых светила, одно над другим, оба багровые.

Мада не могла оторвать глаз от этого зрелища, видя, как постепенно оба светила менялись в размере: нижнее погружалось в море леса, а верхнее становилось все тоньше, превратилось в маленький срез диска и наконец исчезло совсем. Скрылась за тучей и нижняя часть светила. Теперь огнем полыхало само небо. И словно в алом, разлившемся выше туч океане висели лиловые волны, а совсем высоко, освещенный ушедшим Солом, сверкал раскаленными краями одинокий белый островок.

Заря постепенно гасла, а облачко продолжало гореть, не сгорая. А потом как-то сразу тьма упала на землю. Настала ночь, совсем такая же, как на Фазне. И даже звезды были те же самые.

Только не было у Земы великолепного ночного светила, подобного спутнику Фазны Луа, которое так украшало фазнские ночи. Зато особенно яркой была здесь планета Вен. Тони Фаз показал Маде эту вечернюю звезду, засиявшую на горизонте, как искра в пламени зари. Она осталась самой яркой и на ночном небосводе.

Долго еще звездонавты любовались небом Земы. Из леса доносились странные ночные звуки.

Ум Сат предложил провести ночь в ракете.

Мада неохотно вернулась в корабль, хотя там можно было освободиться от тяжелого скафандра.

Снимая его, она не могла отделаться от слов Смела Вена.

Наутро фазты попарно разбрелись по лесу. В назначенное время должны были собраться у ракеты.

Легли длинные тени. Приборы говорили, что посвежело. Скоро во второй раз предстояло увидеть земной закат.

Аве и Мада запаздывали. Ум Сат тревожился. Тони Фаз тщетно вызывал ушедших. Мада и Аве не отвечали, словно электромагнитная связь отказала.

Гор Зем одну за другой выпустил две сигнальные ракеты. Они взвились в красочное вечернее небо, оставив за собой кудрявые хвосты. Красная и желтая петли долго плыли в небе.

Тони Фаз пошутил:

— От красного к желтому — от любви к мудрости. Безнадежный зов.

Гор Зем замахал на него вздутым рукавом скафандра.

Смел Вен держался в стороне, словно ничего не произошло. Шлем скрывал его поджатые губы и опущенные глаза.

Наконец случилось то, на что он рассчитывал: из леса выбежала Мада в мокром, облегающем костюме, какой надевался под скафандр. Скафандра на ней не было.

Смел Вен вздрогнул и расширил щели своих очков.

Это была та самая Мада, которую старались увидеть ваятели на Великом Берегу, которой любовался там и Смел Вен. Вскинутая голова на длинной шее, синие восторженные глаза. В каждой руке она держала по золотому яблоку.

— Мы с Аве стали первыми жителями Земы! — возвестила Мада. — Это запишут в ее историю!

Аве шел следом в таком же мокром, обтянутом костюме, как и Мада. Очевидно, они позволили себе искупаться. Он тоже нес два золотистых плода. Ощувив на себе укоризненный взгляд Ума Сата, он обратился к нему:

— Пусть мы виновны, но теперь доказано, что фаззы могут жить на Земе. Планета прокормит их. Труд переселенцев будет здесь щедро вознагражден. Перенаселению Фаззы конец!

Ум Сат только взглянул на Аве. Аве понял этот взгляд и опустил голову.

— Мы лишь провели опыт, который надлежало кому-нибудь провести, иначе незачем было лететь сюда.

Смел Вен напрасно ждал много дней. Аве и Мада, «первые жители Земы», пользовались всеми благами открытого ими рая и ничем не заболели.

По истечении достаточного срока Ум Сат разрешил и остальным фаззам освободиться от скафандров.

Чужая природа сразу приблизилась к ним: воздух, полный странных ароматов, яркий свет, незнакомый на Фазне, и неведомые звуки из леса. Кто-то там шел, крался, прыгал с ветки на ветку, визжал, рычал. И вдруг все звуки смолкали, и из чащи на незваных пришельцев словно смотрела сама Тишина.

ОБРЕТЕННЫЙ РАЙ

Ум Сат с какой-то особой печалью смотрел на своих спутников, стараясь не подходить к ним близко. Он сделал знак Смелу Вену и поднялся в ракету. Первый пилот «Поиска» застал ученого уже лежащим на диване в общей рубке. Щеки его ввалились, мешки под глазами обвисли.

Смел Вен встал поодаль, опустив уголки губ и подняв в изломе одну бровь. Его узкое лицо с огромными залысинами казалось еще длиннее из-за жидкой острой бородки.

— Ощуаю общую слабость, — сказал старец. — Головной боли и сыпи нет. Возможно, все обойдется. Пусть сестра здоровья немного побудет со мной, остальные могут заниматься своими делами. И все же я считаю долгом передать руководство экспедицией тебе, командиру корабля.

— Да будет так! — торжественно провозгласил Смел Вен, подтягиваясь как на параде. — Я принимаю на себя всю власть! Отныне я распоряжаюсь всем. Тебе, старик, приказываю лежать. Где продукты, ты знаешь. Никому из подчиненных не позволю приблизиться к ракете.

— Даже сестре здоровья? — тихо спросил Ум Сат.

— Даже ей, — отрезал Смел Вен. — Она пригодится остальным, если они тоже заразятся.

Ум Сат слабо усмехнулся в усы и ничего не сказал.

— Я удаляюсь, — заспешил Смел Вен.

— Я смещаю тебя, — вслед ему сказал старик, но люк уже захлопнулся.

Ум Сат устало закрыл глаза. Когда же он перестанет ошибаться? За что только его считают мудрым?

Смел Вен собрал всех звездонавтов:

— Ум Сат приказал мне передать вам, что лагерь переносит от ракеты в глубь леса. Поскольку старцу тяжело будет ночевать там, он поручил руководство лагерем мне, своему заместителю.

— Но ведь ночью в лесу опасно, — заметил Тони Фаэ.

Смел Вен презрительно посмотрел на него:

— Я не знаю, кого больше украшает трусость: звездоведа или поэта?

Тони Фаэ вспыхнул. За него вступился Гор Зем:

— Осторожность полезна и руководителю.

— Какой тут риск, — накинудся на него Смел Вен, — если мы попали в мир любви и согласия, — и он обернулся к Маде и Аве.

— Кто же нам здесь угрожает? — поддержала его Мада.

Аве молча кивнул головой.

Исследователи, забрав все необходимое, вооружившись по настоянию Зема пистолетами, правда, с парализующими пулями, безопасными для жизни животных, направились в лес.

Мада непременно хотела повидаться с Умом Сатом, но Смел Вен не позволил, торопя идти в лес, пока не стемнело.

Лагерь разбили на берегу того самого озера, откуда брал начало поток, срывающийся в пропасть. На воде с перламутровой рябью плавали белые птицы с изогнутыми шеями.

— Для чего им такие длинные шеи? — спросил Тони Фаэ.

— Чтобы доставать подводные водоросли, — ответила Мада.

— Вполне мирное занятие, — заметил Гор Зем.

В небе уже полыхала вечерняя заря, когда Смел Вен послал Маду и Аве осмотреть другой берег озера. Им пришлось перебираться через поток, перескакивая с одного камня на другой.

Они шли, изредка нагибаясь под низкими ветками, одетые в черные облегающие костюмы, и восторженно смотрели по сторонам. И вдруг оба замерли.

Впереди, закинув назад рогатую голову, промчался олень. За ним огромными мягкими прыжками гнался могучий зверь с пятнистой шкурой. Он настиг оленя и очутился у него на шее. Тот с перекушенной сонной артерией сделал отчаянный скачок и повалился под дерево. Послышалось рычание. Зверь рвал жертву.

Аве схватился за пистолет, чтобы перезарядить его не парализующими, а отравленными пулями.

— Мы не смеем отнять здесь у кого-нибудь жизнь! — вмешалась Мада. — Не надо переносить сюда нравы Фаэны.

— Боюсь, что они уже существуют здесь.

— Но почему же? Отчего?

— Законы развития жизни на планетах одни и те же.

— А у водопоя? — слабо возразила Мада. — Там никто ни на кого не нападал.

— Хищник не может только убивать животных. Он позволяет им жить, пить, плодиться, расти. Иначе ему потом нечего будет есть. Он как лесной скотовод: настигая на охоте слабейших, улучшает таким отбором стадо.

Мада не возражала. Подавленная, она шла рядом с Аве, чувствуя его руку у себя на плече. Но вдруг он отдернул руку и ударил себя по лбу. Мада непроизвольно сделала то же самое. Потом в недоумении посмотрела на свои пальцы, испачканные кровью. В лесу потемнело, и он наполнился жужжанием. Крохотные летающие существа накинулись на фазтов и стали жалить их. Пришлось отбиваться сорванными ветками.

Они застали в лагере Смела Вена одного. Он яростно бил себя по щекам и шее.

— Гнусные твари! — ругался он. — Хоть прячься в скафандр.

— Я жестоко ошибалась, — сразу начала Мада. — Только что мы с Аве видели в лесу убийство. Здесь убивают, как и на Фазне! Надо скорее переносить лагерь обратно к ракете, на открытое место, где нет насекомых и хищников.

— К ракете мы не пойдём, — отрезал Смел Вен. — Там нас поджидает более страшная смерть, которая уже подстерегла Ума Сата.

— Как? — возмутилась Мада. — И ты, замещающий Ума Сата, не позволил мне, врачу, быть с ним?

— Такова была его воля. Не только гнусные летающие твари или пятнистый хищник, но и скрытый микромир показал нам свои зубы.

— Я иду к Уму Сату! — объявила Мада.

— Вместе со мной, — добавил Аве.

— Вмeste трупы спасаются бегством, найдя предлог, — вслед им крикнул Смел Вен, забыв о собственном лживом предостережении.

Мада бежала впереди. Аве едва различал ее силуэт в наступившем сразу мраке. И вдруг сердце его больно сжалось. Ему показалось, что Мадy остановило гигантское сутулое существо с длинными свисающими руками. Он выхватил пистолет, который так и не зарядил боевыми пулями, но заметил, что Мада вовсе не испугалась. Аве облегченно вздохнул. До чего же взвинтились нервы из-за лесной драмы! Он не узнал Гора Зема. А вон появился и хрупкий Тони Фаз.

Аве спрятал пистолет и тут только увидел рядом с Гором Земом по меньшей мере пять похожих на него фигур. Фазтообразные звери сбили с ног Тони Фаз и бешено сопротивляющуюся Мадy. Целой гурьбой они навалились на Гора Зема.

Аве бросился к Гору Зему, но не мог отличить его среди похожих на него сутулых, мохнатых зверей. Они сами показали себя и впятером накинулись на Аве.

Фазт не успел вынуть пистолета. Он лишь стряхнул с себя повисших на нем врагов. Они были крупнее Аве, но совсем не умели драться. Кулаками и ногами Аве разбросал напавших на него зверей. Двое из них корчились под деревом, остальные снова кинулись на Аве. Перебросив через себя одного из них,

Рисунки Ю. МАКАРОВА

остро пахнущего потом и грязью, он увидел, как разделяется со своими противниками Гор Зем. Несколько мохнатых туш корчилось у его ног. Но все новые и новые противники сваливались ему на плечи с дерева. Аве хотел крикнуть, чтобы он отбежал на открытое место, но смердящая лапа затянула ему рот жесткой шерстью. Аве скрутил эту лапу, так что хрустнула кость.

Мады не было видно. Тони Фаз тоже. Только Гор Зем и Аве Мар продолжали неравную борьбу.

— Дер-ржись, Аве! — крикнул Гор Зем. — Это местные р-родственники!

Аве раскидал первых врагов, но не менее десятка новых особей накнулись на него. В его руки и ноги вцепились по четыре когтистые лапы.

Молодой фазт собрал все силы, рванулся и повалился наземь, подминая под себя врагов. На кучу барахтающихся тел прыгнуло еще столько же мохнатых зверей. Аве чувствовал себя, как в обвалившейся шахте: не мог ни шевельнуться, ни вздохнуть.

Гор Зем, видя положение Аве, рвался ему на выручку. Но, пожалуй, легче было свалить плечом раскидистое дерево, под которым произошла свалка, чем прийти ему на помощь. И тогда Гор Зем в неожиданном прыжке ухватился за нижнюю ветку. Два или три самца, не уступавшие ему ростом, висели на его ногах. Ветка гнулась, грозя обломиться. Невероятным напряжением всех сил Гор Зем взобрался на ветку вместе с висящими на нем зверями. Они полетели оттуда вниз головами, дико воя. Еще двое словно ждали там Гора Зема, но были сброшены вниз.

Гор Зем с ловкостью, на которую не способны были его мохнатые противники, буквально взлетел на верхние ветки дерева.

Истощенный визг и рев неслись снизу.

Гор Зем прыгнул с верхней ветки и, казалось, должен был разбиться и попасть в лапы скакавших в исступлении зверей, но каким-то чудом ухватился за ветку соседнего дерева. Он легко избежал по ней, хотя ветка и гнулась под его немалой тяжестью.

Путь был освоен — единственное спасение от ревавшего внизу стада.

Гор Зем не понял, почему никто из зубастых врагов ни разу не укусил его. Размышлять было некогда, и он продолжал свой бег по верхним ветвям. Ему могли бы позавидовать далекие предки, когда-то спустившиеся с деревьев Фазны.

Однако преследователи бежали вниз не менее быстро.

И тут Гор Зем увидел подобие фазанской лианы. Она спускалась с очень высокого отдаленного дерева и зацепилась за одну из близких к Зему веток. Гор Зем ухватился за живой канат и полетел вниз. На миг мелькнуло беснующееся стадо. Набрав скорость, как раскачивающийся маятник, он пронесся над головами преследователей, успев ударить ногой наиболее крупного из них. Отчаянный визг прозвучал ему вслед. Тут Гор Зем увидел под собой водопад. Лиана перенесла его на другой берег. Он ухватился за ветку, спрыгнул вниз и побегал.

Крики погони замолкли вдаль. Очевидно, фазтообразные зве-

ри боялись воды и не могли переправиться вслед за Гором Земом на другой берег потока.

Гор Зем замедлил шаг и стал глубоко дышать, высоко поднимая грудь, и только сейчас обнаружил, что по рассеянности не взял с собой из лагеря пистолета, хотя сам же настаивал, чтобы каждый был вооружен.

Ужас объял его. Теперь уже нет никого, кроме него. Надо бы спешить к ракете, но своим известием о гибели всех фазтов он убьет там Ума Сата.

Однако ничего другого не оставалось. Гор Зем решил дожидаться рассвета, считая, что фазтообразные звери — ночные и боятся дня.

Он залез на дерево и устроился на верхней ветке.

Представляя себе растерзанных друзей, он плакал от горя и беспомощности. Слезы застревали в бороде, всклоченной после битвы, как у фазтообразного. Временами ярость затмевала рассудок. И вдруг в слабом отблеске рассвета он увидел одного из ненавистных зверей, медленно шедшего вниз.

Сутулый, почти одного с ним роста, он покачивался из стороны в сторону при каждом шаге. Его спина была покрыта шерстью. Шеи не было.

«Совсем как у меня», — горько подумал Гор Зем.

Зверь обернулся, и тут Гор Зем понял, что это самка. Двигалась она на задних лапах, а передние свисали у нее до коленей. Время от времени она нагибалась, срывая растение или выкапывая корешок.

Гор Зем задрожал от ярости, готовясь спрыгнуть на зверя и разделаться с ним.

Самка вскрикнула. Гор Зем думал, что она увидела его, но в этот момент что-то метнулось вниз, и самка упала. Ее подмял под себя пятнистый зверь, о котором рассказывала Мада.

Сам не зная почему, Гор Зем прыгнул вниз на пятнистого хищника. Зверь взревел, стараясь вырваться из-под свалившейся на него тяжести. Но Гор Зем сам вскочил и ухватил его за задние лапы. Гигант рванул на себя зверя, поднял в воздух на вытянутых руках и ударил головой о ствол дерева, потом отбросил недвижимое пятнистое тело в сторону.

Самка поднялась на ноги и скорее с любопытством, чем со страхом, рассматривала Гора Зема. Он даже обиженно подумал: «Неужели я до такой степени похож на ее сородичей, что даже не пугаю ее?»

Она доверчиво подошла и сказала:

— Дзинь.

Да, она сказала! Эти звери произносили членораздельные звуки. Если они не были полностью разумны, то через миллион или больше циклов могли бы стать такими, подобно тому как стали разумными фазты.

— Гор, — сказал фазт, ткнув себя в обнаженную в разорванном вороте волосатую грудь.

Самка повторила:

— Дзинь, — и ткнула себя в живот.

Трудно сказать, какой мыслительный процесс происходил в ее низколобом, скошенном черепе. Однако чувство благодар-

ности, присущее многим животным Фаэны, наверное, было доступно и ей.

Очевидно, какая-то мысль овладела самкой. Она схватила Гора Зема за руку и с невнятным урчанием повлекла за собой.

Может быть, она тащила его в свое логово, признав в нем не только спасителя, но и повелителя?

Гор Зем поморщился. Он хотел было прогнать ее и даже замахнулся. Но она так покорно ждала удара, что он раздумал ее бить. Его осенила мысль, что она может вывести его к стоянке своих сородичей. А вдруг его друзья еще живы? Можно ли упустить шанс прийти им на помощь?

Он толкнул самку, чтобы та шла вперед, и двинулся за ней. Самка обрадовалась и побежала, оглядываясь на Гора Зема. Оба двигались быстро и скоро перебрались через все тот же поток. Самка знала, где с берега на берег упало дерево. Воды она боялась.

Потом они прошли через лагерь фаэтов на берегу озера. Гор Зем увидел следы яростной борьбы. Мешки и научные приборы были раскиданы, но жертв борьбы не было видно. Очевидно, Смел Вен не успел пустить в ход оружие и был захвачен зверями.

Самка Дзинь посмотрела на Гора Зема, но тот крепко ткнул ее в спину. Очевидно, такое обращение больше всего было понятно самке. Она обернулась и оскалила зубы в подобии улыбки. Он снова ткнул ее. Самка радостно побежала вперед.

Скоро она остановилась и сделала предостерегающий знак, если ее жест лапой действительно что-нибудь означал.

Гор Зем осторожно выглянул из-за дерева, которое росло на краю оврага. На противоположном его обрыве виднелись пещеры, а внизу суеилось стадо мохнатых зверей, слышалось ворчание, рык, взвизгивание.

Гор Зем увидел среди фаэтообразных хищников Смела Вена. Он гордо стоял среди них, облепленный множеством вцепившихся в него самцов. Почему-то они еще не убили его.

И тут Гор Зем понял, что эти звери не умели связывать, они могли только держать пленника передними лапами, стоя на задних. А что, если они не убивают свою жертву перед тем, как сожрать, что, если они не любят падали?

Внизу заорали фаэтообразные. Смела Вена свалили наземь, мохнатые туши сгрудились над ним, терзая его тело. Гор Зем не выдержал, его стало рвать.

А Смел Вен не произнес ни стоны, ни крика. Никогда не ожидал Гор Зем, что можно обладать такой сверхъестественной выдержкой. Ему стало стыдно собственной слабости. И он уже готов был спрыгнуть вниз, но увидел в пещере на противоположном обрыве живых Маду, Аве и Тони Фаэ. Очевидно, их не убили, чтобы тоже съесть живыми. Все они, как и Смел Вен, не были связаны. По четыре курчавых самца держали каждого из них за руки и за ноги. Фаэты не могли и пошевелинуться.

Гор Зем обернулся к Дзинь. Она отпрыгнула и легла наземь, делая вид, что уснула. Потом вскочила, показала лапой на поживавших свою жертву зверей и опять бросилась наземь.

Инженер понял. Спасенная им самка пыталась объяснить ему, что звери, насытившись, уснут.

Конечно, Смел Вен был уже мертв. Остатки его тела раздавили тем, кто сам не мог подойти к нему. Досталась доля и стражам пленников, предназначенных для следующего пиршества.

Дзинь была права. Она хорошо знала своих сородичей.

Скоро они улеглись вповалку и захрапели.

Только стражи остались на месте, делая вид, что бодрствуют, но никли волосатыми головами.

Гор Зем не очень надеялся на успех. Неслышно он перебрался в стороне через овраг, вернулся к пещере с пленниками и сразу же спрыгнул прямо у ее входа.

Ближе всех к нему оказался лежащий Аве Мар с бесполезным пистолетом на боку.

Не успели осоветевшие от еды стражи шевельнуться, как Гор Зем испробовал на них смертельные приемы, преподававшиеся по приказу диктатора Яра Юпи в школах для «высших». При утреннем свете он бил точно. Чувствительные места фазтообразных были почти теми же, что и у фазтов. Мохнатые звери беззвучно валились. Гор Зем выхватил у Аве Мара пистолет и в упор выстрелил в четвертого самца, еще державшего Аве за руку. Пуля была парализующей, зверь скорчился в судороге и замер.

Гром выстрела перепугал остальных стражей. Они отпустили Маду и Тони Фаз. Мада воспользовалась этим и так умело ударила одного из них, что он покатился по камням.

Тони Фаз не успел вздохнуть, как Аве и Гор Зем набросились на его ошеломленных стражей.

Зем выстрелил еще несколько раз. Аве сбрасывал почти не сопротивлявшихся зверей на дно оврага. А там была невообразимая паника.

Звери не имели ни малейшего понятия о способах ведения войн. Они захватили пришельцев с единственной целью съесть их. Сожрав первую жертву, они мирно спали, не поставив никакой охраны. И теперь вдруг оглушительные удары грома, которых они всегда боялись. И к тому же еще и тела убитых сородичей падали, словно с неба.

Стадо с криками рассыпалось, бросив убитых и искалеченных на дне оврага.

Мада кинулась на грудь Аве Мара и разрыдалась.

Тони Фаз протянул руку своему другу и спасителю.

Аве краем глаза увидел у входа в пещеру еще одного фазтообразного, очевидно хотевшего напасть на Гора Зема сзади.

Он тотчас прыгнул на выручку, но огромная рука Гора Зема удержала его:

— Это самка Дзинь. Она помогла выр-ручить вас.

Мада с изумлением рассматривала мохнатое животное, которое не скрывало своего восхищения силой и бесстрашием Гора Зема.

НА ВЕРШИНЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

При старте корабля «Поиск» тело Куция Мерка недвижно лежало в подземном коридоре. Но лужа крови под ним не высохла, словно пронзенное стилетом сердце продолжало крово-

точить. Лишь когда рука Куция Мерка дернулась и, упав на рану, зажала ее, кровь свернулась и перестала течь.

Через очень долгое время Куций Мерк снова шевельнулся. Ни один из многих миллиардов фазтов не смог бы выжить в его состоянии, ни один... кроме Куция Мерка.

Куций Мерк происходил из семьи круглоголовых, бежавших с континента «высших» после разгрома Восстания Справедливости. Яр Юпи только начинал там «Разгул Крови». Куций был еще маленьким мальчиком без собственного имени. Отец Куция Хром Мерк (от рождения хромой), подозреваемый в сочувствии Учению Справедливости, был намечен Охраной Крови к уничтожению. У бедняков Мерков не было никаких средств, чтобы уплыть на корабле. Они совершили беспримерное путешествие втроем на плоту, сколоченном Хромом Мерком. Пробыв томительные дни в океане, претерпев и бури, унесшие их скудные запасы, и штиль с нетерпимой жаждой, избежав погони (никому из Охраны Крови не пришлось в голову искать в океане плот!), наконец измученные, истощенные, они достигли берега Даньджаба. Но никто не готовил здесь теплой встречи беглецам. Им даже не нашлось работы на полях и в мастерских владельцев, равнодушных ко всему, что не сулило выгоды.

Доведенный нищетой до отчаяния, Хром Мерк отважился на то, что прежде подверг бы с негодованием, — решил зарабатывать на врожденном уродстве сынишки.

У Куция было два сердца. Такое «уродство» встречается исключительно редко. На континенте «высших» родители скрывали ненормальность сына, боясь, что его объявят неполноценным уродом и уничтожат.

Но здесь, на континенте «культурных», все, что могло вызвать даже нездоровое любопытство, способно было принести доход.

Мальчика стали показывать в балаганах. Любопытная толпа валила в них. И каждый считал себя вправе ощупывать раздетого догола, перепуганного «урода». Его бесцеремонно поворачивали, к нему прикладывали холодные трубки то к груди, то к спине или противно прижимались к его коже мягкими ушами. Его заставляли приседать плясать под общий хохот и гогот, потом снова рассматривали, выслушивали. Зеваки недоуменно качали головами, удивлялись и шли рассказывать, отчаянно привирая, о диковинном чуде, которое сами видели.

Предприимчивый Хром Мерк сумел столько заработать на уродстве сына, что стал владельцем сначала небольшой мастерской, а потом крупных мастерских, где тысячи фазтов стали трудиться на него.

Куций рос, со стыдом и отвращением вспоминая те дни, когда выставлялось напоказ его «уродство». Впрочем, оно принесло доход не только его отцу. Скоро выяснилось, что мальчик становится не по возрасту сильным и выносливым. По молчаливому согласию между сыном и родителями теперь его два сердца стали семейной тайной, чтобы не привлекать в школе к мальчику тягостного любопытства. И когда юноше в день его совершеннолетия давали новое имя (он назывался Хром Мерк-младший, хотя не был хромым), его называли Куцием за нескладную фигуру, кстати сказать, ставшую такой из-за того же второго сердца.

Вскоре Куций понял, что может превратить свой недостаток в достоинство. Во время унижительной карьеры «балаганного чудища» Куций Мерк обрел черты характера, определившие его профессию.

Необщительный, хитрый, язвительный, ненавидящий «высших» за океаном, он обладал редкой силой и выносливостью, обратив на себя внимание Особой Службы. Его нашли пригодным для разведывательной деятельности. Безупречное знание нравов и языка «варваров» позволяло ему не раз выполнять опасные поручения, пересекая (уже не на плоту) океан.

Продвигаясь по тайной лестнице, умный и скрытный, расчетливый и решительный, сын владельца, отнюдь не разделявший Учения Справедливости, он стал доверенным лицом крупных владельцев, подбиравших для себя удобных правителей.

Предшественник Добра Мара так страшился войны распада, что готов был уступить диктатору Яру Юпи, и потому стал неугоден владельцам. Куцию Мерку привелось предупредить в ту пору «друга правителя» Добра Мара, на каких условиях тот может стать правителем — первым начать войну распада. Только так мыслили владельцы, входившие в Великий Круг, рассчитываясь с владельцами из Совета Крови.

Добр Мар, став правителем, искусно лавировал на грани войны. Когда же подошел срок его переизбрания и предстояло сделать предписанный ему шаг, он отослал Куция на авантюрную диверсию, рискуя ради собственных интересов даже жизнью сына. Куций Мерк был настолько видным разведчиком, что мог уклониться от такого задания. Но у него еще с детства были свои счеты с «высшими». Он не прощал им ни «Разгула Крови», ни бедствий своей семьи, ни угнетения круглоголовых. Вот почему Куций Мерк стал «горбатым», таская на спине заряд распада для уничтожения Логова диктатора вместе со всей его техникой, доставшейся ему от недалеовидных владельцев из Данджаба.

Куций Мерк делал рискованную ставку и проиграл, пав от стилета Яра Альта.

Но Яру Альту не могло прийти в голову, когда он выдернул из его сердца стилет, что у горбуна есть еще одно сердце.

Долго, очень долго приходил в себя Куций Мерк. Второе сердце продолжало биться. Только такой необыкновенный организм мог победить. Однако из-за огромной потери крови Куций был слишком слаб.

Придя в себя и поняв, что произошло, он прежде всего снял и осмотрел свой «горб». Он был пробит в нескольких местах, устанавливая на нем взрыватель замедленного действия при состоянии Куция было нельзя. Ему не спастись. Куций Мерк отшвырнул «горб» в сторону.

Жгучий, дурманящий голод погнал его вперед. Надо было хоть как-нибудь выбираться, хотя это и казалось невыносимым. Однако Куций был не таков, чтобы отступить даже в безнадежном положении.

Превозмогая и боль, и спазмы желудка, он пополз по каменному полу, уверенный, что стена преградит ему путь, и не

поверил себе, когда увидел в ней щель. После «борьбы биотоков мозга», когда Альт пытался мысленно открыть, а Луа закрыть дверь, никто не дал автоматам приказа задвинуть стену. Так же были открыты и две следующие преграды, через которые пробежал спешивший Альт, а потом проползала умирающая Мать Луа.

На знакомом повороте в дворцовый сад, куда так рассчитывал добраться Куций, оказалась глухая стена. И он пополз по кровавому следу Луа. Он полз, замирал в изнеможении и снова принимался ползти. И все-таки Куций был жив!

За протекшие несколько часов космический корабль «Поиск» уже улетел с Мыса Прощания. Сам же Яр Юпи перешел в глубокий бункер, чтобы начать войну распада, на которую наконец решился.

Дворец опустел. Охранные роботы понесли в глубинное помещение тяжелый шкаф с щелевидными прорезями, выключив при этом энергию, питающую автоматику дворца. И теперь стена перед Куцием чуть дрогнула. Он смог просунуть в щель пальцы и, к величайшему своему удивлению, убедился, что стена поддается, уступает ему, раздвинулась настолько, что он смог проползти...

Потом, когда он, сам не зная как, поднялся на ноги и прислонился спиной к стене, она снова дрогнула, двинулась, и Куций упал. (Вновь включилось энергопитание!)

Куций лежал и, стиснув зубы, пытался понять, что произошло. И вдруг подумал, что начинается война распада, которую он так и не предотвратил взрывом своего злополучного «горба».

Он заставил себя подняться на ноги. В глазах потемнело, он зажмурился, некоторое время стоял покачиваясь, потом двинулся, держась за отделанные бесценным деревом стены. Они вывели его наконец в сад, благоухавший знаменитыми цветниками диктатора. Куцию очень хотелось лечь здесь и наконец умереть. Он даже перестал думать о еде.

Он решил, что война распада, видимо, все-таки еще не началась. Ведь не было слышно взрывов, а значит, надо было жить! И он не позволил себе отлежаться на песке аллеи, снова пополз, пока не поднялся с коленей на ноги. Он хотел добраться до «кровной двери», надеясь, что и она теперь открыта. Он не ошибся и смог выползти в руины часовни. Здесь в знакомой нише можно было дожидаться темноты, а ночью добраться до стариков Нептов, друживших еще с родителями Куция. Жили они в хибарке бывшего шахтерского поселка близ города Неги. Младшая их дочь Лада была замужем за круглоголовым, получившим образование в Данджабе. Вдвоем они улетели на космическую базу Деймо.

Только Куций Мерк с его неистребимой жаждой жизни мог добраться этой ночью до Нептов.

Войдя к ним, он замертво упал у порога.

Суетливые старики, оба полные, рыхлые, седые, похожие друг на друга, что бывает у долго живущих вместе супругов, с трудом перенесли его тяжелое, кровоточащее тело и уложили в угол на подстилку.

Куций Мерк упустил из виду, что оболочка его горба была пробита пулями, и воздух подземелья проникал к запалу. Хотя взрывательное устройство и не было приведено в действие, все равно под влиянием воздуха оно через какое-то время должно было взорваться.

Этого взрыва со страхом ждал правитель Добр Мар, уставший прикидывать, когда же он может произойти. Взрыв, разрушив противоторпедную защиту, был бы сигналом к безвозмездному удару ракет с зарядами распада по Властьмании, как того хотели владельцы, давшие Добру Мару власть.

Добр Мар на всякий случай укрылся в глубинном бункере, все же надеясь, что Куций Мерк будет убит, не успев взорвать свой «горб», и желанная Великому Кругу владельцев война отодвинется еще на какой-то срок. Правитель Данджаба готовился к войне, но страшился ее. И больше всего он хотел, чтобы оружие распада осталось на месте и все бы как-нибудь обошлось... хотя бы до новых выборов.

В подземелье во всех мелочах был воспроизведен роскошный правительственный кабинет, круглый, со сводчатым потолком и высоко расположенными овальными окнами, которые здесь никуда не выходили. В нишах под ними помещались экраны связи.

Добр Мар изменился. В лице его не было былой твердости, в глазах — пронизательности. Он стал говорлив и все время

словно оправдывался перед кем-то. И даже сказал одному из военачальников с намерением, чтобы это стало известно многим:

— История не забудет правителя, начавшего войну распада. Не так ли? — И посмотрел мимо собеседника.

Добра Мара тревожил неожиданный отлет Аве в космос, но не из-за судьбы сына, а из-за Куция Мерка. Почему тот допустил этот полет? И что с ним самим? Неужели погиб наконец?

Но все произошло не так, как ожидал правитель Добр Мар, и не так, как планировал его враг диктатор Яр Юпи. И не так, как рассчитывали владельцы из Великого Круга или из Совета Крови.

Настал миг, когда запал в искусственном горбу Куция Мерка сам собой сработал. Произошел глубинный взрыв распада.

Куций Мерк, сидя на кровати Нептов, почувствовал, как его подбросило. Заколебался пол хибарки, зазвенела посуда на жидких полках, упал со стены портрет диктатора Яра Юпи. Прозрачная пленка в окне разорвалась, и в убогую комнату ворвался шквальный ветер, опрокинул стол. Закружились листки с письменами, над которыми корпел старый Непт, вздумавший на склоне жизни учиться грамоте.

Куций Мерк съезжился, ожидая удара. Но потолок не рухнул. Куций заковылял к окну.

Казалось, ничего не случилось. Но не стало видно привычного Куцию черного шпиля Храма Вечности.

Одна бровь Куция Мерка поползла вверх. Он улыбнулся левой половиной лица, правая оставалась настороженной.

Но вдруг лицо Куция Мерка вытянулось, и глаза округлились, он побледнел.

Прямо перед окном огромная цветочная клумба в центре площади приподнялась, и из-под нее стало выползать гладкое цилиндрическое тело с заостренным носом. Оно словно росло на глазах, превратилось в высокую башню. Через мгновение из скрытой под ней шахты повалил черный дым, и башня начала подниматься на огненном столбе. Потом она оторвалась от площади, набирая высоту и ложась на курс в сторону океана. Скоро кормовая часть ракеты превратилась в огненный крест, который становился все меньше, пока не превратился в сверкающую звездочку. Затем и он исчез.

Волосы шевельнулись на голове Куция Мерка. Он уже знал, что не только здесь, а и в тысяче других мест континента, вот так же из глубинных шахт, из-под воды, где-нибудь, может быть, даже из зданий, вырываются страшные ракеты, чтобы смертоносной стайей нестись к Данджабу.

Куций Мерк был прав. Ракеты действительно, получив приказ автоматов, вырывались из своих укрытий и, заранее нацеленные в жизненные центры Данджаба, неслись через океан. Одна из таких ракет поднялась из многоэтажного дома, где останавливались Аве с Куцием, а другая должна была взлететь прямо из святилища Храма Вечности, где была замаскирована под одну из колонн. Но Храм рухнул от глубинного взрыва «горба» Куция. Однако расположенный на большой глубине Центральный пульт автоматики защиты не пострадал. А его чуткие приборы, едва уловив излучение, вызванное взрывом распада, тотчас дали сигналы тысячам ракетных установок.

Диктатор Яр Юпи был перепуган сотрясением бункера. О произошедшем взрыве и ответной реакции автоматов он узнал по приборам и понял, что война распада началась раньше, чем он сам решился на это.

Яр Юпи метался по тесному убежищу. Он жаждал действий. Но все уже было сделано без него.

Он был один. Никто не мог его видеть, кроме бездумного шкафа-секретаря, неспособного понять радости и торжества диктатора. Яр Юпи, забыв собственные страхи, потирал руки, хихикал и приплясывал. Сознание того, что через короткое время города и промышленные центры Данджаба будут уничтожены и десятки, а может быть, сотни миллионов враждебных фазов перестанут существовать, наполняло его сладостным волнением. Никогда не испытывал он подобного наслаждения. Раз война началась, пусть разворачивается! Он достиг своей цели: повелевать жизнью и смертью (вернее смертью!) на всей планете Фазнал И он, перекашиваясь от нервного тика, отдернул занавес перед включившимися экранами.

С них на него смотрели вопрошающие и растерянные военачальники. Яр Юпи впился безумным взглядом в подобострастные лица и, осененный вдохновением, крикнул с пеной на губах:

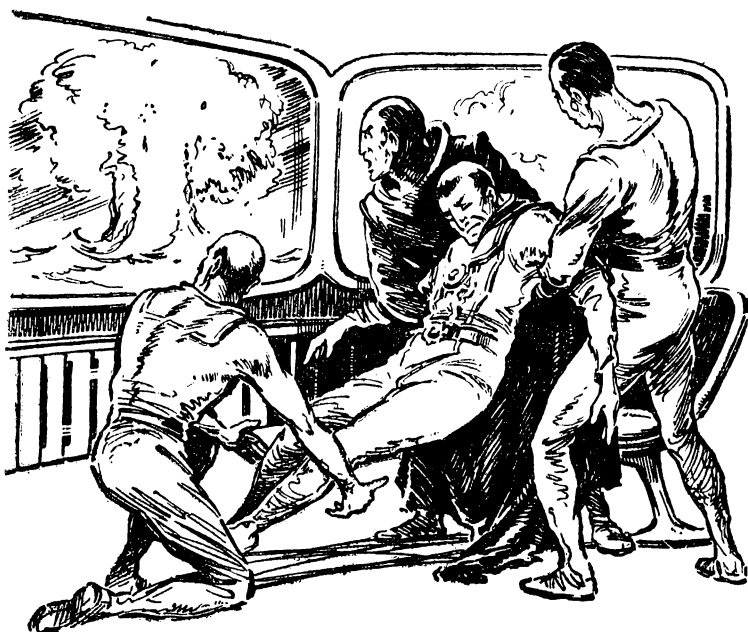
— Что? Не ожидали? Все топтались на месте? Так знайте!

Это сделал я! Я! Взорвал и Храм Вечности, и дворец, чтобы сработала автоматика! Что? Трусите?

Он бегал по бункеру и орал, несмотря на то, что экраны один за другим гасли. По-видимому, военачальники не слишком были согласны с владыкой и предпочитали поскорее укрыться в бункерах, подобных диктаторскому. Когда включились тайные экраны членов Совета Крови, то на них виднелись перепуганные лица сбросивших балахоны первых владельцев древнего континента.

Ракеты «варваров» вышли за пределы атмосферы, находясь над океаном. Их приближение сразу же было замечено неусыпными автоматическими наблюдателями вдали от целей, к которым летели ракеты. И без помощи военных или правителя Добра Мара сработала сама собой система ракетной защиты. Стая защитных ракет взвилась с Данджаба и понеслась навстречу армаде распада. Они сами были начинены зарядами распада, предназначенными для взрывов вблизи летящих им навстречу снарядов.

И в верхних слоях атмосферы, над океаном, один за другим происходили взрывы распада. Взрывные волны сбивали снаряды с курса или просто разрушали их. Изуродованные обломки, а порой и целые торпеды падали в океан, к великому ужасу моряков обоих континентов. Слово дождь метеоритов врезался в океан, поднимая к облачному небу столбы воды, походившие на дикий дым. Деревья внезапно выросшего в море леса.

Более восьмисот снарядов было уничтожено автоматическими стражами Данджаба. Но более двухсот продолжало свой полет,

В эти первые мгновения войны распада в ней не принимал участия ни один фазт, если не считать раненого Куция Мерка. Ни один из фазтов не погиб в этом сражении машин.

Но только в первые мгновения...

Скоро Данджаб стал содрогаться от взрывов распада в сотнях мест.

Взрыв распада!

Можно ли сравнить его с чем-нибудь?! Разве что со взрывом новых или сверхновых звезд или с загадочными процессами, которые наблюдали звездоведы на светиле Сол, когда огромные языки раскаленного вещества выбрасывались на расстояния, во много раз превышающие диаметр светила.

Распадалось само вещество, часть его переставала быть веществом, уменьшалась его масса. Энергия внутренней связи освобождалась и, переходя по законам природы в тепловую энергию, поднимала тепловой уровень в месте распада в миллионы раз. Все окружающее вещество, оставшись само по себе веществом, тотчас превращалось в рвущийся во все стороны раскаленный газ, сметающий все на своем пути. Но еще быстрее действовало излучение, сопутствующее распаду вещества. Пронизывая живые ткани, оно смертельно поражало их. И даже спустя долгое время после взрыва эти разящие излучения должны были губить всех, кто уцелел от огненного шквала или сокрушающего урагана.

На месте каждого взрыва распада в первый миг возникал огненный шар, неизмеримо более яркий, чем светило Сол. Подобная сила света не была известна на сумеречной планете Фазне. Этот яркий шар превращался в огненный столб, который становился белым стволом волшебного растущего, взвивающегося к небу исполинского дерева, где оно распускалось клубящимся шатром.

Добр Мар, содрогаясь, видел на экранах связи, как росли эти зловещие грибы на месте цветущих городов.

Ужас объял его. Щеки стали дряблыми. Обходя кабинет по кругу, он почувствовал, что его клонит в сторону, колени подогнулись, и он рухнул в кресло, едва успев схватиться за него.

Что же случилось? Как враг опередил его? А Куций?

Что же теперь с фазтами, которые должны были избирать его на новый срок? Ведь они мертвы, мертвы! Нет тысяч, быть может, миллионов... сотен миллионов?!

Добра Мара стало рвать, едва он подумал об этом.

Вбежавшие в его кабинет военачальники бросились помогать беспомощному старому фазту с трясущейся головой. Он мычал и дергал левой ногой, правая нога, как и рука, стали мягкими, мертвыми.

Военачальники метались по круглому кабинету, вызывая сестру здорovia. Пытались наливать воды и разбивали стаканы. Никто еще не мог осознать во всей глубине создавшееся положение.

Война распада, когда о ней говорили, казалась чем-то ужасным, но невозможным, вроде давней детской сказки. И даже теперь, когда зловещие грибы виднелись почти на всех экранах бункера, а многие экраны были черны, не работали, суевающимся

фазтам все же не хотелось верить, что там, наверху, все кончено. Это было где-то там, далеко, а здесь близким и зримым были слабость правителя, хлопотавшая около него сестра здоровья, неприятный запах рвоты и лекарств.

Подавленные военачальники не приняли никаких решений, не дали никаких команд.

Команды были даны опять-таки автоматами.

Диктатор Яр Юпи, у которого не было такой тайной связи с вражеским континентом, какая была через круглоголовых у Куция Мерка, не подозревал, что на Данджабе действует не менее надежная автоматическая «система возмездия», чем у «высших».

Приборы, отметив в воздухе излучение распада, сотрясение почвы Данджаба от взрывов и тепловые удары, дали стартовые команды несчетным ракетным установкам, тоже замаскированным на дне моря, в глубинных шахтах, в горных ущельях. И теперь уже к Властьмании полетела через океан армада возмездия.

Только Куций Мерк предвидел это. Он успел, едва поднялась на его глазах цветочная клумба, нырнуть в заброшенную шахту, в которой всю жизнь проработал Непт и над которой, когда она истощилась, построил свою хибарку. Куций Мерк укрылся в узком каменном колодце, спустившись по металлическим влажным скобам.

Слабость словно исчезла. Нервное напряжение вернуло Куцию силы.

Теперь он уже ничего не мог видеть, но он слышал и, казалось, ощущал всеми клетками тела страшный взрыв, потряс-

ший местность. Сверху на плечи Куцию посыпались камни, один из них больно ударил в плечо. Но Куций судорожно держался за скобы. Даже сейчас он не сдавался.

КРАТЕРЫ В ПУСТЫНЕ

Ликующее торжественное известие о начале войны распада получила на космической базе Деймо Ала Вег.

Перепуганная, не веря глазам, она перечитывала записанную автоматом электромагнитную реляцию, где сообщалось об ударе распада, обрушенном на Даньджаб — континент «культурных», об уничтожении всех его главных центров и десятков миллионов, если не больше, врагов.

С одним лишь чувством, что, к счастью, взрывы распада произошли на чужом континенте и ее дети живы, Ала Вег побежала доложить о страшном событии начальнику базы Мраку Лутону.

Он не сразу принял ее, напыщенный, важный, словно в его кабинет ломились десятки фазтов, ждущих приема, заставил Алу Вег долго простоять за дверью, прежде чем впустил.

Пробежав глазами протянутые ему письма, он встал и закричал хриплым голосом:

— Радость! Счастье нам! Да будут неисчислимы циклы счастливой жизни диктатора Яра Юпи! Наконец-то свершилось! Континент Даньджаба очищается от заселившей его скверны.

Вбежала Нега Лутон и, взглянув на письма, бросилась на шею Але Вег:

— Какое счастье, дорогая! Наконец-то наша миссия здесь заканчивается, круглоголовым можно не переселяться на этот проклятый Мар, их расселят на освобожденных просторах Фазны. Я так соскучилась по удобствам, слугам, изысканному обществу. Ведь и вы, дорогая?

Ала Вег словно окаменела.

— Разве война распада уже закончена? — еле выговорила она.

— Разумеется, еще нет! — важно изрек Мрак Лутон. — Но в этой войне выигрывает тот, кто сделает более сокрушительный залп. И мы сейчас это тоже сделаем.

— Кто мы? — не поняла Ала Вег.

Мрак Лутон дал сигнал общей тревоги и перешел из своего кабинета в смежную большую каюту, где еще так недавно оставались Мада и Аве.

Скоро весь состав экипажа космической базы собрался вместе. Пришли робкий Тихо Вег и взволнованные, запыхавшиеся Брат и Лада Луа.

Мрак Лутон сипло зачитал полученную реляцию об уничтожении основных городов Даньджаба.

Нега Лутон внимательно следила за выражением лиц собравшихся. От нее не ускользнул ужас Брата Луа. Его побледневшее лицо напоминало отполированную кость. Лада Луа зарыдала.

Мрак Лутон прикрикнул на нее:

— Я не потерплю измены, если она даже выразится жалостью к врагу. Приказываю немедленно направить автоматический корабль на базу Фобо.

— Как? К врагам? — удивилась Нега Лутон.

— С зарядом распада, — пояснил Мрак Лутон.

— Это другое дело! — облегченно вздохнула Нега Лутон.

— Стыдно ласковой госпоже так говорить! Ведь она же сестра здоровья! — не выдержала Лада Луа.

— Молчать! — заревел Мрак Лутон. — Инженер Тихо Вег и подсобный служитель Брат Луа! Именем диктатора приказываю снарядить зарядом распада космический корабль базы и направить его для автоматического полета к базе Фобо.

— Заряд распада? — переспросил Тихо Вег. — Но ведь его нет на базе.

Мрак Лутон расхохотался, его дряблые щеки затряслись:

— Не будь наивным, инженер Тихо Вег! Заряд распада ты найдешь в космосе в конце оранжереи, куда он доставлен под видом запасной кабины корабля.

— Я протестую, глубокомыслящий Мрак Лутон, — воскликнул Брат Луа. — Благословенный диктатор Властьмании заключил с правителем Данджаба соглашение. В космосе не может быть никакого оружия распада.

— Измена! — заорал Мрак Лутон. — Ты арестован, круглоголовый изменник! Инженер Тихо Вег, скрути руки смутьяну. Тихо Вег стоял в нерешительности, поглядывая на жену.

— Если война распада началась, значит... Очевидно, все договоры недействительны, — робко произнесла она.

Тихо Вег неохотно повиновался. Вместе с Мраком Лутонем они втолкнули Брата Луа в кабинет начальника. Мрак Лутон запер дверь.

— Теперь быстро в оранжерею! — скомандовал он Тихо Вегу. — Я неплохо предусмотрел, чтобы заряд распада был под рукой!..

Тихо Вег взглянул на жену и понуро поплелся к подъемной клетки.

— Базу объявляю на чрезвычайном положении. За каждое слушание теперь уже не арест, а отравленная пуля! — И Мрак Лутон потряс пистолетом.

— Ласковый господин, умоляю пощадить моего мужа! Он не знал, что договор теперь не действует, — бросилась к начальнику базы Лада Луа.

— Все марш по местам! — заорал Мрак Лутон. — Звездовед Ала Вег докладывает мне о всех наблюдениях в космосе и держит электромагнитную связь. А тебе, круглоголовая, место сейчас на кухне.

Мрак Лутон в изнеможении упал в кресло. Его прямоугольное лицо с обвисшими щеками побагровело, шея вспухла. Он рвал воротник, ему не хватало воздуха.

На другой марианской орбите, на станции Фобо, известие о начале войны распада принес инженер Выдум Поляр. Его умное, всегда словно застывшее в настороженном внимании лицо теперь выражало ужас и растерянность. Свое имя он получил за раннюю склонность к изобретательству. Когда-то он строил шагающий парокат, изготовил магнитную застежку для одежды, пружинные сапоги для бега и получил тонкую ленту из высу-

шенной древесины, которую в другое время и на другой планете называли бы бумагой. Его друг и талантливый рукодел Аль Ур всегда помогал ему, неунывающий, маленький, подвижный, считавший друга непризнанным гением. Он и сейчас сопровождал его, вбежав следом за ним к начальнику базы, чтобы поддержать требование друга.

Нашелся и еще один фазт, приметивший неудачливого изобретателя, — Доволь Сирус, крупный владелец. Он не прочь был заработать на способностях Выдума Поляра и по совету супруги женил его на дочери от своего первого брака Свете, мягкой и тихой девушке, во всем покорной властной мачехе, которая жестко руководила семьей, добываясь ее могущества.

Доволь Сирус, холеный полный фазт, с тяжеловатой облысевшей головой, крупными чертами лица и тонкими губами, испуганно встретил Выдума Поляра.

Обычно радушный, всегда готовый согласиться с собеседником, он словно олицетворял собой процветание, довольство и покой. А сейчас покой нарушился. Глазки его растерянно бежали. Услышав сообщение Выдума Поляра, он тотчас дал вызов в оранжерею садовнице, своей супруге Власте Сирус.

Выдум Поляр горячо убеждал начальника базы:

— Я готов сам повести корабль к Деймо, готов взять жену и Милу Ур. Ее муж останется с вами, чтобы следить за механизмами. Космос объявлен мирным. Начавшаяся война распадается — общее наше несчастье, мы должны разделить его с персоналом Деймо.

Доволь Сирус согласно кивал, поглядывая на дверь.

Света была его любимой дочерью, без которой он не мыслил своей жизни.

По настоянию своей громогласной жены Власты Доволь Сирус использовал на Фазне предвоенный психоз, чтобы добиться влияния в Даньджабе у Добра Мара. Он даже получил от него генеральский чин. Правда, когда война распадения стала близкой, Власта Сирус заставила генерала Сируса бежать подальше от планеты Фазна, стать начальником космической станции, забрав с собой и ее падчерицу с неудачливым мужем.

— Вы полетите, а как же мы? — неуверенно спросил Доволь Сирус.

— Мы вернемся, едва обсудим с нашими несчастными братьями с Фазны, что делать дальше...

— Что тут за прогулки обсуждаются? — послышался зычный голос вошедшей Власты Сирус. — Я никуда не пущу Свету. Я ей за мать.

— Но, дорогая, — попробовал возразить начальник станции.

Власта, высокая, костистая, упершись в бока руками, закричала:

— К варварам нашу Свету? Ну, Милу Ур, куда ни шло! Она с детства склонна к приключениям, танцовщицей была. А что, если на Деймо наш корабль примут за торпеду? У них ведь есть, как и у нас, защитные ракеты...

— Но, дорогая...

— Дорогая, дорогая! — передразнила Власта. — Дорогая дочь у нас. Ее и надо спасать. И всеми средствами.

И Власта Сирус метнула на мужа уничтожающий взгляд из-под сросшихся бровей и поджала тонкие губы.

— Но, дорогая... Обещаю тебе. Корабль наш непременно полетит к Деймо. И мы вместе с тобой, только с тобой, решим состав его экипажа.

Власта Сирус хлопнула ладонью по столу.

— Вот именно мы с тобой. И это будет самый надежный состав! Надо беречь наши жизни! Беречь! В этой войне главное — выжить!.. — и она ненавидящим взглядом обвела всех трех фазтов. — Выжить!..

Брат Луа метался по кабинету, превращенному в тюрьму, в беспомощности ломая руки.

Тихо Вег безропотно выполнял задание, даже не задумываясь, что заряд распада в запасной кабине корабля может быть плохо экранирован и опасен для фазта, приблизившегося к нему.

Чтобы добраться до запасной кабины, ему пришлось пролететь всю оранжерею сквозь воздушные корни, словно старавшиеся задержать его. Но он, цепляясь за них, разгонял свое невесомое тело, чтобы возможно скорее выполнить приказ начальника, подтвержденный кивком головы самой Алы Вег. О судьбе своих детей он старался не думать, как и вообще ни о чем: ни о фазтах базы Фобо, ни о самом себе.

Но о том, что космических кораблей на базе только два, он невольно подумал. Сумеют ли шестеро улететь на родную планету в одном корабле? Конечно, нет! Он лишь трехместный. Видимо, придется ожидать еще одного корабля с Фазны.

Запасная кабина, похожая на конический колпак, плавала неподалеку от длинной сигары корабля, привязанная к нему тросом.

Тихо Вег, надев скафандр и закрепив себя тросиком, оттолкнулся ногами от шлюза оранжереи и полетел в серебристую чернь космоса.

Он промахнулся и не сразу попал в цель. Пришлось, перебирая руками по тросику, возвращаться назад и прыгать снова. На этот раз он оттолкнулся лишь одной ногой, чтобы сделать прыжок более направленным.

Запасная кабина показалась ему шероховатой, как метеорит. Тихо Вег прилип к ней и пополз к основанию конуса, где был закреплен трос, идущий к космическому кораблю.

Тихо Вег зацепился за металлическую скобу снаружи запасной кабины и, выбирая трос, тянувшийся к кораблю, стал подтягиваться к нему вместе с кабиной. Через некоторое время кабина соприкоснулась с кораблем. Тихо Вег приготовился к нелегкой работе. Но, к величайшему своему изумлению, заметил, что соединение частей корабля сделано с расчетом мгновенной замены. Достаточным оказалось прикосновения к месту скрепления, чтобы внутри сработали автоматы и старая кабина легко отделилась от корабля и поплыла к звездам. Так же легко новая кабина встала на место.

Тихо Вег забрался внутрь, чтобы настроить автоматику полета.

Сюрприз и здесь ждал инженера: ему ничего не требовалось менять в уже сделанной настройке.

Бесчувственный голос автомата предупредил его об этом, едва он коснулся пульты. Тихо Вегу понадобилось лишь включить автоматику полета и вернуться в оранжерею.

Уже из оранжереи, цепляясь за воздушные корни растений и постепенно набирая скорость полета, он увидел, как засверкали дюзы ракеты и она, сделав строго рассчитанный поворот, взяла безукоризненно выверенный машинами курс к Фобо.

Тихо Вег вздохнул. Он только выполнял свой долг. О том, хорошо ли был экранирован заряд распада, он так и не подумал.

Когда Тихо Вег вышел из подъемной клетки в коридор станции, его встретила бледная, трясущаяся Ала Вег.

— Что случилось, несравненная? — спросил Тихо.

— Наши дети!.. Дети!.. — только и могла выговорить Ала Вег и разрыдалась.

В руках она держала табличку с письменами нового сообщения электромагнитной связи. Тихо Вег прочитал и покачнулся, оперся рукой о дверь подъемной клетки.

Письмена сообщали, что стаи торпед распада Даньджаба ответно обрушились на континент «высших». Имеются разрушения и жертвы... Но Яр Юпи предвещает победу и требует ликования.

В коридор выбежал Мрак Лутон, размахивая руками:

— Диктатор жив! Диктатор жив! Совет Крови продолжает борьбу! По местам! Здесь космический форпост!

— Разве может наш наблюдатель быть на месте? — ехидно заметила появившаяся следом за ним Нега Лутон. — Ей надо беспокоиться о судьбах родственников, а не о выигрыше войны.

Ала Вег сверкнула глазами и скрылась в обсерватории.

Тихо Вег остался стоять в коридоре. Он никак не мог осознать, что происходит, не мог поверить, что родной Город Неги, быть может, лежит в развалинах, а его дети...

Он побрел следом за женой в обсерваторию.

— Слезы мешают мне наблюдать, — обернувшись к нему Ала Вег, — замени меня у прибора. Странная звездочка появилась вот в этом квадрате.

— Может быть, это наш запущенный корабль с зарядом?

— Нет, он в другом месте.

Тихо Вег стал помогать жене, и они скоро установили, что неизвестная звездочка не подчиняется обычной небесной механике и словно сама избирает себе траекторию полета.

Вызванный тревожным сигналом Мрак Лутон ввалился в обсерваторию, подозрительно вглядываясь в супругов Вег:

— Известия с Фазны? Приказ диктатора? Указание Совета Крови?

— Нет, — ответила Ала Вег. — Связь потеряна. Нет связи и с Фобо.

— С Фобо? — заорал Мрак Лутон. — Измена! Кто смел связываться с Фобо, с вражеской крепостью в космосе? — И он выхватил пистолет, угрожающе размахивая им.

— Я только докладываю, что связи нет. Прежний канал замолк, словно там что-то случилось.

— Пока еще не случилось! Но скоро случится! Ты смотришь за полетом нашей торпеды?

— Она летит точным курсом. Но...

— Что еще?

— Навстречу летит неизвестный корабль. Видимо, с Фобо. Направляется как будто к нам. Может быть, персонал их станции, обуреваемый ужасом, летит сюда?

Мрак Лутон расхохотался.

— Чтобы сдаться? Сесть нам на шею? Жрать наши продукты? Дышать нашим кислородом? Или они хотят спастись от карающей торпеды?

— Но они могли не знать, что мы выпустили ее.

— Зато я знаю, что к нам летит их корабль. Инженер Тихо Вег, приказываю запустить ракету защиты. Летящий к нам корабль уничтожить.

— Как уничтожить? — запротестовала Ала Вег. — Но там же могут быть живые фазы!

— Живые фазы! — передразнил Мрак Лутон. — Можно подумать, что в нашем корабле, летящем с зарядом распада, сидят живые фазы! Я приказал. Послать защитные ракеты, сбить, уничтожить! — Мрак Лутон в исступлении топал ногами и размахивал пистолетом.

Тихо Вег скрылся из обсерватории. Где находятся ракеты защиты, он знал. На них не распространялось соглашение о Мирном Космосе. Они были ближнего действия и не могли достать другой базы. Но идущую к Деймо цель они способны были сами найти в космосе и поразить.

Чтобы запустить в действие это оружие защиты, Тихо Вегу не понадобилось спускаться в оранжерею. Достаточно было пройти на Центральный пульт станции Деймо.

И он запустил ракеты защиты, когда летящий с Фобо корабль стал хорошо различим, походя на сверкающую в лучах Сола точку.

Инженер вернулся к жене в обсерваторию поникший, обесиленный. Ему казалось, что он совершил нечто ужасное.

Ала Вег не могла побороть своих слез.

— Там фазы, там могут быть живые фазы, — без конца твердила она. — И никаких сведений с Фазны.

— Не может быть, чтобы наши дети погибли, — сказал Тихо Вег, не имея ни малейшего довода в пользу сказанных слов.

Он прильнул глазом к окуляру и увидел, как в космосе сверкнула, словно вновь рожденная, звезда. Это взорвалась одна из ракет защиты, посланная навстречу кораблю с Фобо.

На большом экране, куда проектировалось изображение, было видно, как после этого взрыва корабль-звездочка круто пошел к поверхности Мара. Он был сбит с орбиты силой взрыва, но сам, очевидно, не был разрушен.

В обсерватории собрались все фазы базы, за исключением запертого Брата Луа.

Мрак Лутон сам сходил за ним.

— Пусть, пусть! — сказал он, вталкивая Луа в обсерваторию и показывая в иллюминатор на громаду Мара. — Пусть своими глазами посмотрит.

— Ты так уверен, что это его образумит? — тихо спросила Нера Лутон.

Ее муж самодовольно усмехнулся.

— Я слишком хорошо знаю внутренний мир фазтов, чтобы ошибиться. Иначе не был бы сверхофицером Охраны Крови. Шестеро фазтов с Деймо видели, как в космосе сверкнула и вскоре потухла еще одна звездочка.

— Они сбили нашу торпеду! — затопал ногами Мрак Лутон. И потом на поверхности Мара один за другим произошли два взрыва распада. В красноватых пустынях взвились в небо хорошо различимые из космоса стволы сказочных деревьев, распустившихся клубящимися шатрами. На песчаные просторы легла отчетливая тень сначала от одного, а потом и от другого исполинского гриба.

— Что я вам говорил! — заорал сверхофицер Охраны Крови Мрак Лутон. — Они первыми хотели уничтожить нас. Их корабль с зарядом распада взорвался первым. А вы тут распустили нюни, болтали о живых фазтах.

— Начальник базы прав, — вздохнул Тихо Вег. — Он видит души фазтов.

— Инженер Тихо Вег! Прекрати болтовню. Я сам знаю, чего стою. Спешу снова в оранжерею и снаряди последней торпедой еще один корабль.

— Но ведь у нас не останется больше кораблей, — попробовал возразить Тихо Вег.

— Победа! Любой ценой победа! Корабль пришлют за нами, как за героями войны распада, с победившего континента «высших».

— Повинуюсь, — сказал Тихо Вег, украдкой взглянув на Алу Вег.

Но та сидела с опущенной головой и повисшими руками.

И Тихо Вег отправился снаряжать еще один корабль-торпеду.

Однако этот второй корабль-торпеда тоже был сбит ракетами «культурных», защищавших Фобо.

А с Деймо была выпущена вторая партия защитных ракет, чтобы отбить еще один сверкавший в лучах Сола корабль, который мог быть тоже начинен зарядом распада.

И оба эти корабля — и с Фобо, и с Деймо — взорвались почти рядом в пустынях Мара. На месте их взрыва сначала поднялись уродливые грибы на дымчатых ножках, а потом, когда дым рассеялся, сверху можно было увидеть кратеры в пустынях Мара, которых не было прежде.

— Как удивились бы звездоведы, — упавшим голосом сказала Ала Вег, — если бы обнаружили на Маре подобные кратеры.

Тихо Вег никак не реагировал. Он едва вернулся из Центрального пульты, запуская ракеты защиты, а теперь почувствовал себя совсем плохо. Ему казалось, что в кораблях погибли летевшие к ним дети.

Начинался бред.

СУД

Куций Мерк, скрывшись в глубокой заброшенной шахте, уцелел во время взрыва распада. Грохот вверх давно утих.

Под ногами было сыро. Сверху, словно отсчитывая мгновения, падали капли. Куцию казалось, что они отмеряют бесконечное время. Он сидел без сил и мыслей, в дремоте или обмороке.

И только голод заставил его подняться на ноги. Но он боялся увидеть то, что ждало его наверху, боялся даже представить себе это.

Звонко падали капли — единственные звуки, говорившие, что мир существует. Мир? Какой мир? Мертвых луж и мертвых капель?

Жгучий голод погнал Куция по скользким металлическим скобам. Некоторые из них качались. Куций мог сорваться на дно колодца. И все было бы кончено...

Но металлические скобы выдержали.

Далеко вверх — синий кружок. Странно! Лачуга Нептов построена прямо над стволом шахты.

Небо! На нем звезды! Неужели ночь?

Куций продолжал подъем. Кружок вверх становился больше и светлее, звезды постепенно исчезали. Но вовсе не потому, что наступал день. Просто сказывался «эффект затененной трубы», когда из колодца днем видны звезды. Круг над головой рос — и они исчезали. Куций выбрался на поверхность.

Светило Сол было в зените. Никакой хибарки Нептов не существовало. Очевидно, ее смело, когда на плечи Куция сыпались камни.

Фаэт огляделся — и замер. Не только хибарки Нептов не было — не осталось ни одной лачуги круглоголовых. Все вокруг превратилось в грандиозную свалку мусора, жалкого скарба, сломанной мебели и битого щебня. Вдали косо торчала зубчатая стена.

Куций побрел к ней. И сразу же наткнулся на первые трупы. Фаэты были убиты ураганом, пронесшимся после взрыва распада. Многие были погребены под развалинами лачуг, многих пронесло по воздуху и разбило о препятствия.

Так случилось со стариками Нептами. Куций узнал их изуродованные тела по одежде. Головы были раздроблены, разглядывать лица он просто не смог.

Тела, обмякшие, бесформенные, валялись всюду, как после древней сечи.

Озноб пробежал у Куция Мерка по спине. Он достаточно много слышал об оружии распада, но никак не мог представить себе, что после взрыва все так выглядит.

Стена, до которой он дошел, оказалась частью огромных мастерских в пригороде Города Неги. Здание рухнуло, похоронив и машины, и фаэтов подле них. На его месте уродливой грудой высился холм битого камня.

Неужели никто не уцелел?

Тяжелыми ударами бились в груди Куция Мерка два сердца, стдаваясь в висках. Для чего только зажило раненое?

Сам не зная зачем, может быть, чтобы встретить хоть кого-нибудь живого, Куций побрел по Городу Неги.

Голод, заглушенный первым ужасом, дал о себе знать. Ум Куция был потрясен, а инстинкт разыскивал в грудке щебня съестное.

Два гороподобных вала серыми барханами вздымались по обе стороны бывшей улицы. В одном месте под оплавленными камнями ему почудились банки, он стал разрывать груды и наткнулся на торчащую руку. Он не мог заставить себя продол-

жать раскопки и пошел дальше между дюнами посыпанного пеплом щебня.

У него было ощущение, что он бредет среди грандиозной свалки строительного мусора.

Куций никогда не думал, что разрушения могут быть столь полными. Нельзя было даже различить контуры былых строений. Найти в свалке камней что-нибудь съестное нечего было и думать.

Голод герзал Куция. И это сочетание ужаса с муками голода было противоестественным. Он был сам себе противен.

Однако чувство еще более сильное, чем голод и ужас, начало овладевать Куцием.

Кто виноват в содеянном? Кто сделал войну распада целью своего учения, кто превратил Даньджаб в такую посыпанную пеплом пустыню?

Лютая ненависть к диктатору Яру Юпи овладела Куцием, переполнила все его существо, затмила все, что он знал, даже условия Великого Круга владельцев о развязывании войны распада, переданные им когда-то Добру Мару. Куций Мерк не справился со своим заданием! Пульт автоматик остался цел. Яр Юпи первым начал войну распада!

Взобравшись на конус щебня, Куций увидел океан. Берег его был изуродован гигантским кратером, залитым теперь морской водой. Очевидно, торпеда распада взорвалась в порту. Огромную воронку окружал кольцевой вал, засыпавший часть руин. Должно быть, тучи песка и ила взмыли во время взрыва со дна в воздух, а потом выпали высушенным пеплом на развалины.

Ненависть, ужас и безысходность гнали Куция все дальше. Капризы взрывной волны причудливы. В одном месте он снова заметил гладкую стену с дырами окон и бесформенными пятнами. Подойдя ближе, Куций различил груды железного лома, вдавленного в стену.

Он видел перед собой остатки пароката, проезжавшего здесь во время взрыва.

Рядом на оплавленном камне были различимы светлые пятна, отдаленно напоминавшие фигуры фазтов.

Куций передернул плечами: «Белые тени прохожих!» Сами прохожие испарились от немыслимого жара, а на месте их теней, упавших от звезды, вспыхнувшей на месте взрыва, стена менее оплавлена — на ней более светлые силуэты тех, кто еще недавно жил...

Куций не выдержал. Он побежал обратно. Под ноги ему попался камень и покатился по хрустящему шлаку мостовой. Разбитая банка с чем-то съедобным! Он поднял ее. Внутри оказался уголь. Небывалый жар обуглил все ее содержимое, превратив в черную слитную массу.

Куцию хотелось добраться до центральных кварталов. Но он уже знал, что увидит там: тени на стенах, если камни не свалены в бесформенные кучи, и валы, валы щебня...

И тогда Куций принял решение. Пережитое помutilo его сознание. Ни один фазт в здравом рассудке не решился бы выполнять сумасбродный, зародившийся в его воспаленном мозгу план.

Куций знал, что обречен — смертоносные лучи давно уже

пронизали его тело. Скоро это скажется. Времени оставалось совсем немного. Надежды выжить — никакой! Да и не было охоты жить среди мертвецов.

Однако он считал себя обязанным выполнить последний долг.

С присущим ему упорством он пошел назад через груды щебня, чтобы выйти к Великому Берегу, где океанская волна еще так недавно свела Аве и Маду.

Чем дальше от места взрыва, тем больше было надежды найти что-нибудь съестное. Домашняя ящерица с обугленной кожей лежала под стеной совсем так, как трупы Нептов. Ласковая, быстрая, ловкая ящерица была, конечно, общей любимицей в погибшей семье.

Куций горько усмехнулся. Сверхофицер Охраны Крови встретил его на корабле, обозвав пожирателем падали. Думал ли он, что окажется прав?

Только ночью добрался Куций до Храма Вечности, вернее до горы камней, лежавших на его месте. Если причиной взрыва был его «горб», то в воронке можно отыскать вход в подземелье.

Куций был уверен, что энергосистема выведена из строя и автоматы дверей не действуют.

Он оказался прав в одном и ошибался в другом.

Только утром удалось ему отыскать вход в глубокий коридор, где произошел взрыв. Галерея была менее завалена камнями, чем все вокруг, поскольку газы вырвались из нее, как из ствола орудия.

Иступленная воля Куция помогла ему откопать этот вход в подземелье, где он был «убит» Ярм Альтм.

Став прежним Куцием, разведчик крался вдоль стен, освещая путь карманным фонариком. Но вдруг яркий свет зажегся сам собой. Это и обрадовало Куция Мерка и вместе с тем испугало. Если энергопитание глубоких помещений действует, ему не пройти сквозь закрытые стены. Но диктатор Яр Опн жив! Он продолжает слать на Данджаб торпеды распада. Куций Мерк не имел права отступить.

Глухая стена встала перед ним. Когда Куций выползал отсюда наружу, стены были раздвинуты, значит, это другой путь, очевидно ведущий в глубинное Логово диктатора.

Тщетно пытался Куций Мерк раздвинуть стены, протискивая в щель подобранный им наверху кусок металла.

Холодный пот выступил у него на лбу. Он не мог отступить, не мог! И он вперил полный ненависти взор в спиральный орнамент проклятой стены.

И стена раздвинулась.

Куций был искушен в технике автоматов, запоминающих биотоки мозга. Он сразу понял, что они программировались на особенно яркую черту характера избранных фазтов. Для самого Яра Опн, которому, конечно, должны были повиноваться все автоматы, такой подавляющей все остальные чертой была НЕ-НАВИСТЬ. Ей подчинялись и Кровные Двери, настроенные и на доброту Мады и ее няни. Но у Куция сейчас ненависть, видимо, не уступала диктаторской. Вот автоматы Логова и срабатывали.

Куций побежал по освещенному коридору. Всякий раз, когда

стена преграждала ему путь, ненавидящий взгляд Куция раздвигал ее.

После крутого спуска коридор делал поворот, выходя в просторное помещение, напоминавшее дворцовый зал со сводчатым потолком. В нем не было никакой мебели, кроме высокого шкафа со светящимися вертикальными прорезями.

Навстречу ринулись два огромных робота с кубическими головами и многосуставными щупальцами.

Куций догадался, что он у цели. Бункер диктатора!

Ненависть делала Куция Мерка непобедимым. Он сам бросился навстречу роботам, приказывая им следовать за собой. И роботы повиновались, запрограммированные на подчинение главному чувству диктатора.

Куций Мерк остановился перед шкафом-секретарем, не допуская мысли, что тот может послушаться.

— Открыть дверь в кабинет! — приказал он, вперив взгляд в светящиеся щели машины.

Техника фазтов была столь совершенна, что улавливала их настроения. Эта высота развития оказалась и ее уязвимой стороной.

Шкаф-секретарь, сделанный в Даньджабе, был всего лишь машиной, всегда послушной воле своего владельца, диктатора Властьмании. Эту волю он узнал теперь в Куции и подчинился ей.

Дверь в кабинет Яра Юпи открылась. Яр Юпи вскочил из-за стола и перепуганно уставился на коренастого незнакомца с шеей борца и усмехающимся лицом.

— Кто ты? — крикнул диктатор и весь передернулся.

— Судья, — холодно ответил Куций, наступая на диктатора.

Если бы Яр Юпи не боялся так панически живых фазтов, удалив их от себя, план Куция был бы невыполним. Но сейчас все получилось так, что Куций оказался с диктатором лицом к лицу.

Осипшим от страха голосом Яр Юпи закричал:

— Роботы! Роботы охраны!

Роботы вбежали, готовые к действиям.

— Скрутите ему руки, — с ненавистью приказал им не диктатор, а Куций Мерк.

Яр Юпи негодовал, лягался, визжал, приказывая роботам подчиниться ему, но в его излучении мозга преобладал страх, а не знакомая роботам ненависть.

Роботы бездумно скрутили диктатору руки.

— Ты величайший преступник всех времен! — возвестил Куций Мерк, встав перед связанным диктатором. Он считал себя единственным уцелевшим, действующим от имени всех погибших. — Во мне — ненависть всех жертв твоего преступного ученья, целью которого ты сделал уничтожение, а смыслом — ненависть. Но есть ненависть еще большая, чем твоя. Эту ненависть я обрушиваю на тебя от ИМЕНИ ИСТОРИИ РАЗУМА!

— Молю о пощаде, — заныл диктатор Яр Юпи. — На Фаэне мало осталось в живых. Я буду скромно трудиться, как последний круглоголовый, признаю Учение Справедливости, стану разводить цветы. Ты взгляни только, какая у меня выведена

красота! Подойдем к нише, познаем вместе аромат этих цветов.

— Замолчи. Я не дам тебе издохнуть от запаха собственных цветов. Готовься к самой позорной казни. Я включу все экраны и на глазах твоих сообщников **ПОВЕШУ ТЕБЯ**.

Куций Мерк сорвал занавеси, скрывавшие экраны. Экраны включились. Перепуганные военачальники и члены Совета Крови беспомощно взирали с них.

Куций деловито оторвал от занавеси шнур, ловко сделал на нем петлю и, вскочив на стол, приладил веревку к крюку, на котором висел освещающий стол светильник. Петля прищлась как раз под самой лампой. Пришлось сдвинуть в сторону стол.

Потом Куций, как безвольную куклу, поставил приговоренного, трясущегося от страха Яра Юпи на диктаторское кресло.

Роботы отошли в сторону, безучастно взирая на происходящее. Куций заметил, что на некоторых экранах военачальники прикрывали глаза рукой, а с некоторых фазты, откинув балахоны, со злорадством наблюдали за казнью.

— От имени Истории, — объявил Куций Мерк и выбил из-под ног диктатора его кресло.

Добр Мар лишь временами приходил в себя, полулежа в столь неудобном для такой позы правительском кресле.

Все экраны в бункере были черны, не работали. Тускло горели светильники запасного освещения.

Около правителя продолжали суетиться военачальники и замученная сестра здоровья. Ее звали Вера Фаз. У нее наверху погибли все родные: отец, мать, муж, трое девочек, все, кроме улетевшего с космической экспедицией на Зему сына. Вера Фаз была в отчаянии. Она черпала силы лишь в уходе за больным правителем.

Добр Мар потерял дар речи. Ни язык, ни правая рука, ни нога у него не действовали. Он мог общаться только взглядом. Его понимала одна Вера Фаз.

Иссохшая, поседевшая за последние часы, с заплаканными глазами, она не потеряла ласковости прикосновения и задушевного голоса врача, на которые реагировал правитель.

Его некому было заменить. «Друг правителя», который по закону должен был сделать это, погиб наверху, как и миллионы фазтов.

Военачальники через Веру Фаз доложили правителю, что запасы торпед израсходованы. А на континент продолжают сыпаться торпеды «варваров», не оставляя на нем ни одного живого места.

Правитель Добр Мар сделал усилие двинуться. Сестра здоровья заглянула ему в глаза, силясь прочесть его мысль.

Подошел начальник оружия распада, хромоногий, безобразный горбун, которому было доверено страшное средство нападения потому, что он был известен своей трусостью и нежеланием принимать собственные решения. Вот и сейчас он во что бы то ни стало хотел получить письменное согласие правителя на

взрыв последней, но сверхмощной подводной установки распада, которая была когда-то доставлена под руководством Куция Мерка к Великому Берегу, почти в то место, где катались на волнах Аве и Мада.

Добр Мар не понимал пышно разодетого генерала, а тот, срываясь на фальцет, убеждал сестру здоровья:

— Уничтожение глубинного Логова диктатора — единственное спасение. Такова была воля Великого Круга.

Добр Мар устало закрыл глаза.

— Он согласен! Согласен, — обрадовался генерал-горбун.

Но Добр Мар снова открыл глаза и, сисяя что-то сказать, смотрел на свой стол.

Вера Фаз взяла с него какие-то пластинки с письменами и поднесла их к его глазам.

При виде одной из них Добр Мар опустил веки.

Вера Фаз показала пластинку горбатому генералу.

— Это мне известно! — петушиным голосом закричал тот. — Почтенный старец Ум Сат, изобретя оружие распада, хотел ограничить его применение и запугивал фазтов якобы возможным взрывом всех океанов планеты.

Добр Мар закрыл глаза.

— Правитель Добр Мар согласен? — допытывался карлик-генерал. — Сестра здоровья может подписать от его имени документ, разрешающий взрыв подводной установки распада?

— Как же я могу сделать это, если правитель сам напомнил о предостережении великого старца?

— Наивная выдумка! Будто бы вся вода океанов под влиянием сверхсильного взрыва разом взорвется, выделив энергию, как при взрыве сверхновой. И будто в некую крохотную сверхновую звезду превратится вся наша планета.

— Разве не страшно? — спросила сестра здоровья.

— А что может быть страшнее того, что уже произошло? Надо остановить диктатора Властьмании любой ценой. Подводный взрыв у Великого Берега вызовет землетрясение, разрушит там глубинный бункер. В океане вал достигнет неба и обрушится на место Логова, затопив его. Если сестра здоровья убедит правителя, он согласится. Для взрыва нужен его письменный приказ. Только он ответствен за все.

Сестра здоровья вгляделась в мутные глаза больного. Тот закрыл их.

— Он согласен, наконец-то согласен! — завопил генерал, схватив безжизненную руку правителя, приложил ее к пластинке.

— Взрывать! — тонким голосом закричал карлик и, волоча ногу, выбежал из кабинета с пластинкой в руках.

Его провожал испуганным взглядом Добр Мар. Он что-то хотел сказать и не мог.

Сестра здоровья спохватилась, пыталась остановить генерала, но правителю стало худо, его снова стало рвать, и ей пришлось помогать больному, вытирая перекошенное гримасой, покрытое каплями пота лицо.

Карлик вернулся. Приказ был передан. Взрыв произойдет...

— Я ни за что не отвечаю! — фальцетом выкрикнул он.

ЗВЕЗДА НЕНАВИСТИ

Всякая сестра здоровья несет в себе черты матери.

Стремление помочь больному, материнское отношение к страдающему существу, по-детски беспомощному, а потому близкому, даже родному, боролись теперь в Маде с острой, неоправданной, как она считала, тоской по дому.

Не понимая этой тоски, отвергая ее, она самоотверженно ухаживала за Умом Сатом, жизнь которого едва теплилась.

Обросший седой бородой, с проникновенными, тоскующими (конечно, по Фазне!) глазами, он недвижно лежал на диване. Его болезнь задерживала возвращение «Поиска», разжигая в Маде и ее товарищах тоску по Фазне.

Но как сестра здоровья она должна была стать выше собственных переживаний, и она ухаживала за стариком, стараясь победить его неведомую болезнь, спасение от которой, быть может, было в скорейшем возвращении. Однако возвращаться с тяжелобольным Умом Сатом нечего было и думать. И Мада усердно лечила его, она была при нем не только сестрой здоровья, но даже душеприказчиком. Открывшись ему в своей тоске по Фазне, она услышала в ответ страшное признание старца о возможном взрыве всех океанов Фазны в результате войны распада. Мада содрогнулась, зажмурилась и протестующе замотала головой.

Приняв на себя часть тревог старца, она облегчила его состояние, уверяя, что до такой катастрофы дело дойти не может и они еще вернутся на свою Фазну, где их так ждут.

По поручению Мады Аве и Гор Зем уходили в лес на охоту. Она не позволяла трогать запасы, предназначенные на обратный путь.

Обратный путь! Это было целью, мечтой, страстным желанием не только одной Мады.

Тони Фаз по ее указанию бесшумно находился около аппаратов электромагнитной связи, которая по странной причине прекратилась. Оборвалась нить, связывающая «Поиск» с родной планетой. Мада утешала Тони Фаз, что виной всему атмосфера Земы, не пропускающая электромагнитных волн с Фазны и Мара.

Тони Фаз бредил возвращением. Он не знал сна. Иной раз, задремав у аппарата, он просыпался в холодном поту, то слыша голос матери, Веры Фаз, зовущей его, то голос Алы Вег, смеющейся над ним. Однако аппараты молчали. Бывало, что Тони Фаз не выдерживал. Тогда ласковая рука Мады ложилась ему на вздрагивающее плечо, и ее спокойный, мягкий голос убеждал, что состояние атмосферы Земы изменится, надо ждать, и он услышит желанный сигнал.

Но Ума Сата нельзя было так утешить. Мада знала его мысли о войне распада, терзавшие его еще до отлета с Фазны.

По той же причине был мрачен и Аве.

Теперь это был уже не тот впечатлительный юноша, который так поразил Маду на океанской волне. Он изменился и внешне и внутренне. Отпустив на Земе усы и бороду, он выглядел много старше, спокойнее, увереннее, сильнее.

Мада знала, что, посылая мужа на охоту, она толкает его навстречу опасностям. Но, думая обо всех, она не могла поступать иначе, верила в его силу, ловкость, отвагу.

Поэтому, когда Аве принес однажды, помимо отбитого у хищника оленя, еще и пятнистую шкуру с замершей в оскале пастыш, Мада не удивилась, сочла это естественным.

Аве был мрачен. Он ничего не говорил Маде, но она все знала! И она боялась не столько того, страшного, что где-то там, далеко, может произойти, сколько за своих «детей», которых здесь опекала, хотя этими детьми были Аве, сам Ум Сат, Тони Фаз, Гор Зем.

Огромный длиннорукий и сутулый фазт не менее тяжело, чем другие, переживал разлуку с родной планетой. Первобытный образ жизни, который они с Аве, как основные добытчики, вынуждены были здесь вести, был неприятен и даже оскорбителен для талантливого инженера.

Бродя среди сросшихся стволов в чужепланетном лесу, Гор Зем не переставал строить грандиозные планы технических свершений, которые некому было здесь исполнять: не было ни мастерских, ни помощников, а потому не могло быть прогресса, цивилизации.

Вокруг простирался чужой, первозданный лес. Иной раз мелькнут в нем рога или пятнистая шкура хищника. Кто кого?

Гор Зем упрямо мотал головой. Нет! Такая жизнь не для него. Не хочет он уподобиться своим предкам с дубинами и каменными топорами, как бы ни походил на них внешне. Он не уподобится дикарям эпохи камня. Пусть другие фазты колонизируют иные планеты, а он вернется к мастерским, парокатам, ракетам и небоскребам!..

Ясной звездной ночью, отчаявшись услышать сигнал электромагнитной связи, Тони Фаз стал искать среди звезд тусклую Фазну, словно надеялся увидеть световой сигнал.

И он увидел его!

Молодой звездовед не поверил глазам, кинулся к звездной карте: туда ли он смотрит. Нет, ошибки не было. Фазна должна была проходить именно это созвездие. Между Альтом и звездой Вег.

Очевидно, маленькую звездочку затмила яркая вспышка сверхновой. Где-то неимоверно далеко, за пределами галактики, произошла очередная космическая катастрофа, и свет взорвавшейся когда-то звезды наконец дошел и до Сола и его планет. И лишь случайно сверхновая затмила Фазну. Теперь нужно ждать, когда планета, совершающая по небосводу не сходный со звездами замысловатый путь, выйдет из сияния сверхновой и загорится в стороне своим обычным слабым, но таким родным, зовущим светом.

Однако сверхновая, сияя ярче всех остальных светил, если не считать дневного Сола, словно не желала отпускать Фазну. Она перемещалась по небосводу не как звезда, а как... планета.

Дух перехватило у Тони Фаз. Он принялся будить Гора Зема, но тот никак не являлся, только рычал во сне.

Прислушался Аве Мар и прильнул к окуляру прибора.

Да, в ночном небе горела необыкновенно яркая звезда. Ее было отчетливо видно и простым глазом, она была украшением ночи. Но что-то было в ее сиянии, что заставляло у Тони Фаз тревожно биться сердце.

Аве все понял сразу. Он давно носил в себе доверенную ему Умом Сатом тайну о таящейся в океанах опасности. И вот теперь...

Из большой каюты, где спал Ум Сат, появилась Мада. На ней не было лица. Она пока лишь подозревала, но, взглянув на мужа, поняла все.

— Милый Тони Фаз, — сказала Мада. — Приготовься к самому худшему. Скажи, твоя новая звезда движется по небосводу, как должна двигаться Фазна?

— Непонятно, но это так.

— Фазны больше нет, — мрачно сказал Аве Мар и обнял за плечи Маду.

— Вернее, нет прежней населенной Фазны, — поправила Мада. — На ее месте ненадолго зажглась звезда.

Тони Фаз смотрел на Маду и Аве испуганными глазами, он снял очки и стал тщательно протирать их.

— Как так нет Фазны? А как же мама? — Молодой звездовед совсем по-детски смотрел на Маду, словно она должна была рассеять страшный сон. — Почему ненадолго зажглась? Да нет! Просто они нашли способ дать нам сигнал?

— Милый Тони Фаз! Это действительно сигнал нам...

— Я же говорил! — обрадованно воскликнул молодой фазт.

Аве стоял с опущенной головой.

— Сигнал, что нам некуда возвращаться, — через силу выговорил он.

— Что тут происходит? — послышался раскатистый бас Гора Зема.

Аве Мар вобрал в легкие воздух.

— Война распада, которой мы все так страшились, очевидно, произошла на нашей несчастной, Фазне. И ее цивилизация покончила самоубийством.

— Что за редкостная чепуха! — закричал Гор Зем. — Оставьте в покое нашу цивилизацию. Она подар-рила нам все, что мы здесь имеем.

— Этого слишком мало, чтобы продолжать здесь жизнь.

— Вот уж чего не собираюсь!

Тони Фаз бросился к своему другу, как тогда, в пещере...

— Они говорят, что... — всхлипывая, как ребенок, говорил он, — что на Фазне погибла жизнь, что планета временно вспыхнула как звезда.

— Это невозможно, — спокойно возразил инженер. — Тут какая-нибудь ошибка наблюдения. Война р-распада может погубить все население планеты, не спорю. Но не в состоянии уничтожить планету как космическое тело. Масса есть масса, она не исчезает. И что такое — временно вспыхнула?

Мада вопросительно посмотрела на Аве.

— Надо спуститься к Уму Сату, — сказал тот. — Еще на Фазне он доверил мне тайну одной из реакций распада вещества. Если в морской глубине произойдет взрыв необычайной силы и уровень тепла повысится до критического предела, то

вся вода, собранная в океанах, разом распадется на кислород и водород, а гот превратится в гелий, освободив при этом столь большую энергию, что планета на время этой реакции вспыхнет как звезда.

— Пр-роклатье! — прошептал инженер.

— Ум Сат предупредил об этом и правителя Добра Мара, и диктатора Яра Юпи. Очевидно, его не послушали.

— Если взор-рвались ср-разу все океаны, то планета должна не только вспыхнуть, — сказал инженер. — Под влиянием удара со всех сторон она должна р-расколоться на части...

— Чтобы потом развалиться, — подтвердил Аве Мар. — И через несчетные циклы ее осколки, сталкиваясь и дробясь, разойдутся по кругу на бывшей орбите Фазны.

— Как вы можете все это говорить! — сжав кулаки, закричал Тони Фаз. — Ведь там же была моя мама, мои сестренки...

— Там была и моя мать, — грустно ответил Аве Мар.

Тони Фаз зарыдал. Гор Зем притянул его к себе, похлопывая по плечу.

Аве и Мада обменялись взглядами и этим сказали друг другу больше, чем могли передать словами.

— Так вот почему не было электромагнитной связи, — сквозь рыдания говорил Тони Фаз. — Там началась война.

— И на базах Мар-ра? — громыхнул Гор Зем.

— Может быть, и там тоже, — печально подтвердил Аве Мар.

— Нет, нет! — запротестовал Тони Фаз, испуганно смотря на Аве мокрыми от слез глазами. — Там этого не может быть! Аве пожал плечами.

— Там тоже фазы.

— Там Ала Вег! — крикнул Тони Фаз. — Она не такая.

— Успокойся, Тони Фаз, — ласково сказала Мада. — Я думаю, нам все-таки нужно сказать Уму Сату о гибели Фазны.

— Жалкие пожир-ратели падали! Как могли они не сбер-речь того, что имели? Они погубили миллиар-рды жизней! Насколько выше, гуманнее местные фазтообр-разные!

Крича это, Гор Зем в ярости метался по кабине наблюдения.

— Успокойся, друг Гор Зем, — сказал Аве. — Трудно перенести ужас, обрушившийся на всех, кто потерял не только близких, но и...

— Гор-рода, поля, р-реки, леса, мор-ря, океаны! — взревел Гор Зем.

— Да. И океаны, — печально подтвердил Аве Мар.

Гор Зем чуть ли не с ненавистью уставился на него. Потом вздохнул и уже тише сказал:

— Да, вам легче... Вас двое.

— Нас пятеро, — сказала Мада.

— Если стар-рец перенесет удар.

— Он слишком давно готовился к нему, — ответила Мада. — Он все предвидел.

— Это я не пр-редвидел ничего. Мечтал о новых космических кор-раблях, о необычайных гор-родах на новых планетах, о необызальных машинах, которые зар-рождались в моем мозгу.

— Придется все это делать на Земе, — тихо сказала Мада.

Гор Зем загремел неестественным смехом:

— Забудьте р-р-раз и навсегда о цивилизации, забудьте

о всякой технике. Готовьте себе дубины и каменные топор-ры. Если у тебя будут дети, ты не сможешь их научить чему-нибудь, что знали несчастные фазты. Цивилизация — это мастер-рские, фазты, котор-рые р-работают в них. Цивилизация — это письмена, хр-ранящие сокр-ровища мысли. Всего этого больше нет, нет, нет! И быть здесь уже не может!

Инженер был в иступлении. Его молодой друг был испуган этим приступом ярости, но внимание его было отвлечено сигналом электромагнитной связи. Лампочка вызова мигала. Звездовед бросился к аппарату:

— Наконец-то! Сейчас кошмар рассеется. Видите, они заботятся о нас, хотя сообщать, что вспыхнула сверхновая, и совсем не на Фазне. Как только мы могли предположить!..

Фазты следили за Тони Фаз, и каждый старался сохранить хоть капельку надежды.

Наконец в кабине зазвучал грудной голос фазтессы. Тони Фаз сразу узнал его, это был голос Алы Вег:

«Поиск»! «Поиск»! «Поиск»! Слышите ли вы меня? Нет большего несчастья, чем то, что свершилось. У нас всех нет больше родины. Планета Фазна взорвалась по непонятной причине, хотя еще недавно была цела, несмотря на бушевавшую на ней войну распада. «Поиск»! «Поиск»! «Поиск»! Военные действия между Деймо и Фобо прекращены. Если вы тоже воевали между собой, то прекращайте борьбу. Нет больше «культурных», нет больше «высших», есть лишь три горсточки несчастных фазтов, лишенных родины. Живы ли вы? Хотя бы вы были живы! Можно ли жить на Земе?»

Аве Мар погасил в кабине наблюдения свет. Теперь яснее было видно звездное небо и горящую в нем новую звезду, зловещую Звезду Ненависти.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСКОЛКИ

СУМЕРКИ

В иллюминатор «Поиска» зловеще светила новая звезда.

Потрясенные фазты молчали.

Вдруг Гор Зем вскочил:

— Техника! Пр-роклтая техника! Во всем виновата она. Я, Гор-р Зем, последний из инженер-ров Фазны, пер-рвый отр-рекаюсь от ее цивилизации! В лес! В лес! В пещер-ры! Дикие фазты на дикой Земе! — гремел он, и пена появилась в уголках его губ. — Если кто-нибудь откажется покинуть р-ракету, я свер-рну ему шею. Пусть ни одна металлическая деталь не напоминает несчастным, что они были когда-то культур-рными! Насколько выше, благор-роднее звер-ри!

Друзья старались успокоить инженера, еще не допуская мысли, что у него помутился рассудок.

— Гор Зем, пойми, — убеждал Аве. — У пяти оставшихся

на Земе фазтов может быть только одна цель — не просто выжить, а сохранить цивилизацию, передать наследие разума грядущим поколениям...

— Р-разве? — зарычал Гор Зем, вперив тяжелый взгляд в Маду.

Мада смущенно отвернулась.

— После нас на Земе должны жить культурные фазты, — подтвердил Аве Мар. — И наш долг — сохранить им знания, которыми сами обладаем.

— Высокопар-ная чепуха! — взревел Гор Зем. — Я ненавижу эти слова и ненавижу все эти пр-риборы, меня бесит даже пр-рикосновение к пр-роклётому металлу.

— Гору Зему придется пересилить себя, — повысил голос Аве Мар. — Он инженер и останется инженером на Земе до конца дней.

Гор Зем захохотал:

— Чтобы твои сыновья научились у меня делать ор-ружие из стенок р-ракеты? Чтобы они убивали сначала звер-рей, а потом себе подобных?

— Никогда фазты Земы не будут убивать фазтов! — возмутился Аве Мар. — Самое страшное, если мы сейчас согнемся от горя. Нет! Только энергия, вера в себя и выдумка смогут спасти осколок расы фазтов.

— Р-ради чего? — мрачно спросил Гор Зем.

— Ради торжества разума!

— Опять высокопар-ные слова! Чего ты хочешь?

— Чтобы ты продумал, в каком строении будут жить фазты в лесу, какие аппараты и детали надо перенести отсюда в новый дом и как постепенно разбирать ракету — единственный источник металла на Земе.

— Разбирать? — испуганно переспросил Тони Фаз.

— Да, — подтвердил Аве Мар, — космический корабль уже не понадобится. Фазты станут делать из его стенок топоры, ножи, наконечники копий и стрел. Металла для этой цели хватит на много поколений. К тому времени ученики Гора Зема и их потомки научатся отыскивать здесь руду и выплавлять металл. Цивилизация должна сохраниться!

Мада с восхищением посмотрела на мужа. Сколько раз он вставал перед нею совсем иным, все более сильным и твердым, знающим путь, каким идти!

— Гр-язный себялюбца! — взревел Гор Зем. — Он хочет заставить нас служить своим еще не р-родившимся отпр-рыскам! Хватит с меня бездумного служения диктатор-ру, котор-рый стремился к войне р-распада и р-развязал ее. Нет! Я не потер-плю здесь никакой власти над собой! Я не желаю выполнять ничьих указаний, тем более «повелений» отпр-рыска пр-равителя Данджаба.

— Гор Зем, дорогой, — мягко вмешалась Мада, кладя руку на его огромную волосатую кисть. — Подумай, что ты говоришь. У нас здесь нет ни диктаторов, ни правителей, ни их детей. Есть лишь фазты, объединенные общим горем и судьбой. Не ты ли мечтал о мастерских на Земе? У тебя будут здесь мастерские, в которых будем работать мы, твои това-

рищи, а потом... — Она посмотрела ему в глаза и добавила: — Я выращу тебе помощников.

Гор Зем насупился, недобро смотря из-под вздыбленных бровей. Материнский тон Мады немного успокоил его. Но ненадолго. Скоро он снова впал в бешенство и, уже не слушая никого, стал ломать рычаги управления кораблем, согнул их, с силой вырвать из гнезд.

Чтобы спасти фазтов, а также и самого безумца, и сохранить в целости оборудование корабля, Мада распорядилась запереть Гора Зема в переходном шлюзе, которым пользовались для выхода из корабля в космос.

Шумная борьба с силачом Гором Земом отвлекла фазтов от общего несчастья. Близкое заслонило далекое. И только после того, как люк задраили за Гором Земом, Аве Мар и Тони Фаз, обессиленные и опустошенные, упали в кресла у пульта. Тяжело дыша, они уныло смотрели перед собой.

Мада хлопотала около аптечки. Она решила сделать Гору Зему укол и вызвать шок, который привел бы его в чувство.

Однако ей не удалось этого выполнить. Все попытки войти в шлюз к больному лишь вызывали у того новые приступы буйства. Даже пищу ему не удавалось передать.

Так горестно начались первые дни вечного изгнания фазтов. Внизу, в общей каюте, умирал виднейший ученый Фазны, сверху, в шлюзе, бесновался последний оставшийся инженер.

Тони Фаз совсем пал духом.

Во время очередного сеанса электромагнитной связи с Деймо он снова услышал голос Алы Вег. Он был далеким и печальным. Ала Вег говорила о бесцельности существования, о тяжелой болезни мужа, о том, что ничто не изменилось и начальник базы по-прежнему ненавидит чету круглоголовых. Она сказала, что презирует жизнь. Ей страшно подумать, какое расстояние разделяет их с Тони Фаз. Стоит ли жить? И она предложила Тони Фаз одновременно с нею покончить с собой во время следующего сеанса связи.

И Тони Фаз не выдержал, согласился. Он похитил из аптечки Мады баллончик с дурманящим газом, большая доза которого была смертельна. Подышав немного, он впал в блаженное состояние, не мог стоять на ногах, качался, пел глупую песенку про ящерицу, которая сама съедает собственный хвост, потом свалился и уснул. Мада догадалась, в чем дело, нашла у него спрятанный баллончик и отняла его. Когда он проснулся, ему пришлось убедиться, что Мада умеет разговаривать отнюдь не ласково.

Тони Фаз впал в апатию. Все вокруг казалось ему тоскливым и унылым. Даже сама природа изменилась. Красочных закатов на Земе не стало. Ночь сменялась тусклым днем. Не переставая моросил дождь, и клочковатая серая пелена цеплялась за верхушки деревьев на уровне иллюминаторов кабины управления. Золотых яблок в лесу не осталось.

Сумерки спустились на Зему, напоминая фазтам их родную сумеречную планету.

Уныние и тоска, казалось, могли бы убить во всех фазтах желание жить, как это случилось с Тони Фаз.

Однако Мада, в которой природа пробудила ответственность

за всех, и больных и здоровых, не могла предаваться отчаянию. Надо было выхаживать Ума Сата, всех накормить, приглядеть за Тони Фаз, ласковым взглядом ободрить Аве.

Аве Мар держался достойно. У него были обязанности, которые некому, кроме него, было выполнять: надо было охотиться в лесу. Гор Зем не мог теперь помогать ему. Аве уходил из корабля, оставляя Маду в вечной тревоге, но всегда возвращался засветло и с добычей. Волею обстоятельств ему, страстному стороннику сохранения цивилизации погибшей Фаэны, приходилось вести самый первобытный образ жизни. Огнестрельным оружием он перестал пользоваться, сохраняя боеприпасы для более ответственных случаев. Он смастерил себе лук и тренировался, выпуская стрелы. Используя свою природную силу, он так натягивал тетиву лука, что стрела с самодельным металлическим наконечником насквозь пробивала толстую ветку дерева.

Однажды Аве Мар принес пронзенную стрелой большую жирную птицу. Оберегая покой Ума Сата, звездонавты собрались в кабине управления, тихо переговариваясь. Мада принялась неумело ощипывать охотничий трофей, радуясь, что из него можно приготовить хороший бульон больному.

Тони Фаз налаживал аппаратуру электромагнитной связи, рассчитывая на сеанс, о котором договорился с Алой Вег. Мада предупредила его, что, если и дальше он будет себя глупо вести, она запретит поддерживать связь с Деймо. Тони смущенно опустил голову.

Аве Мар, расслабив мышцы, отдыхал от нелегкого дня, проведенного под дождем в лесу.

Мада оглянулась на иллюминатор и вскрикнула. Снаружи смотрела оскаленная морда фаэтообразного. Плечи и грудь его были покрыты выющейся шерстью, из-под которой просвечивала кожа. Безумные глаза не выражали никакой мысли.

Только Аве Мар сразу понял, что перед ним спускающийся по веревке Гор Зем, а вовсе не забравшийся сюда зверь. Очевидно, безумец изорвал на полосы свою одежду и свил из них веревку. Открыв люк для выхода в космос, он выбрался наружу и теперь спускался по оболочке корабля.

Аве Мар, стремясь обогнать его, бросился к переходному люку, пронесся через общую каюту и исчез в нижнем шлюзе. Он скатился по вертикальной лестнице, едва задевая руками за перекладины.

Но как ни проворен был Аве Мар, у Гора Зема было преимущество во времени.

Аве Мар еще только выбирался из нижнего люка, а беглец уже повис на конце самодельной веревки. Ни один здравомыслящий фаэт не рискнул бы спрыгнуть с такой высоты. Но безумец не рассуждал. Он свалился наземь, промелькнув перед Аве Маром, подскочил вниз, как на пружинах, и побежал к лесу.

Гор Зем, ни в чем не отдавая себе отчета, вбежал в лес прямо на тропинку, протоптанную зверями к водопою. После дождей она раскисла, и ноги его скользили и разъезжались. Но он чувствовал только одно: за ним гонятся.

И он прыгнул в сторону, на полянку, неизвестную после дождей, покрытую мутными металлическими лужами, исчезающими в тумане. Гор Зем не подозревал, что под мокрой зеленью здесь таилось вспухшее от влаги болото. Беглец нырнул в стелющееся по траве облако и исчез.

Аве Мар, преследовавший его по пятам, остановился. Но тотчас ринулся вперед. Его ноги захлупали по жиже. Он сделал несколько осторожных чавкающих шагов и вдруг увидел в туманной дымке Гора Зема. Тот словно сел в зеленую траву. Над нею виднелся только его корпус и голова. Аве Мар не сразу понял, что Гор Зем провалился по пояс в трясину.

Еще недавно Аве Мар, житель благоустроенных городов Фазны, ездивший на парокате по великолепным дорогам, не подозревал, что можно вот так сразу провалиться по пояс в почву. В это болото Аве забрел еще несколько дней назад, когда полили дожди. Но присущая ему брезгливость, вызванная чавкающей под ногами, дурно пахнущей грязью, спасла его, заставив обойти коварную полянку с тусклыми лужами. Теперь же он не мог отступить и бросился на помощь Гору Зему. Однако ноги его сразу ушли по колено в топь. Он сделал движение, чтобы выбраться, и понял, что сам проваливается в трясину. Однако он был не так тяжел, как Гор Зем, кроме того, находился ближе к краю болота. Избегая резких движений, он сразу лег и ползком стал выбираться, как бы плывя по тонкой поверхности, покрытой мокрой травой.

Почувствовав под собой более плотную почву, Аве Мар вскочил, обернулся и увидел Гора Зема. Над травой приподнимались только его плечи и расставленные руки, которыми он цеплялся за какие-то корни. Инженер сумел повернуться к Аве Мару лицом. Из тумана смотрели его выпученные, остекленевшие глаза. Каждое движение фазта затягивало его все глубже.

Аве Мар физически ощутил его ужас и невольно остановился, но прочел в глазах погибающего такой упрек, что содрогнулся. Аве резко повернулся назад, отполз немного и, почувствовав под собой твердую почву, вскочил на ноги, добежал до ближнего дерева и сорвал свисавшую лиану.

Когда он вернулся в распластавшееся над травой облако, то с трудом различил в нем косматую голову и простертые руки.

При виде Аве Мара округлившиеся глаза Гора Зема ожили, в них мелькнули мольба, надежда, даже радость.

Аве Мар бросил тонущему конец лианы. В глазах того отразилось понимание, и он ухватился за лиану.

Теперь предстояло невероятное — вытащить такого великана, как Гор Зем, из трясины. Никакой силы Аве Мара не хватило бы для этого. Но Аве Мар вместе с лианой принес еще и отломанную от дерева корявую ветку. Он воткнул ее в твердую почку и стал наворачивать на нее лиану, как на ворот.

Поворот за поворотом он постепенно вытягивал Гора Зема. Тому удалось наконец лечь и поползти, как перед тем делал Аве. Наконец, выпачканный грязью, Гор Зем поднялся во весь рост.

— Ты неплохой инженер-р, Аве Мар-р, — сказал Гор Зем. — Благодар-рю тебя.

И эти слова были для Аве Мара важнее любого диагноза. Он уже понял, что смертельная опасность, которой подвергся в болоте Гор Зем, была необходимым нервным шоком, избавившим его от безумия. Гор Зем словно проснулся.

— Что случилось? Как я попал сюда? Р-разве мы не охотились с тобой вместе? Кто р-раздел меня? Твоя жена пр-римет меня за фазтообр-разного.

— Она будет счастлива! Ты был тяжело болен.

— Р-разве? — удивился Гор Зем. — Впр-рочем... мне снились кошмар-ры. Будто диктатор-р засадил меня в тюр-рму...

— Все позади. Не думай больше об этом. Есть задачи поважнее. Жить в ракете дальше нельзя. Приходится доставлять наверх воду и пищу. Старец не может выйти на воздух.

— Так надо выстр-роить в лесу дом.

— Признаться, я не знаю, как это делать. Я только теоретик.

— Однако теор-ретик быстро соор-разил, как соор-рудить вор-рот. С таким помощником легко сколотить в лесу дом. Я уже вижу, как нам его делать.

Мада не поверила глазам, видя, как мирно беседуют возвращающиеся Аве Мар и недавний безумец Гор Зем.

— Ничего не понимаю, — прошептал Тони Фаз. — Может быть, помочь Аве Мару скрутить его?

— Нет же, нет! — воскликнула Мада.

Чутьем сестры здоровья она поняла, что даже годы лечения и ухода могли бы не дать такого результата, как что-то произошедшее в лесу.

В лесу слышался дробный стук топоров.

Огромная сутулая самка Дзинь, отжимая длинными руками свою мокрую рыжую шерсть, подкрадывалась к месту, где могучий самец, расправившийся с Пятнистым Ужасом и многими сородичами Дзинь, убивал теперь деревья, но не ел их.

Притаившись в чаще, присев и держась передними лапами за пятки задних, она наблюдала, как он и другой, с шерстью только на голове, стучали по дереву странными палками с будто мокрыми блестящими концами. Сила самцов была так велика, что дерево валилось, как убитый зверь. Потом чужаки сдирали своими дубинками с дерева шкуру, отламывая все ветки, и дерево становилось прямым и гладким. Живой палкой, визжавшей, как побитая самка, они укорачивали дерево, потом подтаскивали его к другим, убитым прежде, и заставляли сростаться с ними.

Так они помогали подниматься с земли огромному дереву, пустому внутри. Оно походило на пещеру.

Едва чужаки кончали стучать палками, самка Дзинь скрывалась в чаще, чтобы снова прийти сюда завтра на призывный стук.

Гор Зем и Аве Мар не подозревали, что за их работой следят. Они сбивали сруб, задуманный Гором Земом без всяких металлических креплений. Работа близилась к концу. В дом, куда скоро должны были перебраться звездонавты, предстояло перенести многие приборы и аппараты с корабля «Поиск».

И вот Аве Мар и Гор Зем пришли за всем этим на корабль. Чтобы не мешать Уму Сату и не стучать в общей кабине, они сразу поднялись в рубку управления. Гор Зем с помощью Аве Мара взялся выламывать рычаги и стержни, на которых крепились аппараты электромагнитной связи.

И тут вдруг всегда тихий, деликатный Тони Фаз взъярился.

— Пусть Гор Зем и Аве Мар сначала убьют меня! — истерически выкрикнул он. — Но я не дам испортить что-либо в космическом корабле.

Гор Зем захохотал, как во время недавнего припадка безумия.

— Ты хочешь, малыш, чтобы я отплатил тебе и, скрутив р-руки, засадил бы в пустующий шлюз? Мне жаль тебя. Пойми, что никому больше не нужен мой «Поиск», я пер-вый начну ломать его. Отойди, милый Тони Фаз.

— Сначала убей своего бывшего друга!

Аве Мар удивленно обернулся к Маде.

Лицо ее было тревожно, глаза печальны.

— Пр-рочь с дор-роги! — взревел Гор Зем.

— Остановитесь, — слышался слабый голос из люка.

В кабину управления, преодолевая слабость, поднялся Ум Сат. Гор Зем невольно застыл перед Тони Фаз, так и не отодвинув его в сторону.

— Остановитесь, — повторил Ум Сат. — Космический ко-

рабль «Поиск» неприкосновенен. Все меняется в жизни фазтов. Им нужно избрать себе новый путь.

И снова Аве Мар посмотрел на тревожно печальную Маду. Гор Зем застыл в недоумении.

Тони Фаз бросился к аппаратам электромагнитной связи.

БУНТ В КОСМОСЕ

Ала Вег понимала, что ее муж умрет. Подговорив Тони Фаз вместе с нею покончить с жизнью, она приготовилась к предстоящему сеансу электромагнитной связи — похитила у Мрака Лутона пистолетный патрон с отравленной пулей.

Тихо Вег медленно умирал. Совсем облысевший, даже без бровей и бородки, он тихо лежал на койке в общей каюте Вегов и пристально смотрел на жену, словно откуда-то издалека. Ала Вег не могла выдержать этого взгляда глазниц на голом черепе и убегала от них в обсерваторию.

Она подходила к аппаратам электромагнитной связи и долго смотрела на пулю с коричневыми усиками, которую спрятала на пульте между приборами.

Она боялась, что не сможет сжать ее в кулаке, хотя где-то там, на далекой Земле, влюбленный в нее юноша Тони Фаз должен был одновременно с ней уйти из жизни. Она боялась нанести умирающему мужу этот последний удар. Противоречивые чувства терзали Алу Вег. Она не могла оправиться от сознания, что дети ее погибли. Однако звездное расстояние, которое давно отделяло ее от них, приглушало в ней теперь отчаяние. И в то же время звездное расстояние до Земли, с большим запозданием доносившее до нее голос несчастного юноши, не мешало ей кружить ему голову и даже уговаривать его покончить с жизнью вместе с нею. Но Тихо Вег был тут рядом, страдал и смотрел на нее из небытия огромными печальными глазами. Ала Вег много плакала и совсем забросила наблюдение звезд. Да и кому это теперь было нужно!..

Инженер Тихо Вег скончался в обеденное время так же тихо, как и существовал. Жена находилась подле него, бессильная чем-нибудь помочь. Его голая голова с тенями запавших глаз, обтянутая кожа лица и оскал отвалившейся нижней челюсти действительно напоминали череп.

Когда Ала Вег поняла, что мужа больше нет, припадок ярости овладел ею. Она плохо знала сама себя.

Распахивая перед собой двери, она шумно ворвалась в общую каюту, где обедали супруги Лутоны и Брат Луа. Лада Луа подносила им кушанья.

Мрак Лутон, рыхлый, обрюзгший, но напыщенный, важно восседал во главе стола.

— Я обвиняю тебя, Мрак Лутон! — с порога закричала Ала Вег. — Ты убил моего мужа Тихо Вега, заставив его снаряжать торпеду распада, даже не защищенную снаружи от смертоносных лучей заряда.

Мрак Лутон побагровел. Его обвисшие щеки надулись, маленькие глазки забегали.

— Бунт? — захрипел он. — Я не потерплю! Молчать! Кто подговорил тебя, длиннолицую, к неповиновению?

— Мой муж Тихо Вег умер. Встаньте. Почтите его память и прокляните его убийцу, который сидит во главе этого стола.

Брат Луа и Лада поднялись, Нега Лутон замешкалась, сделала вид, что ей неудобно встать с кресла, но все-таки встала. Мрак Лутон остался сидеть, бешено вращая глазами и ощупывая пистолет, который держал в руке под столом.

— Здесь нет неповиновения, глубокомыслящий Мрак Лутон, — примирительно сказал Брат Луа. — Есть только горе и отчаяние фазтессы, чего нельзя не уважать. Мы все разделяем твоё горе, Ала Вег. Инженер Тихо Вег был хорошим фазтом и сам никогда бы не стал посылать торпеды распада к станции Фобо.

— Что? Измена? Вы забыли, что вся власть в космосе принадлежит мне, преемнику диктатора Яра Юпи. Не забудьте, что мне подчинен и корабль «Поиск». Только я могу от имени Совета Крови приказывать ему вернуться, чтобы доставить всех на Зему, где мы можем всласть пожить.

— Ты ошибаешься, глубокомыслящий Мрак Лутон, — возразил Брат Луа. — На корабле нет горючего, чтобы перебросить на Зему всех нас. Не хватит его и на базе. На Фобо горючего еще меньше.

— Куда делось все горючее? Вы с инженером Тихо Вегом головой отвечали за него!

— Глубокомыслящий Мрак Лутон забыл, что инженер Тихо Вег по его приказу заправил горючим два корабля-торпеды, посланных к Фобо. Такое же безумство совершили и на базе Фобо.

— Безумство? Молчать! Как ты смеешь, круглоголовый, осуждать наместника диктатора? Я, сверхофицер Охраны Крови, остаюсь им в космосе! Ты арестован! Я пристрелю тебя, как взбесившуюся ящерицу!

— Мудрый мой супруг, умоляю, — вмешалась Нега Лутон. — Зачем пускаться в ход пистолет? После смерти нашего дорогого инженера круглоголовый остался единственным фазтом, разбирающимся в оборудовании станции. Его долг — обслуживать нас.

— Ты права, Нега. Благодарю ласковую госпожу, круглоголовый! Ты отделаешься лишь заключением в моем кабинете. Марш!

Брат Луа покорно пошел впереди начальника станции, который подталкивал его в спину дулом пистолета.

Когда оба фазта вышли из общей каюты, Ала Вег обратилась к оставшимся фазтессам:

— Разве мало гибели Фазны? Почему ее осколок должен идти тем же пагубным путем? Власть, диктат, убийства?

— Чего же ты хочешь, несчастная? Восстать против моего мужа? — вспыхнула Нега Лутон.

— Ты сама остановила его. Если он убьет Брата Луа, то среди нас нет никого, кто смог бы разобраться в механизмах станции, а Лада Луа может отказаться кормить нас. И все мы погибнем из-за твоего старого безумца.

— Не подговариваешь ли ты меня к бунту? — ядовито осведомилась Нега Лутон.

— Пусть к бунту! — истерически подтвердила Ала Вег. — Если бунт спасет нас, мы пойдем на него.

— О каком спасении может идти речь, если космических кораблей на базах нет, — упорствовала Нега.

— Есть «Поиск». Он может прилететь сюда.

— Зачем? Чтобы прибавить нам голодных ртов? Или потому, что среди звездонатов есть юнец, приглянувшийся наконец-то овдовевшей Але Вег?

— Замолчи, ядовитая змея! Додумайся своим мозгом ящерицы до того, что Брат Луа запроектировал глубинное поселение на поверхности Мара. В таком убежище там, на поверхности Мара, остатки фазтов могли бы продолжать жизнь.

— Это не жизнь, а прозябание.

— Я давно хотела сказать, — вступила Лада Луа, — что плодов в оранжерее мало. А на поверхности Мара мой муж хотел выращивать множество питательных растений. Их хватило бы не только на нас, но и на наших детей.

— О каких детях идет речь? — затопала ногами Нега Лутон. — Ты забыла, курносая толстуха, о законе, запрещающем иметь в космосе детей.

— Мой муж сказал, что теперь прежние законы недействительны. У нас будет ребенок.

— Преступники, — сразу осипшим голосом зашипела Нега Лутон. — Они хотят обездолить нас. Еды, кислорода здесь лишь на шестерых, не больше!

— Тихо Вег умер, — грустно сказала Ала Вег. — Даже если вместо него родится маленький Луа, база будет существовать. Но нужно думать о будущем. Придется спускаться на поверхность Мара.

— Ну, конечно, тебе подадут корабль, как парокат крупному владельцу, — съехидничала Нега Лутон.

— Это я беру на себя, — заявила Ала Вег. — Но прежде всего надо лишить Мрака Лутона власти.

— Что? — захлебнулась от негодования Нега Лутон.

— Ты сама понимаешь, бывшая знатная дама, что без четы Луа тебе не прожить, хоть твой муж и будет стрелять отравленными пулями во все стороны. Вы с ним оба ничего не смыслите ни в технике, ни в звездоплавании. Сейчас все должны решить мы, фазтессы.

— Что решить?

— Кто будет править базой.

— Я не предам своего мужа.

— Тогда предашь себя.

— Но он ни за что не согласится расстаться с властью. У него оружие.

— Фазтессы все смогут, если будут действовать сообща.

— Я во всем поддержу ласковую Алу Вег, — заверила Лада.

— Решайся, Нега Лутон. Тебя станут кормить и обслуживать по-прежнему только в одном случае, если ты выступишь вместе с нами.

— Но я... — все еще колебалась Нега Лутон, с ненавистью смотря на неумолимую Алу Вег.

Широко распахнув дверь, с видом победителя ввалился Мрак

Лутон. Он выпячивал огромный живот и надувал щеки, чтобы они не выглядели дряблыми.

— Мрак Лутон! — объявила Ала Вег. — Ты низложен нами с поста начальника базы!

Мрак Лутон рухнул в кресло, тараща на Алу Вег заплывшие глазки.

— Что ты сказала, безумная?

— Я говорю от имени всех фазтесс базы. Ты должен покориться нам и пойти в свой кабинет, ожидая своей участи. Брат Луа будет заниматься механизмами базы, поскольку нам нужно дышать и пользоваться энергией. Если ты сейчас убьешь кого-нибудь из нас, то тем самым обречешь на гибель и самого себя.

Нега Лутон согласна кивнула головой.

— Как? И ты, Нега? — только и мог выговорить Мрак Лутон, вперив тяжелый взгляд в свою горбоносую супругу.

— Мрак, я только забочусь о нас же с тобой. Я добилась, чтобы они обслуживали нас, кормили и обеспечивали всем необходимым. Мы будем на положении владельцев.

— Я не согласен! — заорал Мрак Лутон, выхватив пистолет. Однако выстрелить он не решался.

Ала Вег и Лада Луа наступали на него. Нега держалась позади.

Мрак Лутон нехотя поднялся и, размахивая пистолетом, стал отступать.

Так все они вышли в коридор.

Мрак Лутон, злобный, растерянный, пытался к двери своего кабинета, а две фазтессы теснили его. Нега Лутон робко замыкала шествие.

— Я еще рассчитаюсь с вами! Я уступаю из милосердия. Паршивого круглоголового выпущу вам только затем, чтобы он занялся грязной работой. Но я не слагаю с себя данной мне власти. Этого вы не заставите меня сделать!

— Мы поговорим с тобой, Мрак Лутон, завтра. А сегодня ты все хорошо обдумашь в своем кабинете.

— Но я не успел пообедать. Пусть мне принесут оставшиеся блюда сюда.

— Мы отложим твой обед до завтра. На голодный желудок думается лучше. Возможно, мы еще немного убавим кислорода, поступающего в твой кабинет. Но не сразу, потому что ПОКА мозговые клетки должны у тебя работать нормально, чтобы ты мог смириться.

— Ты не фазтесса, Ала Вег, а чудовище.

— Мой муж, которого ты убил, не согласился бы с тобой, Мрак Лутон.

— Я никого не убивал. Я верой и правдой служил диктатору и выполнял его указания. У меня был его тайный приказ на случай начала войны распада. Я ни в чем не виноват. Я могу показать табличку с письменами.

— Это когда мы будем тебя судить. А пока ты просто низложен.

Ала Вег открыла кабинет начальника и выпустила оттуда недоумевающего Брата Луа. Мрак Лутон с деловым видом, как ни в чем не бывало, вошел к себе и с достоинством уселся за стол, делая вид, что принимается за неотложные дела.

Ала Вег заперла снаружи дверь и пригласила Брата Луа в общую каюту.

— Мы должны выбрать нового начальника базы, — объявила Ала Вег.

— Зачем? — запротестовала Нега Лутон. — Я помогла вам освободить Брата Луа. Надеюсь, он поддержит меня. Я рисковала своим семейным счастьем. Вы, фазтессы, должны оценить это.

— Твой муж — преступник, убивший моего мужа ради того, чтобы в нарушение соглашения о Мирном Космосе затеять войну распада между космическими базами Мара.

— С Фобо тоже послали к нам торпеды распада, — оправдывалась за Мрака Лутона его жена.

— Мы могли защищаться, но не нападать. И тогда Тихо Вег остался бы жив.

— Ты ослеплена своим горем, Ала Вег. Я понимаю тебя сердцем фазтессы. Но можно ли ныне говорить об одной смерти, когда погибли миллиарды фазтов? Пойми, Мрак Лутон необходим нам как начальник базы. Нам нужно выжить. Командир корабля Смел Вен подчинится только его приказу, чтобы прилететь за нами.

— Разве ты забыла, что Тони Фаз сообщил нам о гибели Смела Вена? Кроме того, начальник экспедиции был не он, а Ум Сат.

— Гибель Фазны лишила меня памяти и рассудка. На что же ты надеешься, Ала Вег?

— На фазтов Земли: они не оставят нас. Но для этого Мрак Лутон должен быть низложен.

Брат Луа смущенно слушал фазтесс, не зная, что ему сказать.

— Тогда пусть начальницей базы будет ласковая Ала Вег, — предложила Лада Луа.

— Ни за что! — выкрикнула Нега Лутон.

— Успокойся, бывшая знатная дама. Я не претендую на это. Начальником базы должен быть тот, кто покажет путь фазтам к дальнейшему существованию.

— Кто может сделать это, кроме моего мужа Мрака Лутона?

— Ничтожный Мрак Лутон способен лишь на угрозы. Он даже убивать теперь не решается, боясь за свой толстый живот. Он только мразь, а не вождь будущих мариан.

— Мариан?

— Да, мариан, то есть тех фазтов, которые будут жить на Маре в глубинных городах, запроектированных Братом Луа.

— Не хочешь ли ты сказать, что начальником базы должен стать круглоголовый? — возмутилась Нега Лутон.

— Какое счастье, что супруги Лутон не смогут оставить на Маре потомков, — с нескрываемым презрением сказала Ала Вег.

— Уж не думаешь ли ты, Ала Вег, оставить потомство? С чьей помощью?

— Замолчи, злобная ящерица! Я потеряла трех детей и мужа, а ты потеряла только свою совесть.

— Я не согласна, чтобы Мрака Лутона кто-либо заменил на его посту.

— Тогда ты отправишься к своему супругу, чтобы обдумать положение вместе с ним.

— Я не кончила обедать.

— Ты окончишь свою трапезу вместе с супругом... завтра. Если вы оба одумаетесь.

— Это насиле!..

— Брат Луа, — обратилась к освобожденному фазту Ала Вег. — Мы избираем тебя начальником базы. Мы сейчас же установим связь с обитателями Фобо, узнаем, как поступили они. Все вместе мы будем умолять «Поиск» прилететь за нами.

— «Поиск» сможет только спустить нас всех на поверхность Мара, — сказал Брат Луа. — Я возьму на себя всю заботу и ответственность. Раса фазтов и их цивилизация должны быть сохранены. У меня давно готовы проекты сооружений, которые общими усилиями всех оставшихся в живых фазтов можно будет осуществить.

Маленький фазт с костяным лицом торжественно стоял перед фазтессами, принимая на себя новую миссию.

— Однако все будет зависеть от того, согласятся ли фазты «Поиска» оставить щедрую и цветущую Земю, чтобы лететь для новых тяжелых испытаний нам на выручку.

— Я буду умолять их! — воскликнула Ала Вег.

— Никто не поступится своим счастьем, — сказала Нега Лутон. — Брату Луа бессмысленно быть начальником. Никто не прилетит на базу, никто не переправит нас на поверхность Мара.

— Не у всех там такие же мягкие сердца, как у ласковой сестры здоровья, — сказала Лада Луа.

Нега Лутон поперхнулась от изумления: как осмеливается так говорить о ней эта ничтожная круглоголовая, но тут же

спохватилась: Лада ведь теперь жена нового начальника базы. И Нега Лутон сдержалась.

— Я лишь тревожусь о всех нас, — наконец, как бы оправдываясь, сквозь зубы процедила она.

— Наступает время сеанса электромагнитной связи, — объявила Ала Вег.

И она вышла из общей каюты, направляясь в обсерваторию.

Усевшись за пульт, она увидела перед собой серебристую пулю с коричневыми острыми усиками. Фазтесса гадливо взяла ее пальцами за тупую часть и выбросила в люк отходов, откуда она попадет в космос.

Зажглась сигнальная лампочка вызова.

— Бедный Тони Фаз! Он думает, что в последний раз в жизни вызывает Деймо, — вслух сказала Ала Вег, хотя около нее не было никого.

В обсерваторию вошел Брат Луа и объявил:

— Мрак Лутон сейчас сообщил по каналу внутренней связи, что он согласен обменять свой пост начальника базы на обед, который не успел доесть.

— Даже его собственный ненасытный живот против него, — отозвалась Ала Вег.

— Как новому начальнику мне придется принять участие в сеансе электромагнитной связи с Земой, с фазтами «Поиска».

— Но позвольте мне, Брат Луа, начать сеанс связи. Я постараюсь найти слова убеждения.

— Первое слово твое, — согласился новый начальник.

Сигнальная лампочка на пульте замигала.

Ала Вег включила аппаратуру связи.

ВО ИМЯ РАЗУМА

Ум Сат, тяжело дыша и горбясь, опустился в кресло перед пультом. Его морщинистое лицо, хоть и обросло густой белой бородой, все же заметно осунулось, глаза глубоко западали, но смотрели с прежним пристальным и печальным вниманием. Он попросил Тони Фаз включить для пришедших из леса запись последнего сеанса электромагнитной связи.

И снова в кабине зазвучал глубокий грудной голос Алы Вег:

— «Поиск»! «Поиск»! «Поиск»! Фазты Земы! Вас умоляют о помощи ваши братья, заброшенные на искусственную пылинку среди звезд. Вокруг холодная и беспредельная пустота космоса. Нет под нами твердой почвы, мы питаемся плодами оранжереи, которая разрушается неистощимыми потоками летящих после взрыва Фазны частиц. Нам не прожить здесь, если вы не придете нам на помощь. «Поиск»! «Поиск»! «Поиск»! Фазты «Поиска», вспомните, что вы кровь от крови, плоть от плоти тех, кто дал жизнь и вам и нам! Прилетайте на вашем корабле, который мы считаем также и нашим. Прилетайте во имя любви, которая навсегда останется началом будущей и вечной жизни. Фазты не должны погибнуть. Помогите нам во имя Разума, наследие которого мы должны сохранить. «Поиск»! «Поиск»! «Поиск»!..

Голос Алы Вег затих.

Фазты переглянулись. Ум Сат вопрошающе смотрел на Аве Мара и Гора Зема.

Гор Зем подошел к Тони Фаз и положил ему на плечо свою огромную руку.

— Др-руг мой Тони Фаз! — сказал он, словно дело было только в нем одном. — Мольба наших бр-ратьев с Деймо останется гор-рькой и безответной, р-разрывая нам сер-рдце. Я думаю, что не следует больше поддер-рживать электр-ромагнитную связь с космосом.

— Как? — воскликнула возмущенная Мада. — Отвернуться от наших несчастных братьев?

— Мы не можем помочь им, — возможно мягче постарался сказать Гор Зем. — Пр-рилетев на базу, мы стали бы там лишь нахлебниками, уничтожая пр-родукты и воздух для дыхания.

— Но они рассчитывают, что корабль «Поиск» спустит их на поверхность Мара, — запротестовал Тони Фаз.

— Увы, — мрачно продолжал Гор Зем. — Это так же неосуществимо, как и наше пер-реселение на Деймо. Мы смогли бы долететь до космической базы, но у кор-рабля не хватит гор-рючего, чтобы опустить на повер-рхность Мар-ра и затор-рмозить р-ракету.

Колонкой цифр, написанных на пластиковой пластинке, Гор Зем убедительно доказал полную невозможность лететь к фазтам Деймо.

Аве Мар, Тони Фаз и Мада отлично все поняли. Один лишь Ум Сат, по-видимому, не смог дослушать его до конца. Ему стало плохо, и старца пришлось уложить на этот раз в рубке управления. Мада принялась хлопотать около него, чтобы привести в чувстас.

Понадобилась вода. Ее не оказалось, запасы были израсходованы. Пришлось поднимать ее снизу.

Доставив воду, Гор Зем стал настаивать на том, чтобы немедленно перебраться всем в готовый для них дом в лесу.

— Лесной воздух скор-рее вылечит стар-рца, — убеждал он.

Было решено, что только Тони Фаз останется около аппарата, чтобы в следующий сеанс электромагнитной связи сообщить фазтам Деймо о невозможности прилететь к ним на «Поиске».

Тони Фаз был сосредоточенно-молчалив. Мада боялась за него. Она тщательно заперла аптечку, чтобы баллончик с дурманящим газом снова не попал к нему в руки, и даже заставила Аве Мара забрать все патроны с отравленными пулями.

Печально спускались звездонавты по вертикальной лесенке из нижнего шлюза, словно навеки прощаясь с кораблем.

Ум Сат, которого хотели понести на руках, отказался от помощи и даже сам пошел к лесу, опираясь на руку Мады.

Тропинка, по которой шли фазты, неся захваченные с корабля вещи, стала скользкой. Гор Зем едва не упал.

— Не свор-рачивайте в стор-рону, — заботливо предупредил он.

Среди деревьев показался сруб дома с односкатной крышей.

В свое время Аве Мару, привыкшему к круглым строениям Данджаба, этот дом показался бы нелепым, но теперь смена круглой ракеты на прямоугольный сруб казалась ему правиль-

ной. Он даже облегченно вздохнул при виде убежища на долгие циклы их предстоящей жизни.

Внезапно в проеме окна метнулась рыжая тень.

Аве Мар схватил за руку Гора Зема. Тот и сам заметил неладное и решительно направился к дому. Дверь в нем еще не была сделана.

На пороге Гор Зем столкнулся с огромным фаэтообразным зверем с оскаленными клыками. Фаэт бросился вперед, не разобрав, что это самка Дзинь скалит зубы в подобии улыбки. Он схватил незваную гостью за лапу и ловким приемом переброшил ее через себя так, что она полетела на ближние пни. Вскочив, самка с воем помчалась в лес.

Так было отбито «покушение» фаэтообразных на сооруженный фаэтами дом.

Фаэты вошли в дверь. Гор Зем брезгливо поморщился — смрадно пахло нечистоплотным зверем.

Мада открыла окна, чтобы проветрить помещение.

— Наконец-то мы дома, — с облегчением сказала она.

— Опасаюсь, — заметил Ум Сат, — что фаэтам еще долго придется доказывать, что они здесь дома.

— Пусть эти гнусные твар-ри еще раз попр-робуют сюда сунуться! — зарычал Гор Зем.

— Я испугался, что ты убьешь непрошеного гостя, — признался Аве Мар.

— Я сделал бы так, если бы мне не показалось, что это самка Дзинь, котор-рой мы так обязаны.

— Самка Дзинь? — насторожилась Мада. — Вот как?

— Р-располагайтесь, — предложил Гор Зем. — Я пойду встр-речу Тони Фаз, а то как бы его не встр-ретил кто-либо другой.

Мада улыбнулась ему вслед. Такая дружба фаэтов радовала ее.

Аве принялся мастерить дверь, ловко орудуя самодельным топвром. Ночью фаэтообразные могли бы напасть на спящих фаэтов. Загораживая окна и дверь, он раздумывал над дальнейшей судьбой поселенцев: худо, если им придется жить здесь в постоянной осаде.

На Маду обстановка в доме, когда в окнах вместо решетки появились колья, произвела угнетающее впечатление. Но, глядя на спокойного Аве, она сама прониклась его уверенностью.

Сумерки сгущались. Мада не находила себе места, думая о Тони Фаз и Горе Земи. Судьба далеких фаэтов Деймо тоже не давала ей покоя. Как бы ей хотелось, чтобы оставшиеся в живых фаэты были все вместе!

Мада выглядывала между кольев в окно. В лесу совсем стемнело.

Уставший от перехода Ум Сат крепко спал. Мада дала ему немного подышать дурмящим газом из желтого баллончика.

Аве любовался только что сделанной дверью, неказистой, но прочной, и впервые запер ее.

Мада с сожалением посмотрела на это сооружение.

— Аве, не ты ли говорил, что фаэты должны сберечь цивилизацию своих предков?

— Конечно, я всегда буду говорить это.

— Как же тогда мы, носители цивилизации, могли во имя собственного блага бросить в космосе близких нам фазтов? Неужели нет способа переправить их сюда? Хоть бы найти здесь горючее!..

Аве Мар печально вздохнул.

— Даже найденное здесь горючее не помогло бы. Мы не смогли бы переработать его, как это делали в топливных мастерских Фазны. Где взять множество труб и перегонных шаров?

— Неужели инженер Гор Зем ничего не сможет придумать?

— Едва ли...

— Разве нельзя прилететь на Деймо и общими усилиями расширить оранжерею, усовершенствовать механизмы и все-таки жить всем вместе? Я боюсь оставаться здесь, на враждебной Земе. Она совсем не такая, какой показалась в первый день. Помнишь водопой, олененка рядом с мирным хищником? А теперь?

Дверь со скрипом открылась. Мада вздрогнула и схватила Аве за руку. В проеме двери стоял Гор Зем, он пропустил в дом растерянного, подавленного Тони Фаз.

Мада бросилась к нему и, прижав его к себе, разрыдалась.

— Был сеанс связи? — спросил Аве Мар.

Немного успокоившись, Тони Фаз ответил.

— Лучше умереть, чем слышать слова Алы Вег, которые вывалились у нее в ответ на наш отказ прилететь к ним.

— Р-разве это отказ? Это невозможность, — вставил Гор Зем.

— Она рыдала. Еще никогда и нигде не передавали по электромагнитной связи рыдания. Не было сил слушать. Зачем только Мада отняла у меня желтый баллончик!..

— Успокойся, родной Тони Фаз. Я сейчас дам тебе немного подышать из этого баллончика. Видишь, как хорошо спит Ум Сат.

— Как я могу спокойно спать, если там, на Деймо, Ала Вег, потеряв всякую надежду, утратила веру в силу любви. Я, не задумываясь, полетел бы к ней.

Аве и Мада переглянулись.

Мада ласково успокаивала Тони Фаз. Гор Зем впал в мрачность, сидя у ковшей окна. Из леса несло сыростью. Снова начался дождь. Фазты никогда не могли представить себе, что с неба может литься столько воды. На Фазне не бывало ничего подобного.

Тони Фаз уснул, но беспокойно метался и стонал во сне.

Аве Мар присел к грубо сколоченному столу и, взяв расщепленную ветку дерева, стал наносить на ней какие-то знаки.

Гор Зем, ссутулившись, спал, сидя у окна огромной глыбой.

Мада, обессиленная всем перенесенным за день, примостилась на ложе неподалеку от спавших рядом Ума Сата и Тони Фаз.

Аве Мар старался как можно меньше расходовать энергию переносного фонарика. Он погасил его и засветил лучину, смастерив ее из смолистой ветки, подобной той, которую расщепил, чтобы писать.

Утром дождь наконец прекратился. Ветер разогнал тучи, и в новый дом фазтов заглянуло светило Сол. Сквозь листву деревьев переливалась на воде перламутровая дорожка.

Мада, едва проснувшись и начав хлопотать по хозяйству, сразу заметила в Аве перемену.

Гор Зем был в дурном настроении.

Мада предложила всем немудреную еду, экономя принесенные с корабля запасы.

— Если бы вы слышали ее голос, — сказал, ни к кому не обращаясь, Тони Фаз.

Гор Зем взорвался:

— Себялюбцы! Они думают только о себе! Кто дал им право требовать от нас такой жертвы, как отказ от жизни на щедрой планете? И это делают те, которые пытались взорвать другую такую же, как и у них, космическую базу! Если бы я решал вопрос, лететь ли к ним, я не разрешил бы!

Мада со страхом уловила в раскатах его баса знакомые интонации.

Тони Фаз горестно взглянул на друга.

— Они не все виноваты. Надо делать разницу между начальником базы, сверхофицером Охраны Крови, и ни в чем не повинными Алой Вег и круглоголовыми супругами Луа.

— И есть еще ни в чем не повинные фазы на Фобо, — встала Мада.

— Сколько бы их ни было, разве можно им помочь? — буркнул Гор Зем.

— Это не совсем так, — внезапно вставил Аве Мар.

Все обернулись к нему. Даже лежавший на лавке подле стола Ум Сат сделал усилие приподняться на локте.

— Ночью я сделал некоторые вычисления, которые мог бы проверить Гор Зем, инженер.

— Специалист по первичастицам проверял инженер-ра, создателя корабля «Поиск»? — мрачно осведомился Гор Зем.

— Прости меня, Гор Зем, но я проверил твои расчеты и согласился с ними.

— Ну вот!.. Я рад, — вздохнул облегченно Гор Зем.

— Как жаль! — отозвался Тони Фаз.

— И все же расчеты Гора Зема можно продолжить.

— Разве? — резко обернулся к Аве Мару Гор Зем.

— Его расчеты строились на том, что к Деймо должны полететь все фазы «Поиска».

— Ну конечно! Можем ли мы разделяться? — воскликнула Мада.

— Однако только такое разделение спасло бы цивилизацию Фазны.

— Пусть Аве Мар пояснит свою мысль, — попросил Ум Сат.

— Чтобы сберечь горячее корабля «Поиск», нужно подняться в нем не пятерым, а только двоим. Тогда остаток топлива вместе с запасами горячего на Деймо и Фобо позволит доставить на Мар фазтов баз. Конечно, вернуться на Зему «Поиск» уже не сможет.

— Значит, — воскликнул Тони Фаз, — кроме пилота Гора Зема, с ним может полететь еще один фазт!

— Корабль может вести и Аве Мар-р, — заметил Гор Зем. — Ведь он так ратовал за сохранение культуры погибшей Фазны.

Мада тревожно смотрела на мужа.

— Я не успел посоветоваться с Мадой, но она может сейчас сказать свое мнение. Во имя Разума я готов остаться на Земе, если Мада останется со мной. Правда, после отлета «Поиска» жить здесь придется на положении дикарей, которым в дальнейшем топоры и наконечники стрел придется делать из камня.

— Я готова остаться со своим Аве, — сказала Мада, — как готова была бы лететь с ним на Деймо.

— Значит, я могу полететь с Гором Земом! — с нескрываемой радостью прошептал молодой звездовед.

— Нет, — решительно возразил Аве. — Если уж идти на великую жертву во имя Разума, то продолженную цивилизацию фазтов на Маре должен возглавить великий старец Фаэны, первый ее ученый Ум Сат.

Тони Фаэ уронил голову на руки.

Ум Сат с участием посмотрел на него и сказал:

— Я стар и болен. Стоит ли рассчитывать на меня, говоря о новой цивилизации на Маре?

— Не жить же великому старцу дикарем в первобытном лесу? — возразил Аве. — Это удел более молодых.

— Я на есе согласен, — убитым голосом выговорил Тони Фаэ.

— Р-ручаюсь, не будет так! — неожиданно ударил кулаком по столу Гор Зем. — Ум Сат, конечно, полетит на кор-рабле «Поиск», чтобы возглавить цивилизацию мар-риан. Им пр-ридется пр-применять технику космических баз. Без техники мар-риане не выживут. Но с великим ученым на Мар-р полетит не инженер-р Гор-р Зем, а Тони Фаэ, его др-руг.

— Но ведь я не умею водить космические корабли! — не удержался от возгласа взволнованный Тони Фаэ.

Мада с восхищением посмотрела на Гора Зема.

— Р-разве я не пр-рав? — продолжал Гор Зем. — Остающимся на Земе будет не легче, чем улетающим на Мар-р. В этом пр-проклятом лесу пр-ридется бор-роться за каждый шаг. Тони Фаэ тр-трудно будет защищать здесь семью Аве и Мады.

— Но ведь я не умею водить космические корабли, — печально повторил Тони Фаэ.

— Научишься! Пусть в этом пер-рвом срубе, сколоченном на Земе, начнет свою р-работу и первый ее универ-рситет. В нем будет один только студент, но тр-ри пр-профессор-ра: великий ученый Ум Сат, его пр-прославленный ученик Аве Мар-р и скр-ромный инженер-р Гор-р Зем.

— Два профессора потом станут дикарями, — с улыбкой сказал Аве Мар. — Гор Зем показал нам сейчас, что такое настоящая дружба. Я берусь, во всем помочь Тони Фаэ, чтобы тот смог улететь на Деймо вместе с Умом Сатом.

Ум Сат поднялся со своего ложа.

— Как бы ни тяжела была история грядущих поколений землян и мариан, хорошо, что она начинается с таких светлых чувств!

По морщинистому лицу старца текли слезы.

Не было страшнее дня, чем тот, когда корабль «Поиск» должен был стартовать с Земы в космос.

Остающиеся на Земе Аве Мар, Мада и Гор Зем старались не показать виду, чего им стоят проводы улетающих.

Гигантская ракета остроконечной башней возвышалась над лесом. Наступало последнее мгновение прощания.

Старец поочередно обнял двух крепких и сильных фаэтов, остающихся на чужой планете. Смогут ли они выжить?

Потом к нему подошла Мада. Припав к его седой бороде, она подняла голову и что-то сказала. Старец привлек ее к себе и поцеловал в волосы.

— Аве Мар уже знает об этом?

— Нет еще, — отозвалась Мада.

— Пусть Разум останется жить в ваших потомках!

Подошедший Аве Мар понял все без слов. Он благодарно обнял жену.

Когда Ум Сат следом за Тони Фаэ с трудом поднимался по вертикальной лестнице, он обернулся и крикнул:

— Обучайте их хотя бы письменам!

Гор Зем тоже понял все и горько усмехнулся.

— Пр-риемам охоты учить пр-ридется, а не письменам. И каменные топор-ры делать.

Старец скрылся в люке.

Трое фаэтов, отойдя от стартующего корабля, подняли в знак последнего приветствия руки. Они навечно провожали тех, кто во имя Разума увозил от них наследие цивилизации Фаэны.

Из-под ракеты рванулись клубы черного дыма.

В густом лесу деревья были усыпаны мохнатыми зверями. Со злобным любопытством наблюдали они за своей двуногой добычей, которую предстояло съесть в овраге.

Самые сильные из самцов схватят безволосых и не дадут им вернуться в их «пещеру без камней».

И вдруг под гладким каменным деревом, в котором скрылись один и другой безволосые, загромыхал такой страшный гром, что даже самые свирепые самцы свалились с веток. А потом из-под гладкого дерева повалили черные тучи, как перед водой, падающей сверху, и засверкал бьющий огонь.

Звери кинулись врассыпную.

Таким неожиданным образом путь к дому осиротевших фаэтов на Земе был очищен.

На этот раз они смогли вернуться в свое убежище, не подожрав, что, разогнав врагов, их улетевшие друзья оказали им последнюю услугу.

ПАУКИ В БАНКЕ

Корабль «Поиск», забрав всех фаэтов со станции Деймо, приближался к Фобо. Через иллюминатор уже виднелась заметно разгорающаяся звездочка.

Выдум Поляр, инженер Фобо, стал новым начальником базы.

Когда на Фаэне началась война распада, а с Фобо и с Деймо были посланы по две торпеды распада, молодые фаэты Фобо, настаивавшие на мирном рейсе космического корабля на Деймо,

возмущенные поступком начальника базы, еще до гибели планеты Фазны и до сообщения с Деймо о произошедших у них переменах сместили Доволя Сируса.

Доволь Сирус не сопротивлялся. Он даже охотно сдал полномочия Выдуму Поляру, считая, что вот теперь-то он обретет покой, а все заботы лягут на плечи изобретателя. Но он жестоко ошибся.

На Фобо прилетел «Поиск» со всеми фазтами Деймо и Умом Сатом с Тони Фаз с Земы.

Выдуму Поляру вместе с Алой Вег привелось сесть рядом с Умом Сатом, чтобы вынести приговор военным преступникам. Ум Сат объявил ими супругов Лутон и Сирус.

На вогнутых стенах каюты висели пейзажи Фазны, леса, лужайки, реки, города, моря... которых уже не было.

Перепуганные и возмущенные, никак не ожидавшие такого поворота событий, обвиняемые сидели перед судьями на черной скамье, а позади них у серебристых стен стояли все остальные фазты космоса.

В иллюминаторах виднелся гигантский шар планеты Мар. Ее красновато-коричневый цвет делал освещение зловещим.

Ум Сат оказался фазтом железной воли. На Земе он тяжело болел, окончательно поправившись лишь в пути. Теперь он, огромного роста, седовласый и седобородый, энергично встал во главе колонии фазтов, ее патриарх. И первым своим действием он отдал под суд преступников войны в космосе. Теперь он спокойно сидел за столом, мерно постукивая по нему пальцем.

Начался допрос. Власта Сирус, недобро усмехаясь, сопротивлялась изворотливо и яростно:

— У самозванного суда нет никаких прав судить нас. В космосе нет законов, по которым можно выносить приговоры.

— Закон — воля фазтов, находящихся здесь, — твердо ответил Ум Сат. Его наспуленные брови не предвещали подсудимым ничего хорошего. Он многозначительно взглянул на пейзажи в рамках, кем-то замененных на черные.

Старый ученый внушал Выдуму Поляру огромное уважение. Он не походил на других знатоков знаний, не признававших Выдума Поляра. Напротив, он интересовался его изобретениями и сразу предложил ему совершенствовать проект Брата Луа.

Власту Сирус, несмотря на напускной гонор, знобило. Со стороны это было заметно. Она выглядела жалкой, хоть тон ее и был вызывающим:

— Тогда ищите преступников войны среди руководителей космических баз, а не среди служанок.

Эти слова Власты Сирус вызвали общий смех фазтов, знавших истинную роль огородницы Фобо.

Генерал Доволь Сирус, задыхаясь от обиды на жену, вынужден был подтвердить, что решение послать к Деймо торпеды было подсказано ему Властой Сирус.

Когда его спрашивали, он хоть и с трудом, но поспешно вскакивал. Сейчас он был очень огорчен, всячески подчеркивая это:

— Меня можно судить только за слабость характера в семейной жизни, а не за военные действия. Я только деловой фазт.

Генеральский чин мне дали для фирменной марки военных мастеровских. Как деловой фазт, я собирался приобрести часть территории Мара, чтобы потом выгодно продавать участки переселенцам, — и он доверительно улыбнулся.

— Кого заставил ты снарядить торпеды распада? — в упор спросила его Ала Вег.

— Я снарядил их сам.

— Это было безопасно? — продолжала допрос Ала Вег.

— Вполне. Заряды торпед были хорошо защищены от излучения.

— Значит, ты, ничем не рискуя, шел на уничтожение Деймо? — неумолимо загоняла подсудимого в тупик Ала Вег.

— Приходилось считаться со страхом. Я имею в виду прежде всего страх жены, Власты Сирус, — ответил Доволь Сирус, вытирая пот с лысины.

— Я была права, не доверяя фазтам Деймо, — вставила Власта Сирус. — Они первыми хотели уничтожить наш Фобо.

— А сама Власта Сирус не замышляла ли того же против Деймо? — подавшись вперед, спросил Выдум Поляр.

Власта Сирус из-под сросшихся черных бровей с презрением посмотрела на неудачника зятя, осмелившегося судить ее.

— На войне — не на пиру! — с вызовом бросила она.

— Разве подсудимая не знала о соглашении «Мирный Космос»? — напомнил Ум Сат, спокойно наливая себе из сосуда воды в чашу и жестом позволяя Доволю Сирусу сесть.

— Откуда об этом знать простой огороднице, которая для блага фазтов несет службу в космосе? — опустила глаза Власта.

Тут даже ее покорный супруг снова вскочил и крикнул:

— Об этом здесь знали все!

— Зачем же тогда ты захватил на базу торпеды распада? — ехидно осведомилась Ала Вег, смотря в глаза бывшему начальнику базы Фобо.

— Фазтам Деймо нельзя было доверять, — обезоруживающе улыбнулся ей Доволь Сирус.

— А что может сказать о своем проступке бывший начальник базы Деймо, сверхофицер Охраны Крови Мрак Лутон? — спросил Ум Сат.

Мрак Лутон тяжело поднялся.

— Я не прозябаю под чьей-либо подошвой. Я — солдат. И выполнял данные мне предписания. Вот приказ диктатора Яра Юпи. Я обязан был его выполнить в случае начала войны распада. Меня нельзя судить за честность солдата. Виновен диктатор Яр Юпи, нарушивший этим приказом подписанное им же самим соглашение, но никак не его офицер. — Мрак Лутон положил на стол пластинки с письменами.

— Ты, Мрак Лутон, знал, что заряд распада не защищен и находится около него смертельно опасно, и все же толкнул на верную гибель моего мужа Тихо Вега?

Мрак Лутон усмехнулся и пожал полными плечами.

— В бою офицер послал солдата вперед. Шла война.

— Ссылка на войну неосновательна, — заметил Ум Сат. — Ее не должно быть ни на планете, ни тем более в космосе, ибо война — неоправданное преступление.

— Даже если она ведется во имя защиты? — с вызовом спросил Мрак Лутон.

— Оружие распада — это оружие нападения. Оно никогда не может быть оборонительным.

— Создателю оружия распада, конечно, виднее, как теперь его называть, — ехидно заметила Власта Сирус. — Может быть, правильнее было бы судить того, кто придумал это оружие, а не тех, кто вынужден был его применить. Но судит он! — И она с напускной горечью тяжело вздохнула.

— Что ж! Судите меня, Ума Сата, знатока вещества, за то, что я обнародовал свое открытие сразу на двух континентах, надеясь, что страх перед гибелью всего живого остановит безумие войн, судите меня за то, что я не запретил опасные знания, как сделал бы сейчас. Но те, кто, уцелев в космосе, во вред другим использовал эти знания, должны ответить за свои преступления.

Старец остался самим собой. Он по-прежнему не был знатоком глубин жизни, ему все еще казалось, что достаточно наказать виновных и запретить на вечные времена опасные знания — и зло будет устранено. Но он был старейшим из уцелевших, в честности его никто не мог усомниться, и потому он судил виновников войны распада в космосе. В голосе его звучала непривычная жестокость, глаза мрачно горели.

Власта Сирус вся сжалась от его слов, словно от ударов.

Становилось жутко. По лицам судей трудно было угадать, что ждет подсудимых.

В отличие от огрызающейся Власты Сирус Нега Лутон была совершенно подавлена, в особенности тем, что ее судит... Ала Вег!..

К столу судей вышла Лада Луа. Она смущалась и не знала, куда деть свои полные красные руки.

— Ласковая госпожа Нега Лутон ни в чем не повинна. Когда понадобилось свергнуть начальника базы, она была с нами, фаз-тессами Деймо.

— Подтвердит ли это Ала Вег? — спросил Выдум Поляр.

— Я подтверждаю это, — к величайшему изумлению своей соперницы, сказала Ала Вег. — Мрак Лутон был в бешенстве из-за непокорности жены. Ее вина только в том, что ей хотелось стать первой дамой базы.

Нега Лутон вспыхнула. Лучше бы ее осудили, чем заставляли слушать такие слова. Она готова была испепелить судей взглядом.

Ала Вег сидела с опущенными глазами, Тони Фаз, стоя позади всех фазтов, жадно любовался ею. Как она прекрасна и как справедлива!

Великий старец Ум Сат зачитал приговор суда.

Доволь Сирус, Власта Сирус и Мрак Лутон, виновные в запуске торпед распада с целью уничтожения космических баз, приговаривались к заключению на станции Фобо и не будут взяты на Мар. До конца своих дней им придется самим обслуживать себя, для чего им будут оставлены все необходимые механизмы и оранжерея.

Нега Лутон оправдана и будет взята на планету Мар.

Мрак Лутон, выслушав приговор стоя, затопал ногами:

— Это насилие! Это беззаконие! Преступление! — В уголках его растянутого рта появилась пена. Он схватился за сердце и повалился в кресло.

Доволь Сирус испуганно смотрел на него, потом заныл:

— Умоляю, не оставляйте с нами безумца, верните его на Деймо... Ведь это сверхофицер Охраны Крови. У него руки по локоть в крови.

— Нас безжалостно хотят погубить фаэты, корчащиеся из себя справедливых, — выкрикивала Власта Сирус. — Так пусть же они улетают! Это мы изгоняем их с базы! Ссылаем в мертвые пустыни!

Фаэты понемногу расходились, стараясь не смотреть на осужденных.

К судьям подошла Негя Лутон.

— Я благодарю за то, что вы оправдали меня. Но я прошу оставить меня вместе с осужденными.

Выдум Поляр внимательно и неприязненно посмотрел на Негу Лутон. Он не верил, что ей хочется остаться с этим обрюзгшим, толстым фаэтом, задыхающимся от злобы. Скорее здесь простой расчет: на базе придется меньше работать, чем на неприютном Маре, где заставят сооружать глубинное убежище для фаэтов и их потомков.

Выдум Поляр был прав, однако не учел еще той ненависти к Але Вег, которая руководила сейчас Негой Лутон.

Понадобилось много времени, чтобы проект Брата Луа, обогащенный многими техническими выдумками Выдума Поляра, был закончен. Глубинное поселение с искусственной атмосферой, постоянно очищаемой и обогащаемой кислородом, можно было построить.

Корабль «Поиск» готовился в свой последний рейс.

База Фобо навсегда останется искусственным спутником планеты Мар.

То, что на планету опускалось не тринадцать, а лишь девять фаэтов, позволяло им захватить с собой значительно больше груза, технических приспособлений, инструментов и таблиц с письменами, которые будут изучать будущие мариане.

Выдум Поляр, предвидя голод в металле, необходимом для постройки глубинных убежищ с искусственным воздухом, предложил сбросить на поверхность планеты часть станции Фобо. Для этого треть ее конструкций предстояло разобрать, присоединив к ним одну из оставшихся защитных ракет.

Станция Фобо была много больше станции Деймо. Уменьшение ее помещений ничем не могло отразиться на дальнейшей жизни осужденных.

Кстати сказать, все они наотрез отказались принимать участие в этих работах, предоставляя будущим марианам справляться самим.

Часть металлических труб, составляющих коридоры и помещения пустующих лабораторий, отделилась от станции. Заторможенные реактивной силой защитной ракеты, они должны были

сойти с орбиты станции и, уменьшив скорость по сравнению с первой космической для Мара, начать падение на планету. Ее атмосфера еще больше должна была затормозить падающую часть металла, не вызвав, однако, его сгорания из-за разреженности и малого содержания кислорода.

Вся намеченная Выдумом Поляром операция заняла довольно значительное время, в течение которого фазы жили все вместе. Однако осужденные сторонились остальных и относились к ним враждебно.

Поэтому прощание мариан и осужденных не было печальным. Скорее обе группы фазтов испытывали облегчение.

Ум Сат и Тони Фаз первыми перешли на корабль «Поиск». Оба они думали об Аве, Маде и Горе Земе, самоотверженно уступивших свое место в корабле фазтам баз. Каково-то им на Земе? Выдержат ли они борьбу с фазтообразными?

Затем через переходящий шлюз центрального отсека базы на корабль перебрались и все остальные улетающие.

Ала Вег подошла к Тони Фаз.

— Мы вступаем в новый мир вместе, — сказала она, опуская ему руку на плечо.

Молодой фазт чуть не задохнулся. Небывалые испытания ждали их впереди, а он был счастлив.

Тони Фаз предстояло определить точно, куда упали запасы металла, которым будут пользоваться будущие поколения мариан.

Ум Сат приказал посадить корабль «Поиск» возможно ближе к упавшему на Мар металл. На первое время глубинное убежище придется вырыть самим. В дальнейшем, быть может, удастся найти естественные пещеры, в которые переберутся уже будущие поколения.

Тони Фаз, вспоминая уроки, полученные от друзей на Земе, начал постепенную расстыковку корабля и центрального отсека станции Фобо.

Он подумал: «Приблизится ли когда-нибудь еще к этой станции какой-либо космический корабль и когда это будет?»

В центральном отсеке не было никого из остающихся на Фобо.

Нега Лутон и Власта Сирус замкнулись в своих каютах.

Мрак Лутон, заложив руки за спину, разгуливал по кольцевому коридору, куда выходили двери подъемных клеток. Он обдумывал, как захватить власть на станции Фобо. Опасным противником он считал не пресыщенного Доволя Сируса, а Власту.

Он мысленно закреплял всех за участками, оставляя за собой общее руководство. Придется жить много, очень много циклов.

Возможно, фазтам ничего не было известно о поведении пауков в банке, пожирающих друг друга. Поэтому суд в космосе, оставляя виновных на станции Фобо, может быть, и не руководствовался этим примером, однако...

Доволь Сирус стал летописцем Фобо. Он торжественно писал мемуары, которые, на его взгляд, правдиво расскажут о трагедии Фазны и ее космических колоний.

Очень много времени спустя они действительно кое в чем смогли установить судьбу осужденных.

ЭПИЛОГ

Судьбы уцелевших фазтов на Маре, в космосе и на Земле сложились, конечно, по-разному. И не во всех случаях о них можно говорить достоверно.

В отношении осужденных, оставленных на Фобо, если верить мемуарам Доволя Сируса, отстранившегося от всякой борьбы за власть, эта борьба шла между Властью Сирус и Мраком Лутон. Она закончилась в пользу менее пожилой фазтессы. Мрак Лутон через некоторое время скоропостижно умер в гневе от сердечного припадка.

Доволь Сирус остался с двумя фазтессами и своим вниманием к обеим вызвал их непримиримую вражду. Видимо, не случайно в оранжерее, которой ведала Власть Сирус, вырос ядовитый плод, попавший в блюдо, предназначенное Неге Лутон.

Оставшиеся на Фобо «коренные жители базы» Сирусы еще много циклов жили, опостылев друг другу.

Когда Доволь Сирус, уже в преклонном возрасте, заболел, Власть, якобы желая «уменьшить его страдания», убавила поступление кислорода в его каюту. Тем она «сердобольно» (по собственному признанию) ускорила его кончину.

Власть Сирус продолжала мемуары мужа и, доведенная до отчаяния одиночеством, не имея подле себя никого, кем можно было бы командовать, покончила с собой, выбросившись без скафандра в космос. Ее окоченевший труп, сохраненный абсолютным холодом и пустотой межпланетного пространства, стал вечным спутником станции Фобо и был обнаружен миллион или больше земных лет спустя.

Фазты, переселившиеся на Мар, выжили благодаря высокому уровню цивилизации Фазны, которую наследовали.

После посадки «Поиска» около него возникло глубинное убежище с искусственной атмосферой, а сам корабль превратился в входной шлюз в это убежище.

Новые мариане выходили на поверхность планеты лишь в скафандрах, пытаясь разводить культурные растения. Мечтой их было привести в мертвые пустыни талую воду полярных льдов. Но для этого требовался труд бесчисленных поколений.

Ум Сат был одержим одной идеей — запретить всякие знания о глубинах вещества, дабы спасти грядущую цивилизацию Мара от участи Фазны. Он так и не понял до конца дней, что единственно важным являются не сами знания, а то, в чьих руках они находятся и в чью пользу работают.

Молодые фазты, однако, понимали это и потому прежде всего старались построить свою общину на принципах Справедливости, которые могли бы лечь в основу будущего общества.

Тони Фаз стал любимым поэтом маленькой колонии. В числе его произведений была и печальная повесть о судьбе оставленных им на Земле друзей. Конечно, она была создана лишь его воображением.

Гор Зем самоотверженно защищал семью Аве и Мады от фазтообразных. Но однажды его не стало. Это совпало с переселением мохнатых зверей в другую область, откуда, впрочем, они могли в любое время вернуться, чтобы уничтожить одинокую семью пришельцев.

Жизнь Мады и Аве на щедрой планете, где не требовалось скрываться в глубинных убежищах с искусственным воздухом и с помощью машин возделывать почву, все же была нелегка.

Как и предсказывал в свое время бедняга Гор Зем, фазты на Земле опустились до уровня дикарей.

Аве вынужден был добывать пропитание на всю семью с помощью лука, стрел и копий. Подросшие сыновья стали помогать ему.

Мада готовила пищу на всю разросшуюся семью. Вместе с младшими дочерьми выделывала шкуры, чтобы сшить с помощью сухожилий примитивную одежду и обувь для детей, себе и Аве. Нужно было собирать лекарственные травы, в которых Мада уже знала толк не только потому, что была когда-то сестрой здоровья. Она выхаживала каждого члена своей большой семьи. У нее не оставалось времени помогать Аве в охоте.

После трудового дня в сгустившейся темноте, поддерживая огонь в очаге и растирая каменным пестиком в каменной ступке собранные за день зерна, Мада рассказывала детям сказки.

Она ничего не выдумывала, она просто вспоминала свою жизнь на Фазне. Но для маленьких землян, живших в дремучем лесу, рассказы о домах, достающих облака, или о самодвижущихся

комнатах, взлетающих даже в воздух, как птицы, и даже об управляемой звезде, на которой отец и мать спустились на Земю, звучали удивительной, несбыточной и невозможной сказкой.

Эти сказки о невозвратном прошлом слушал сквозь дремоту и свалившийся от усталости Аве Мар.

Он слушал и не мог понять, снятся ли ему фантастические сны или он вспоминает под влиянием хоть и седой уже, но все еще прекрасной Мады действительные, виденные им когда-то картины.

И под мерный рокот бесконечно любимого голоса первый фазт на Земе, ероша поседевшую бороду, задумывался о том, что ждет его детей и внуков.

Он знал, что им не выдержать борьбы с фазтообразными, если они вернуться. А они вернутся, конечно, непременно.

И Аве решил запечатлеть историю своей семьи и трагедию былой родины на скале в горах, куда ходил охотиться.

Каждый день там появлялась новая строчка, где в письменах оживали грозные дни Фазны и нелегкие дни на Земе.

Но кто и когда прочтет эти записи?

Дети Тони Фаз добивались, что было дальше. Но Тони Фаз ничего больше не написал.

Рассказ

Э
 то добром не кончится, — с кислой миной на лице прогорил вечно чем-то недовольный театральный критик Эдгар Бурин, обращаясь к частному детективу Фрэнсису Чарльзу. — Факт остается фактом: режиссер молод и неопытен. Иначе он не стал бы экспериментировать с таким высоким произведением искусства, как «Гамлет». И... — критик еще раз презрительно поморщился, но продолжать не стал — как раз начинался пятый акт.

Эта премьера «Гамлета» вызвала много толков и пересудов: во-первых, режиссеру Голдингу не было и тридцати лет, но он успел уже снискать себе репутацию человека эксцентричного, гораздого на самые невероятные выдумки. А во-вторых, кому поручены главные роли! Роль Гамлета — комику Джиллю Шорхэму. Джон Фарримонд — Лаэрт — до сих пор был в Вест-Энде никому не известным статистом. Оливия Марстон — королева Гертруда и Роджер Петер — король Клавдий были опытными исполнителями шекспировского репертуара, но то, что Голдинг остановил свой выбор на них, было любопытно с другой точки зрения. Оливия Марстон была заметной фигурой на сцене, почти «звездой», но что до ее репутации вне театра, то она явно хромала, и в околотеатральных салонах хорошо осведомленные сплетники связывали ее имя с именами Петерса, Фарримонда и самого Джека Голдинга. И даже если это были пустые слухи, то не подлежало сомнению, что Оливия, стройная интересная женщина лет сорока, несколько недель назад вышла замуж за Джилля Шорхэма, который был моложе ее лет на пятнадцать.

Этот приятно пахивающий скандалом «фон» пьесы был ясен большинству посетителей премьеры, которые затаив дыхание выискивали какие-нибудь следы напряженности в поведении актеров. Но до сих пор их ожидания не оправдывались, единственное, что было заметно, так это то, что Джиль Шорхэм — Гамлет нетвердо знал текст своей роли. К пятому акту зрители пришли к убеждению, что перед ними — одна из многих средних постановок, и поражала в ней лишь настойчивость, с которой режиссер подчеркивал внутренний конфликт между Гамлетом и королевой.

Наконец поднялся занавес перед началом пятого акта. Голдинг позволил себе сделать здесь непривычные для канонических постановок купюры в тексте. Бурин осуждающе вздохнул, когда в начале этой сцены не оказалось второго могильщика. Джиль Шорхэм, нервный и элегантный, играл все с большей убедительностью, с настоящим подъемом, особенно в сценах похорон Офелии и в поединке с Лаэртом. Некоторые зрители даже наклонились вперед, словно видя в поединке Шорхэма и Фарримонда интригующую правдоподобность. Чарльзу показалось, что Шорхэм чем дальше, тем больше входит в роль. С Озриком он был великолепно ироничен, это подкупало, а к началу дуэли он, несмотря на свою внешнюю сублильность, особенно по сравнению с широкоплечим и высокорослым Фарримондом, явно был лучшим на сцене. Эта сцена игралась быстрее обычного, и Чарльзу пришлось в голову, что и здесь сделаны купюры. И вот

внесли и поставили на столик кубок с отравленным вином, Лаэрт взял в руки отравленную рапиру... Блеснули клинки, Гамлету удалась атака, он взял кубок и снова поставил его со словами: «Сперва еще сражусь...» И еще один удачный укол, королева подошла к Гамлету, чтобы утереть ему лоб. Затем взяла кубок и отпила. Лаэрт ранил Гамлета отравленной рапирой, потом в схватке они поменялись рапирами, и Гамлет ранил Лаэрта. Направляясь к трону, королева громко вскрикнула и упала без чувств; ее окружение засуетилось.

Озрик и двое слуг бросились к ней. Король тоже. «Что с королевой?» — спросил Гамлет, и король подал соответствующую реплику: «Видя кровь, она лишилась чувств». И наступила пауза. Разве сейчас королева не должна сказать что-то? Чарльз напрягал свою память, а Бурин в нетерпении даже прищелкнул пальцами. Гамлет повторил: «Что с королевой?» И опустился на колени перед ней. На сей раз пауза продлилась еще дольше. Потом Гамлет поднял голову, лицо его, искаженное от боли и нерешительности, было незабываемо. Губы его шевелились, но ни один звук не вырвался из них: когда же к нему вернулись мужество и голос, то слова оказались совсем непохожими на те, что написал Шекспир.

— Врача! — крикнул он. — Есть ли здесь врач?!

Остальные актеры, онемев, не сводили с него глаз. С шумом упал занавес. Пять минут спустя у рампы появился Роджер Петерс и сообщил волнующейся публике, что миссис Марстон тяжело больна...

* * *

Когда Бурин и Чарльз оказались на сцене, несколько групп актеров в тягостном молчании стояли по углам. Лишь Джиль Шорхэм, опустив голову в ладони, сидел в красном королевском кресле. Мужчина, склонившийся над Оливией, поднялся с пола, оглядел присутствующих и кивнул Чарльзу, узнавшему в нем известного патологоанатома сэра Эндрю Палквиста.

— Она мертва, — проговорил Палквист, лицо его было очень серьезным. — Это цианистый калий, и нет никаких сомнений в том, что яд она приняла из кубка, который сейчас пуст, но запах горького миндаля и теперь ясно различим в нем...

— Понятно. Но кому... — эта мысль Чарльза была прервана появлением его старинного приятеля, седовласого и сухопарого инспектора Лидса. Инспектор обладал удивительной способностью приводить факты к одному знаменателю. Как овчарка,

хватаящая за ноги разбегающихся овец, выхватывал он из групп отдельных участников этой сцены и задавал им короткие, четко сформулированные вопросы, а Чарльз стоял рядом, внимательно слушая и не упуская ни одного нюанса в поведении и словах актеров.

Когда инспектор завершил опрос присутствовавших, прояснилась следующая картина: кубок, из которого Оливия Марстон приняла яд, был наполнен разбавленным водой вином. Он некоторое время стоял за кулисами. Так что никому из актеров или рабочих сцены не составило бы труда незаметно подсыпать в него яд.

Что касается действия пьесы, то сцена дуэли шла точно по шекспировскому тексту до того самого места, где король — Петерс говорит: «Видя кровь, она лишилась чувств...» Тут королева должна была ответить ему, и то, что наступила непредусмотренная пауза, заставило Шорхэма — Гамлета симпровизировать, повторив свой вопрос: «Что с королевой?» и став перед ней на колени, ибо он полагал, что она просто не может вспомнить свою реплику. Но когда он увидел ее, лежащую на полу, с искаженным гримасой боли и налившимся кровью лицом, то сообразил, что здесь нечто другое, серьезное и страшное. В лице Шорхэма не было ни кровинки и губы его дрожали, когда он объяснял инспектору Лидсу:

— Я мог бы встать и продолжать играть, как будто ничего не произошло, в конце концов по пьесе... она умирает... а через десять минут представление бы закончилось... Так что можно было и не прерывать... — Большие глаза Шорхэма умоляюще смотрели на остальных членов труппы. — Но я просто не мог... Я никак не мог оставить ее так там, на полу!.. Этого я не мог...

— Так как бедняжка все равно умерла, это никому бы не повредило, — сказал инспектор, обладавший чувствительностью амебы. — Насколько мне известно, несколько недель назад она стала миссис Шорхэм, не правда ли? И, насколько я могу судить, она была довольно-таки состоятельным человеком?

Джилль Шорхэм нервно вскинул голову:

— Это что, намек?

— Я ни на что не намекаю, сэр, я просто устанавливаю факты. Чарльз прокашлялся.

— Разрешите, инспектор? Я нахожу, что тут могут наличествовать и иные мотивы.

Взяв инспектора под руку, он отвел его в сторону и поставил в известность о слухах, связывавших имя Оливии Марстон

с именами Петерса, Фарримонда и Голдинга. Во время этого рассказа лицо Лидса оставалось непроницаемым, но Чарльз отметил в его глазах некое подобие растерянности, столь несвойственной обычно для инспектора Лидса.

— Но ведь это означает, что у каждого из этих трех могла быть причина, чтобы... — выдавил из себя инспектор.

— Если он очень любил ее — пожалуй. И кто, вы считаете...

Взгляд Лидса упал на Фарримонда, этого мрачного великана, перешел на самоуверенного и исполненного достоинства Петерса и остановился наконец на молодом режиссере Джеке Голдинге, казавшемся в своем модном современном костюме и дымчатых роговых очках инородным телом среди всех остальных, одетых в костюмы эпохи королевы Елизаветы.

— Пусть меня повесят, если я знаю! Это все равно как в том трюке с тремя картами.

— Вы разрешите мне задать несколько вопросов?

Инспектор не возражал. Чарльз вышел на середину сцены.

— Может быть, это мелочь, джентльмены, но я все же хотел бы выяснить... Кубок лежал на столе, и содержимое его пролилось. Кто опрокинул кубок?

Молчание. Вежливо, но не без угрозы в голосе Чарльз продолжал:

— Ладно. Тогда я попрошу каждого из вас ответить на этот вопрос. Мистер Шорхэм?

Тот покачал головой.

— Мистер Фарримонд?

— Я не дотрагивался до этой штуковины.

— Мистер Петерс?

— Нет.

— А остальные джентльмены, находившиеся на сцене? Или, может быть, кто-нибудь видел, как случилось, что кубок упал?

Молчание, потом невразумительный шепот.

— В высшей степени интересно. Выходит, что после того, как миссис Марстон отпила и поставила кубок на место, он опрокинулся сам по себе?

Инспектор не скрывал своего нетерпения.

— Не понимаю, Чарльз, чего вы хотите добиться? Вы что, считаете, что она вовсе не пила из кубка?

Чарльз покачал головой.

— О нет, к несчастью, пила, бедная. Мистер Шорхэм, знали ли вы... м-м... что у вашей супруги были... поклонники?.. И не давала ли она понять вам, что кто-то из них угрожал ей... грозился отомстить?..

На бескровном лице Шорхэма не дрогнул ни один мускул, лишь какое-то подобие холодной усмешки скривило губы:

— Она однажды говорила, что никогда не благоволила ни к одному из тех, кого вы сейчас имеете в виду, именуя «поклонниками». И добавила еще, что в один прекрасный день у нее могут быть... ну, неприятности, что ли. Из-за этого. Но тогда я не поверил в серьезность ее слов...

— Мистер Голдинг! — обратился Чарльз к режиссеру. Тот невольно вздрогнул. — Я не отношу себя к числу знатоков Шекспира, но мне почему-то кажется, что в вашем «Гамлете» сделано больше купюр, чем это обычно принято.

— Нет, — возразил тот. Толстые дымчатые стекла скрывали выражение его глаз. — «Гамлета» в редких случаях ставят от точки до точки в целом. У нас не больше сокращений, чем обычно. Однако я действительно сократил начало пятого акта, чтобы сделать его более динамичным...

— А как насчет окончания пьесы? Были сокращения на последних страницах текста?

— Абсолютно никаких. И вообще, мы в основном придерживаемся того варианта пьесы, который ставится на любой другой сцене. Вы в этом могли убедиться сами.

Чарльз приблизился к нему и негромко, но весьма значительно проговорил:

— А как по-вашему, мистер Голдинг, это ни о чем не говорит? Вспомните, что кубок был опрокинут и содержимое его пролилось. Вы понимаете, о чем я?

Лицо Голдинга выразило нескрываемую растерянность.

— Понимаю, — прошептал он.

Инспектор слушал их со все возрастающим удивлением.

— А я так нет! — воскликнул он. — Какое отношение все это имеет к убийству? Почему, тысяча чертей, был опрокинут кубок?

— Потому, что убийца знал, что ему самому придется пить из кубка. Припомните, прошу вас, что происходит после того, как королева умирает, крикнув напоследок, что вино в кубке отравлено. Лаэрт тоже говорит Гамлету, что он стал жертвой предательства. И что происходит потом, мистер Петерс?

Роджер Петерс, в королевском костюме и впрямь кажущийся королем, тонко улыбается.

— Гамлет насильно заставляет короля выпить из кубка.

— Правильно. Но случилось так, что Шорхэм прервал пьесу, и дело до этого не дошло. Однако убийца не был уверен, что инстинкт актера не заставит Шорхэма продолжать пьесу, будто ничего не произошло. И что бы случилось тогда? Тогда бы

и королю пришлось выпить отравленного вина. Вы этим рисковать не хотели, не правда ли, мистер Петерс?

Петерс на секунду закрыл рот ладонью. Потом тихо проговорил:

— Нет. Вы умный человек, мистер Чарльз.

— И, таким образом, вы были единственным человеком, у которого были основания избавиться от отравленного содержимого?

— Да, единственным. Но вы чуть-чуть опоздали, мистер Чарльз. У меня было две ампулы. И вторую я только что положил себе в рот. Оливия меня не любила, и жизнь не имела для меня цены, а сейчас, когда ее нет, жить мне не стоит вдвойне. Не мне — так никому!.. — Тело Петерса вдруг как-то конвульсивно вздрогнуло, и он стал медленно опускаться на пол и упал бы, не подхвати его Джон Фарримонд.

* * *

— Ну хорошо, — сказал Бурин, театральный критик, встретившись с Чарльзом два месяца спустя в клубе. — Правда, у вас не было никаких доказательств, но вы дали нам любопытное представление, основой которого являлись чисто логические допущения.

— Я был всего лишь интерпретатором, — проговорил Чарльз со скромной улыбкой. — Заслуга в разработке плана и его проведения в жизнь принадлежит человеку, куда более знаменитому, чем ваш покорный слуга.

— И этот человек?..

— Уильям Шекспир.

Перевел с английского Е. ФАКТОРОВИЧ

На 1-й стр. обложки — рисунок Н. ГРИШИНА
к повести Богомила Райнова «Человек
возвращается из прошлого».

На 2-й стр. обложки — рисунок Б. ДОЛЯ
к рассказу Уильяма Тенна «Берни по
кличке Фауст».

На 3-й стр. обложки — рисунок В. КОЛТУНО-
ВА к рассказу Джулиана Саймонса «Бла-
годаря Уильяму Шекспиру».

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕПРОВ,
А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, Н. В. ТОМАН,
В. М. ЧИЧКОВ

Редакторы выпуска: О. СОКОЛОВ, В. МАЛОВ
Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА
Технический редактор А. БУГРОВА

Рукописи не возвращаются

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. 251-15-00,
доб. 4-10.

Сдано в набор 10/VI 1971 г. Подп. к печ. 22/VII 1971 г. А01249.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 10,5.
Тираж 150 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1373.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

Научно-художественный
ежемесячный журнал ЦИ ВЛКСМ
путешествий, приключений и фантастики

«Великая вещь в жизни, мой юный друг, — это уметь переворачивать страницы», — говорит Фредерику Ваннье, парижскому студенту, немецкий полковник Риктер, один из тех кто терзал оккупированную Францию. Но нет, Фредерик не допустит того, чтобы оказалась перевернутой и забытой страница, где записан подвиг его отца, которого даже его друзья по Сопротивлению ошибочно считают предателем.

Читайте в восьмом и девятом номерах журнала «Вокруг света» повесть французского писателя Жюль Перро «По следам бесследного», о трудном пути, который проделал Фредерик Ваннье в поисках истины.